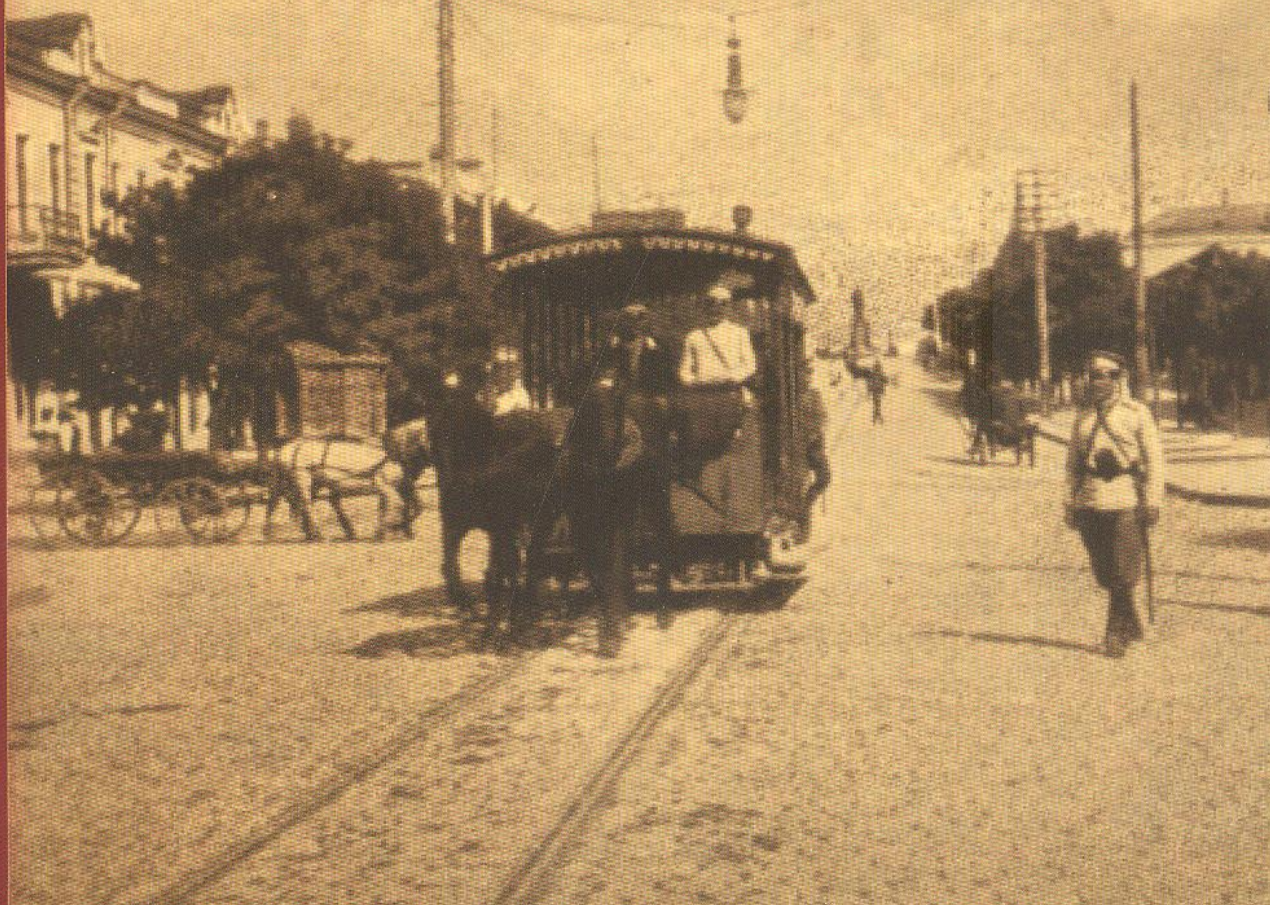

СОБОРНАЯ УЛИЦА
СОБОРНАЯ УЛИЦА

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

1.2013

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»
№1 (4) 2013 р.**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(випусковий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Олена СИМОНЕНКО
Світлана СКИБА
Тетяна ФАБРИКОВА
Олександр ХАЄЦЬКИЙ

Художник:
Юрій КОРНІУКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: s-street.red@yandex.ru

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г.В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x841/8
Умовн. друк. арк. 13,95
Замовлення № 130-07
Тираж 500 прим.

Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книговидання,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2011-2015 роки

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**1
2013**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Алексей ТОРХОВ: Соблазн провинциальности 3

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

Юрий КОТЛЯР: Сакральные центры Николаева 4

ПОЭЗИЯ

Анатолій ЛАСТОВЕЦЬКИЙ: Вже збиралася стати землею 11

Владимир ПУЧКОВ: Без фонограммы 15

Александр ШЕИН: Я – океан с планеты чужой 32

Ждать литературного археолога. Послесловие В. Никитина и А. Торхова 37

Тарас КРЕМІНЬ: Ім'я твоє гірке і чисте 48

Дмитрий КАЗАКОВ: Не заходи в этот шум поднебесный 62

Сергій ЗУБЕЦЬ: Кульгава роса 66

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА: М. Ковалевский, П. Тарасовец, Л. Ратич, Е. Певзнер 77

ПРОЗА

Сергій ОКСЕНИК: Компот із смородини. Безвідповідальний гриб. Місячне більмо 20

Анатолий МАЛЯРОВ: Не оглядывайся, Лот! *Рассказ* 40

Володимир КАЛИНОВСЬКИЙ: Розсипи. *Коротка проза* 52

ПУБЛИЦИСТИКА

К 145-летию со дня рождения. Максим ГОРЬКИЙ: Вывод. *Очерк* 70

Он заговорил о достоинстве человека. В. Гладышев, И. Ширенкова, С. Мезина, А. Вербец, З. Шаталова и О. Керлан 72

Александр КАРМАНОВ: Пословицы службы боярской, или Слово в защиту коррупции 81

Агнесса ВИНОГРАДОВА: Кто вы, лейтенант Шмидт?
(*Ещё раз о книге В. Шигина «Лжегерои русского флота»*) 87

МАСТЕРСКАЯ

Олег ДУХОВНЫЙ: Жизнь в ветреную погоду 96

Ольга МЕЛЬНИКОВА: Тот, кто создал себя 98

АРХИВ

Адриан ТОПОРОВ: Большой террор 101

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Новинки издательства «Илион» 110

Анна РУМЯНЦЕВА: «Золотой фонд – это книги, за которые не стыдно» 111

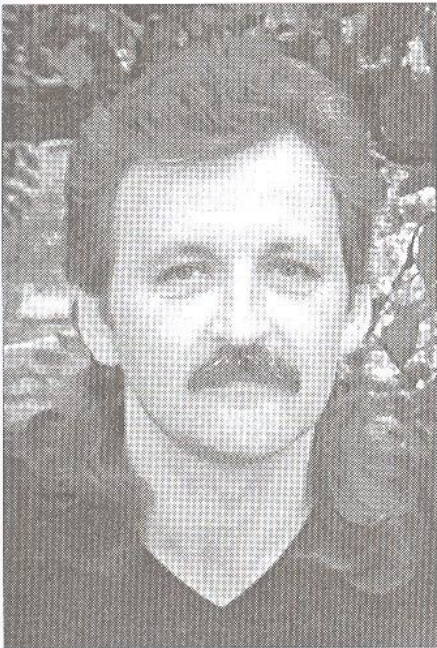
Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Время действия – наши дни 115

ЭКСЛИБРИС

Лариса ЖАЙВОРОНОК: Сбережённая память 117

ОБЛОЖКА

Конка на Соборной улице 120

СОБЛАЗН ПРОВИНЦИАЛЬНОСТИ

Нам ли не испытывать на себе этот постоянный соблазн. «Есть в провинциальности своя сладость, истома – отсутствие напряжённости, плавание в каком-то полусне, где встречаются обломки бывших вещей, блуждают души, не успевшие привязаться ни к какому пространству и времени...» – пишет философ и культуролог Михаил Эпштейн в своей статье «Провинция». Мы живём в этом локальном мире, где пафос затейливо смешивается с бытом до неразличимости в ежедневных сценах, жалких и умильных одновременно. Десятилетиями николаевские поэты и писатели искренне сокрушались, сетовали на отсутствие собственного литературного журнала. А когда «обыкновенное чудо» всё же случилось – многие оказались к нему попросту

не готовы. Как принять, так и соответствовать. По причине всё той же провинциальности. Со стороны редколлегии было бы наивно и самонадеянно полагать, что в наших условиях возможно создание не провинциального литературного журнала «с чистого листа», с первой попытки. Напротив, мы признаём – наш журнал достаточно провинциален. Так в чём же конфликт?

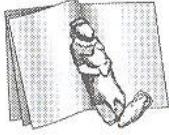
Испокон веков провинцией считалась территория, собственный центр которой был изъят, перенесён в какое-то другое пространство или время. Что же характерно для неё? Традиция как формат. Инерция читательских предпочтений и денег, работающих в издательском бизнесе. Разглагольствования о потенциальной востребованности. Чувство недостаточности и обделённости. Всё это задаёт провинциальность, множит и длит расслабленное предвкушение событий. Здесь не скажут: занят написанием романа. Скажут: подумываю написать роман. Вот только напишут ли?

Рассуждая об уровне региональной литературы и ориентирах журнала, замечу: есть в провинциальности и очевидные плюсы. Например, здесь всегда сохранялись патриархальные ценности. В достаточной мере они сохранились и у нас. Чего не скажешь о столице. В провинции нередка особая забота об изобразительности языка. Нежданно качественные плоды приносит и смешение народов, языков и культур... Но минусов значительно больше. Это искушение жить по старинке, даже провозглашая новые лозунги. Стремление писать жизнь с известных образцов, в надежде повторить чужой успех. Прежде всего, под провинциальной литературой понимается литература банальная, вторичная. Провинциальный писатель, в лучшем случае, напоминает талантливую кустаря, который живёт пространством, но прозябает во времени. Это в полной мере касается авторов, пишущих на украинском языке. И вдвойне – пишущих на русском, находящихся на периферии в своей стране (по признаку языка) и на периферии русской литературы (по территориальному признаку). Как говорится, вдвойне не свои, вдвойне провинциальны.

XXI век не уступает прошлому по событиям, превосходя по темпу жизни. И отображение современности должно быть адекватным. Какие роли мы отводим журналу в местном литпроцессе? «Три в одном» – катализатора, трибуны и школы для молодых. И воз уже сдвинулся с места. В трёх первых номерах «Соборной улицы» были опубликованы 18 поэтических подборок и тексты десяти прозаиков. Некоторые авторы начали писать «в номер», разделяя творческие установки редакции.

Наш воздух пока ещё смачный на вдох и терпкий на выдох. Наши звуки имеют эхо, а тени – толщину. Но если в столичных часах пыль потихоньку садится на часовые стрелки, у нас – она покрывает минутные. Мы возьмем в своём неспешном николаевском времени. Его течение соразмерно с течением Южного Буга и впадает – вязко и протяжно – в лиман, как в метафору остатка жизни. И я обращаюсь к нашим потенциальным авторам. Давайте смахнём пыль с минутных стрелок. Давайте будем творить по большому счёту, всматриваясь сквозь лиман в неперемное море. Постигать его глубину, преодолевая соблазн комфортно барахтаться на мелководье. Памятуя о легендарном «гамбургском счёте», писать о своём неповторимом и – для своих читателей. Прежде всего – для читателей журнала «Соборная улица». А далее – для всех столиц.

Алексей ТОРХОВ

Юрий КОТЛЯР

САКРАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ НИКОЛАЕВА

В последние годы наблюдается рост общественного интереса к вопросам сакральности. Как отметил Л. Леви-Брюль: «Сакральное связывает небо и землю, людей и богов, видимое и невидимое, естественное и сверхъестественное в пространстве присутствия...» На наш взгляд, актуальной является проблема сакральности в Украине, и в Николаеве в частности. Так как украинское общество в последние годы оказалось в ситуации постоянного кризиса, выход из которого невозможен без осмысления духовного наследия, поисков в нём тех ценностей, которые уже были выявлены нашими предками и доказали свою конструктивность и жизнестойкость. Сакральная история Николаева является тем ключом, который отпирает нам прошлое, помогает анализировать современное и направляет к будущему.

Сакральность объясняет идею местности, из которой складывается идея города. Поэтому Николаев не только город корабелов, город-порт, но и древний сакральный центр. В. Кулаков высказывает мысль, согласно которой Николаев – «местность сакральная, маестатная». «Маестатность» означает выделенную в окружающей среде святую силу.

В культурно-историческом разнообразии города Николаева его значимой составной частью является сакральное. На старинных картах эта местность обозначается местом скопления храмов. Сакральность «заложена» в топонимике города – Николаев, названиях его улиц, окружающих населённых пунктов: Богоявленск, Богополь, Вознесенск, Воскресенск, Покровка, Троицкое, а также в его «застывшей истории» – гербе.

Николаев ещё в дореволюционное время имел два герба. Первый герб был утверждён 7 октября 1803 г., а второй – 16 марта 1883 г. Описание первого герба Николаева закреплено в «Полном собрании законов Российской империи»: «На щите, который разделён от верхней середины до нижних углов, в чёрном поле, над серебряной кадьницей изображён золотой крест, окружённый лучами, а по сторонам: в голубом поле Архиерейская митра и в золотом поле Архиерейский посох». Атрибуты архиерейской власти – митра и посох – ассоциируются с покровителем города и моряков Святым Николаем Чудотворцем, но некоторые исследователи видят в «серебряной кадьнице» «Святую Чашу Грааля». Относительно Николаева – «Чаша Грааля» на гербе могла служить символом сакральности этой территории. А. Коцевич считает, что кадьница является алтарём Земли Спасения.

Первый герб с «Чашей Грааля» олицетворял сакральность этого места. 80 лет под первым гербом были самыми удачными в жизни города. На 1868 г. Николаев занимал одиннадцатое место в Российской империи по численности населения: 25190 мужчин и 22072 женщин. В эти годы были созданы главные строения, которые и сейчас радуют наш взор: Адмиральский дом (Музей судостроения и флота); театр Я. Шеффера (Николаевский художественный русский драматический театр); училище для дочек нижних чинов Черноморского флота; казармы флотского экипажа (Строительный колледж и Николаевский областной краеведческий музей «Старофлотские казармы»); лютеранская кирха; здание Александровского реального училища (бизнес-центр); обсерватория; турецкий дворец-комплекс Григория Потёмкина (разрушен); здание Хоральной синагоги (разрушено).

После изменения герба положительная энергетика как своеобразный «полог-хранитель» частично ушла с этого места. И город Николаев из своеобразного сакрального и духовного центра превратился в промышленный судостроительный город корабелов, а это уже совсем другая, не сакральная история.

На территории Николаева исторически и духовно сформировалось пять сакральных центров: «Богоявленский», «Спасский», «Дикий Сад», «Соборный» и «Адмиралтейский». Каждый из них выполнял важную ритуально-научно-культурную роль.

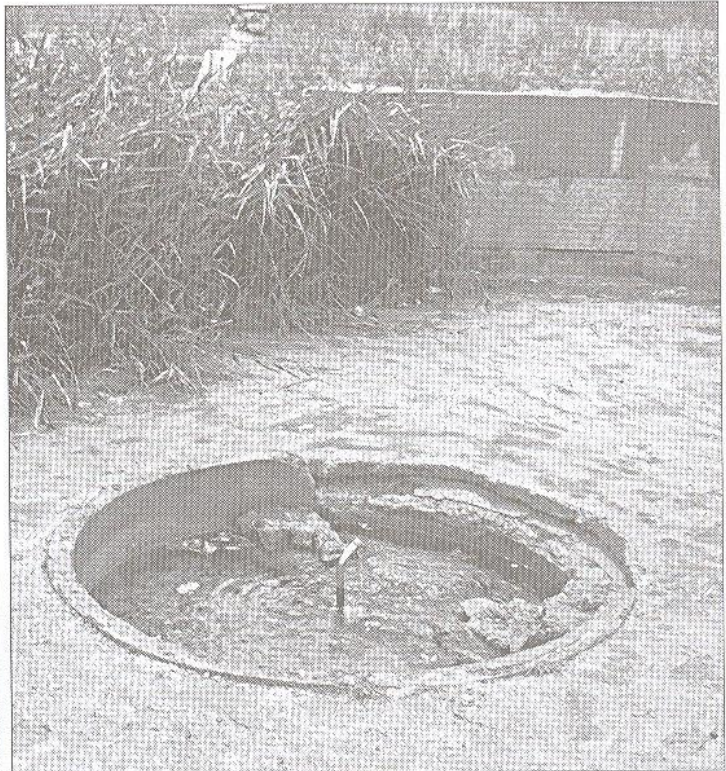
«Богоявленск». Его возраст как сакрального центра не менее 6 тыс. лет. Сакральность этого места доказывается местными легендами о Боге и целительном роднике, Витовтовой таможене, а также археологическими находками, в особенности стелы-памятника из кургана-захоронения ямной и катакомбной культур. Священными местами являются Богоявленский фонтан и легендарный Девичий монастырь, а его символом – живая вода.

На издавна известном святом месте с ключом целебной воды во времена князя Витовта была построена таможня. Она выполняла свои функции при переправе через Южный Буг, позже известной в истории как Витовт брод. А рядом начал активно расти населённый пункт. После отхода этих земель по Кючук-Кайнаджирскому мирному договору к Российской империи поселение получило название Витовка.

Богоявленским оно стало по распоряжению князя Григория Потёмкина из-за родника, целебные свойства воды которого вызвали у князя восхищение. В 1797 г. по проекту архитектора И. Старова был построен Богоявленский фонтан. Строение напоминало своеобразное святилище с куполом на 9-ти колоннах. Над фонтаном был установлен цилиндр (около 3-х м), на котором располагались 4 крупных и 12 небольших сюжетов на библейские темы, выполненные в технике горячей эмали. Наверху был шар с крестом. Вода была очень вкусной и приятной. Лабораторные проверки показали, что она по своим качествам не уступала знаменитым минеральным источникам Кавказа. Старожилы утверждали, что вода лечила глазные болезни и не замерзала. Возле источника в 1788 г. был построен госпиталь, который использовал Богоявленскую воду. Но это не помогло от человеческого варварства. В конце 30-х гг. XX в. крест был сбит, а во время ремонта голубей и ангелов со святыми зарисовали голубой краской. Но произошло чудо: иконы проступили сквозь масляную краску.

Богоявленский фонтан в прошлом

Богоявленский родник. Наши дни

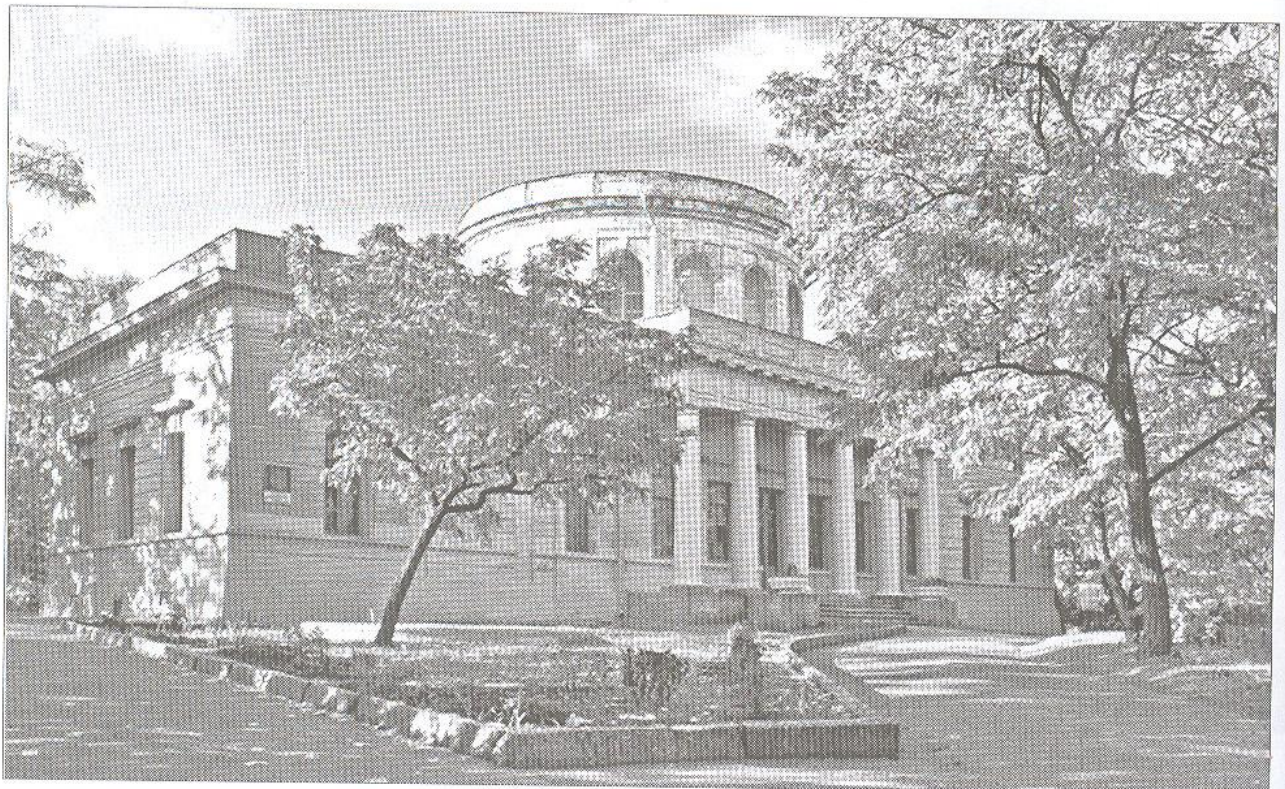

«Спасское» – под этим названием известен обширный участок земли на западе Николаевского полуострова, который прилегает к Бугскому лиману. Согласно ордеру князя Григория Потёмкина № 1065 от 27 августа 1789 г., данную территорию стали называть «Спасское». Название было дано за Спасо-Николаевским мужским монастырём для отставных офицеров армии и флота, который Г. Потемкин собирался основать на этих землях. Из того времени на планах, картах и других официальных документах местность стали называть «Спасское Урочище», а в народе – «Спасское». Здесь же, в балке, находилось несколько естественных источников, которые длительное время обеспечивали окружающий район питьевой водой. Таинственность территории связана с неисследованными естественными карстовыми пещерами, о которых в своё время говорил знаток старого Николаева купец А. Самокишин.

Здесь же находится самая высокая точка на Николаевском полуострове, которая получила название Спасский холм (высота 53 м над уровнем моря). На холме с 1821 по 1829 гг. строилась Морская астрономическая обсерватория. Закладывая фундамент, строители нашли каменные круги – кромлехи, которые в общих чертах напоминали древнюю обсерваторию-святилище британского Стоунхенджа. Судя по всему, холм на месте слияния двух рек – Южного Буга и Ингула – выполнял функции древнего святилища и места для погребений. Его ориентировочный возраст 3,5 тыс. лет до н. э., что соответствует времени появления первых курганов-погребений в Северном Причерноморье.

«Спасское» легендарно связано с деятельностью двух исторических личностей: короля Швеции Карла XII и гетмана Украины И. Мазепы. Согласно версии Ф. Лагуса, после поражения в Полтавской битве 1709 г. остатки шведских и казацких войск в ночь с 3 на 4 июля остановились в Спасском урочище для отдыха. Ф. Лагус лично проследовал по пути Карла XII и Мазепы в 50-х гг. XIX в., а результаты своего исследования вскоре опубликовал. Гипотеза Ф. Лагуса нашла своё некоторое подтверждение в исследовании В. Никитина, которое основывается на неизвестных материалах Ф. Каминского.

Второй сакральный центр Николаева – «Спасский» с характерным центральным местом – курганом-холмом-обсерваторией. Его возраст не меньше 5,5 тыс. лет. На территории Спасского находятся неисследованные карстовые пещеры и подземелья. Здесь происходили знаковые исторические события, связанные с Карлом XII, И. Мазепой и Г. Потёмкиным.

Обсерватория на Спасском холме

«Дикий Сад». Третьим сакральным центром Николаева является местность, расположенная в треугольнике «Дикий Сад» – Лагерное поле – Дом офицеров флота. «Дикий Сад» – это древнее городище периода финальной бронзы. Регулярные раскопки под руководством доцента Ю. Гребенникова и директора НИЦ «Лукоморье» К. Горбенко позволяют утверждать, что городище «Дикий Сад» возникло в конце XIII в. до н. э. и существовало до конца IX в. до н. э. По словам Ю. Гребенникова, предполагается, что «Дикий Сад» – это и есть тот самый город киммерийцев, описанный Гомером в «Одиссее». Как считает профессор В. Клочко: «Городище «Дикий Сад» является единственным сохранившимся в Украине археологическим памятником – остатками черноморского города-порта времён легендарной Трои и самой Троянской войны».

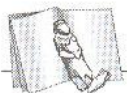
На территории «Дикого Сада» находились культовые сооружения храмового типа, где отправлялись ритуалы, связанные с культом солнца и огня (пандус, ямы и очаги), культом плодородия (фаллические символы, керамические хлебцы) и культом предков (захоронение черепов человека без нижней челюсти). «Дикий Сад» выполнял функции культурно-религиозного, политического и торгово-экономического центра Восточной Европы.

Лагерное поле – участок на северо-западе Николаевского полуострова, расположенный в районе мыса Порохового Погребя между урочищем Сухой фонтан, крайними городскими кварталами и зданием Штурманского училища (современные казармы им. М. Фрунзе). На этом месте в летнее время разбивали свои лагеря воинские части, квартировавшие в Николаеве, отсюда и произошло название. С Лагерным полем связана основная масса экстрасенсорной информации города Николаева. За более чем 220-летнюю официальную историю города там не было жилых домов. Лозоходцы утверждают, что этот район – геопатогенная зона, обязанная своим происхождением подземным источникам, создавшим обширные полости под землёй, и что она крайне нежелательна для жизни.

Дом офицеров флота, или Дом флагманов и капитанов Морского ведомства, расположен в начале Адмиральской улицы и построен в 1824 г. по распоряжению адмирала А. Грейга. Он был центром информационно-пропагандистской, просветительской, учебно-воспитательной работы и духовно-нравственного воспитания не только моряков Черноморского флота, но и жителей города Николаева.

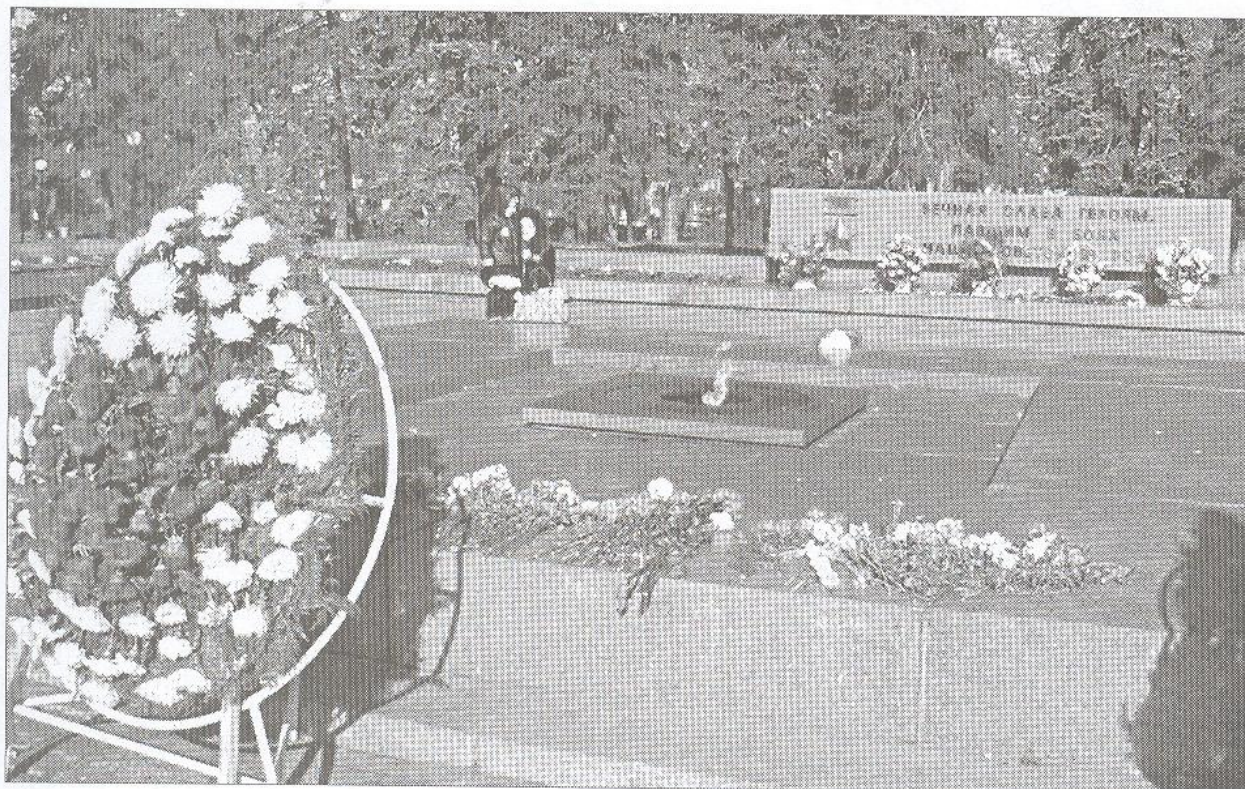
Городище «Дикий Сад»

Третий сакральный центр исполнял роль святилища. Жрецы контролировали торговые пути вдоль рек Ингула и Южного Буга, а также осуществляли жертвоприношения для киммерийских богов. Они имели определённые математические навыки, могли рассчитать календарь и, возможно, владели письменностью на уровне линейного письма «В» крито-микенской эпохи. Возраст третьего сакрального центра – больше 3,5 тыс. лет. Данный сакральный центр в наше время несёт своеобразную отрицательную для людей энергетику (геопатогенная зона, «мерцающие тоннели», отсутствие постоянного населения, возможное наличие карстовых пещер).

«Соборный». До настоящего времени исследователи так и не сошлись во мнении, где находился мыс Гипполай и храм Деметры, о которых писал «отец истории» Геродот: «Клинообразная полоса земли между этими реками называется мысом Гипполая. На нём воздвигнуто святилище Деметры». В этом контексте весьма интересными представляются исследования николаевского краеведа А. Золотухина, который высказал предположение о том, что храм Деметры мог находиться на территории Николаевского полуострова. Термин «Гипполай» имеет два перевода с греческого языка: «Большой лев» и «Конный народ». Внешние контуры Николаевского полуострова вполне могут быть истолкованы как фигура льва, а то, что здесь жили киммерийцы, которые считаются конным народом, доказывает существование древнего городища «Дикий Сад». Ещё одним подтверждением указанному факту может служить «Карта для истории о движениях, пространстве и падении Боспорского Царства при нашествии Гуннов, около 375 или 377 года по Р.Х.», где примерно на территории современного Николаева указан Храм Цереры (Церера – это римское название Деметры).

Традиции храмового существования были продолжены и после основания города Николаева. В 1794 г. построен и освящён Адмиралтейский собор, который более ста лет был главным храмом Черноморского флота. Несмотря на его уничтожение, святость места, так или иначе, сохранилась. На этой территории разместился Мемориал героев-ольшанцев и горит Вечный огонь, а 1 октября 2005 г. была открыта и освящена часовня Святого Николая. Прослеживается чёткая логическая цепочка священных зданий, которые не один век несли духовность: Храм Деметры (Цереры) – Адмиралтейский собор –

Вечный огонь Мемориала героев-ольшанцев

Вечный огонь (часовня Святого Николая). Мы назовём этот центр «Соборный», т.к. большинство сооружений, которые находились на нём, носили культовый характер, здесь была и Соборная площадь, и улица Соборная. Это четвёртый сакральный центр Николаева, которому больше 3,5 тысяч лет.

«Адмиралтейский». На территории Николаева существует и пятый сакральный центр, который начал развиваться немногим более 200 лет тому назад. Попробуем определить, каким условиям должен отвечать новый сакральный центр. Во-первых, он должен быть достаточно большим – несколько гектаров. Во-вторых – эта территория не должна иметь значительного количества постоянного населения. В-третьих, здесь должны происходить знаковые исторические события. В-четвёртых, на этой территории должны существовать культовые сооружения и центры образования. В-пятых, местность должна нести невидимый ореол святости и таинственности.

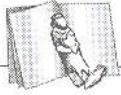
Большую, не заселённую постоянными жителями территорию занимает бывшая Адмиралтейская площадь (площадь Коммунаров), район корпусов современного Черноморского государственного университета имени Петра Могилы, парк имени Г. Петровского, территория городской больницы на улице Володарского – с одной стороны. Главные ворота Адмиралтейства, корпуса казарм флотских экипажей и сквер Пролетарский (Манганариевский) – с другой стороны.

Относительно знаковых исторических событий – это расстрел 21 ноября 1919 г. по приказу генерала Я. Слащева 61-го жителя Николаева.

Своеобразным символом территории являются «Ворота» судостроительной верфи, построенные в конце первой половины XIX в. (архитектор К. Акройд). Сооружение напоминает древнеримские триумфальные арки. По бокам от ворот сохранились изображения мифологических существ – лошадей с рыбьими хвостами и крыльями (гиппокамы). Изображение морских коней возле ворот Николаевского адмиралтейства несёт в себе глубокий сакральный символ. Перед нами конь с крыльями, который уносит души умерших или является священным символом подземного царства мёртвых. Эти идеи подтверждаются некрополем на площади Коммунаров. С другой стороны – николаевские морские кони – символы Посейдона, а в более современной интерпретации – судостроения.

Ворота судостроительной верфи

На указанной территории значительное количество культовых и образовательных сооружений. На месте современного корпуса ЧГУ имени Петра Могилы находилась Свято-Никольская церковь 58-го пехотного Пражского полка. В этом же районе функционируют Госпитальная Святого Александра Невского церковь, Леонидо-Феодосиевская церковь (Пантелеймона Целителя). В здании Николаевской богадельни (площадь Коммунаров) действовала Скорботническая церковь, а во флотских казармах до 1920 г. – Покровская церковь. Кроме православных храмов, на этой же территории в 1870 г. была построена мусульманская мечеть, здание которой существовало до 1920 г., а остатки минарета – до 1946 г. Недавно была построена часовня «Божьей Матери-Целительницы», что также свидетельствует о значительной духовности и святости места.

Духовность всегда тесно связана с образованием. Прообразом учебного заведения была просветительская деятельность Свято-Никольского братства при Свято-Николаевской церкви 58-го пехотного Пражского полка. В 1826 г. в районе современного парка Г. Петровского было построено Николаевское училище для дочерей нижних чинов Черноморского флота. 14 ноября 1862 г. в помещении бывшей штурманской роты старофлотских казарм была открыта первая мужская (Александровская) гимназия. В наше время в здании бывшей гимназии находится Строительный колледж.

В 1899 г. было открыто Ломоносовское училище; сейчас в его отреставрированном корпусе находятся ректорат и зал заседаний Учёного совета ЧГУ имени Петра Могилы. На прилегающей территории также находятся Международный университет развития человека «Украина», Учебно-научный институт истории и права Николаевского национального университета им. В. Сухомлинского, Николаевский областной муниципальный колледж, Центральная библиотека имени М.Л. Кропивницкого, а также краеведческий музей «Старофлотские казармы».

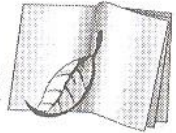
Поэтому мы можем говорить о существовании пятого сакрального центра – Адмиралтейского, возраст которого не меньше 200 лет. Его своеобразной визитной карточкой можно считать изображение крылатых морских коней возле ворот бывшего Николаевского адмиралтейства, которые символизируют связь подземной и морских стихий.

В каждом из пяти сакральных центров можно выделить единое святое место, которое аккумулировало энергию, а возможно, и сохраняло информацию о научных знаниях прошлых эпох. В «Богоявленском» – это родник с живой водой; в «Спасском» – Спасский холм; в «Диком Саду» – помещения, которые исполняли роль культового центра; в «Соборном» – Адмиралтейский собор; в «Адмиралтейском» – бывшая Свято-Никольская церковь 58-го пехотного Пражского полка.

Если рассмотреть территориальную расположенность всех сакральных центров (за исключением Богоявленского), то относительно старого Николаева мы можем говорить о так называемой зоне сакральности. Она несёт и сохраняет в себе основной духовный потенциал города, который проявляется в наличии культовых сооружений, центров образования, науки и культуры.

Котляр Юрий Вадимович. Доктор исторических наук, профессор. Родился в 1969 году в пгт Березнеговатое Николаевской области. Окончил Одесский госуниверситет по специальности «История». Работал учителем, заведующим историко-краеведческого музея в пгт Березнеговатое, заведующим кафедры исторических дисциплин в НУНИ ОГУ имени И.И. Мечникова. С 2007 г. – заведующий кафедры истории ЧГУ им. Петра Могилы. Лауреат областной культурологической премии им. Николая Аркаса. Автор свыше 200 научных трудов по истории Украины, историческому краеведению, аграрной истории, военной истории Украины.

До 75-річчя з дня народження

Анатолій ЛАСТОВЕЦЬКИЙ

ВЖЕ ЗБИРАЛАСЯ СТАТИ ЗЕМЛЕЮ

ЗА ВІКНОМ

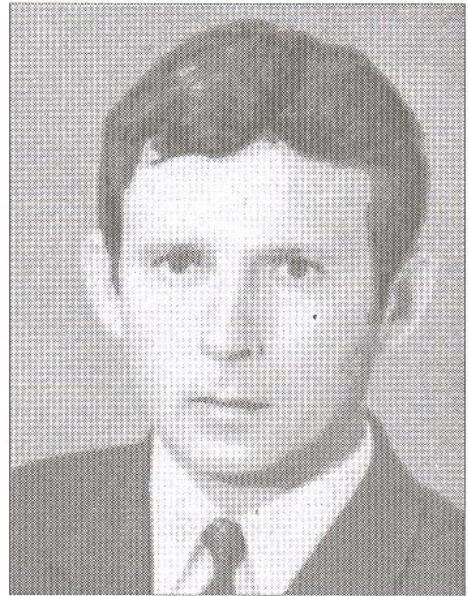
За вікном родильного будинку,
В живоплоті щедрого світання,
Обірвались, ніби павутинка,
Скрип коліс, гусей ярмаркування.
Вітер збив свій регіт гордовитий,
І літак заляк у шибці синій, –
В цю хвилину володіє світом
Крик людини... Перший крик людини!
Володіє... І які тривоги
Мати п'є очима молодими, –
А в куточку губ, в слюзі знемоги
Жевріє ласкаво: «Володимир...»

ХУДОЖНИК

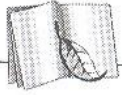
І діброви, й сади, і луки –
Все вбирає допитливий зір.
Мускулясті пісенні руки
Зносять лінії на папір.
І росте з-під руки привітно
Життєдайне плетиво віт,
І вторгається місяцем квітнем
У світ.

НАША ХАТА СКРАЮ

Ось вихор вирвався з-під небокраю...
А скільки їх за день в степу було!
А ми – навпроти...
Першими приймаєм
І тиху радість, і холодне зло.
Так живемо, бо наша хата скраю,
А вже за нею моститься село.

Ластовецький Анатолій Олексійович. Український радянський поет. Народився 7 лютого 1938 року в с. Баратівка Новобузького району Миколаївської області в родині службовців. Закінчив Первомайське медичне училище. Працював фельдшером Миколаївської міської станції «Швидкої допомоги». Друкувався у місцевій та республіканській пресі. Писав дитячі вірші, мав публікації в журналах («Барвінок» та інші). Автор поетичних збірок: «Жбан роботи» (1970), «Час цілющих турбот» (1974). Член Спілки письменників СРСР з 1976 року. Трагічно пішов з життя 27 травня 1979 року. Посмертною епітафією для поета став вихід у світ книжки поезій «Голосом любові» (Одеса, видавництво «Маяк», 1981 р.; упорядник Валерій Бойченко).

ОЙ, БІГЛА ПОЛЯМИ

Висока, весела, біла
До гурту, до гурту бігла:
Чи сон розділить цікавий,
Чи виплеснуть сміх яскравий...
Ой, бігла полями, бігла
Та біла акація, біла...

Мовчить, як вдовиний клопіт, –
Цвіте у забутім окопі.

ДЯДЬКО ВЕЧІР

Дядько Вечір Сивий
Вийшов десь із поля –
Під віконцем нашим
Став біля тополі.
Тільки як же може
Та тополя спати –
Їй гніздо пташине
Треба колисати.
Доки не замовкне
Пісенька пташина –
У кімнаті нашій
Не засне дитина.
І в колиці вітру
За вікном поволі
Дядько Вечір Сивий
Розгойдав тополю.

В ІНСТИТУТІ ФІЛАТОВА

Чорнота. А тепло розмов
Повівало з ночі густої:
Є десь неба блакитна кров,
Є зелена тінь під вербою,
Є веселка... І в чорний вир
Пада блискавка світловію!
В зір прозрілого – лікаря зір.
Усміх усміху так радіє!
І не знаєш, хто більше заспраг
У чеканні днів найсвітліших,
Не вгадаєш, в чиїх очах
Зелен-саду найбільше...

* * *

Від ґрунту, від пилу, од вітру,
Від жестів сталевого плуга
У тіло за день непомітно
Закралася втома-натуга.
І ось в теплій сутіні ночі,
Де хата жадає мовчання,
Ніяк не вгамуються очі,
Розбуджені досвітком раннім.
Та, мабуть, інакше й не можна
Відчути, дізнатись, помітити,
Наскільки за ніч переможно
В степу виростає жито.

* * *

Б'ються щебетанням жовтокрилим
Соняшників дзвони золоті:
Може, десь тут сонце забарилось –
А йому ж у світ пора іти.
Мамо! Мамо! В нележку годину
Розкажіть іще в погідний день,
Як колись в гніздечкові пташинім
Вітер заколисував мене...

* * *

Так, я не бачив, як спиш ти, а може...
Спиш – і розхвилене тепле волосся
На білосніжнім дівочім ложі
З стрічками снів неоглядних сплелось,
Спиш ти, і губи твої торкає
Усміхом тихим чи поле, чи небо.
А поза вікнами день виростає
Із негріховної думки про тебе.

ТИША

О тиша!
Така лиш буває
В час прийняття присяги.
Стоїш, а світанок без краю
До обрію ген розгортає
Пшеничного поля стяги.

ОСВІДЧЕННЯ

Я вбираю всі радощі в себе
І стаю то струмком при долині,
То блакитними хвилями неба,
То медовим настоєм ожини.
Пахну розхлюпом білих акацій,
Озиваюся з кобзи струною.
Приінгулля моє, царство праці,
Свою спрагу вгамовуй ти мною.
Я іду, де у травах не мілко,
За горбами в дороги безкраї
Викликає пастуша сопілка
Літаки реактивні з-за гаю.
І дарма, і дарма страшнолиці
Деся там хмари шуліками виснуть, –
Крок – і вилетить з ниви жар-птиця
Прямо в пісню.

ДОНЬЦІ

Заметіль викручується хитро.
Не вгадать за мить – в який же бік
Знову вдарить гостродзьобим вітром.
Звісно: лиш на день, а не на рік.
Донечко! Од хати і до хати,
Де стежини снігом замело,
Бігай по заметах пелехатих,
Всім еством віншуючи тепло!

ВОНА

Сад вишневий Вона віддавала.
Весь свій сад з рушниками доріжок,
Із вітрами пташиних веснянок.
Віддавала – хай служить ще дітям
Та онукам – пілотам майбутнім,
Косарям, а чи, може, й поетам...
Сад вишневий Вона віддавала,
А просила, аби їй поклали
У сухесеньку жилаву жменьку
Хоч однесеньке зернятко вишні...
Так просила. Благала. Вже знала...
Вже збиралася стати землею.

Владимир ПУЧКОВ

БЕЗ ФОНОГРАММЫ

ВЫШИВАНКА

Ты иголкой крестила рубахи,
пряча ниток исподних концы:
всё цветочки да райские птахи,
а в изнанке – узлы да рубцы.

Запасала румяна и блёстки,
торопилась по-новому жить,
но на чёрт-те каком перекрёстке
почернела червонная нить.

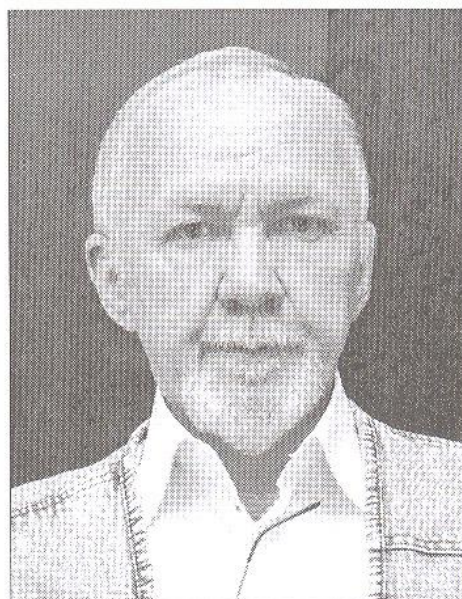
Ты такого не знала соблазна:
захлебнувшись надеждой хмельной,
что ж ты, ненька, кивнула согласно,
будто я у тебя неродной?

Перед сватъями печь колулая,
тупишь взор, чтобы стыд превозмочь,
золотая моя, голубая,
ненаглядная сукина дочь!

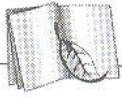
И молчу, побелев от позора,
за оградой обиду тая,
рядовой интернатского хора –
в вошебойке остриженный я.

Не сули вышиванок-гостинцев! –
по стерне, по колену в снегу,
всё равно, из любых сиротинцев
я домой – чуешь, мамка? – сбегу.

Маков цвет по щеке гладью вышит,
но заветный секрет – в узелке.
Обними! – пусть никто не услышит,
на каком мы молчим языке.

Пучков Владимир Юрьевич. Поэт, публицист, переводчик. Родился 15 марта 1950 г. в г. Славянске Донецкой обл. Окончил филфак Николаевского пединститута (1970) и отделение журналистики ВПШ при ЦК Компартии Украины (1980). С 1976 г. работает в журналистике, заслуженный журналист Украины (1999), главный редактор газеты «Вечерний Николаев» (с 1994 г.). Автор поэтических книг «Азбука музыки» (1984), «Парусный цех» (1988), «Видимо-невидимо» (1989), «Вечерний чай» (1998), «Штрафная роща» (2005), «Два берега» (2008), «На стыке моря и лимана» (2009). Представлен в ряде антологий, в интернет-изданиях. Лауреат литературных премий им. Н. Ушакова (2005), «Планета поэта» им. Л. Вышеславского (2009), международной литературной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (2010). Удостоен диплома «Anderson House Foundation» (США) за лучшую поэтическую книгу года (2010). Член НСПУ и Союза писателей России.

ГОД БЫЧКА

Одного не хватает толчка,
чтоб отчалить на парусной тяге...
Это год не Быка, а бычка –
беспородной лиманской дворняги.

Где причал об одном фонаре,
он бичует, отвержен от стаи,
пряча тело в мохнатой норе
у ольвийской дорической сваи.

Шевелится течению в лад,
глупый раб постоянства и веры,
сторожит терракотовый клад
с утонувшей когда-то триеры.

Так, от мира укрывшись рукой,
утепляясь вином и ватином,
доходяга хранит за щекой
золотую монетку с дельфином.

Это год не Быка, а бычка –
самокрутки, похмельной заначки,
позабывшего ноты смычка,
потерявшей решенье задачи.

Чтобы слово, назло падежам,
заискрило от встречного слова,
мы, дружок, разговор по душам
забычкуем до лучшего клёва.

Глянь, бенгальская божья свеча
рассыпается брызгами света
над картонной временкой бича
и панельной скворешней поэта.

Ледяная мерцает вода,
и кляня, как постылую ношу,
я уже никогда-никогда
этот сумрачный берег не брошу.

Пусть дрожит на песке золотом
Год Бычка, как обмякшая гиря,
шевеля обеззвученным ртом
и крылатые жабры топыря.

ОДНОКЛАСНИЦА

Укрой, сохрани и обрадуй,
соцветья крест-накрест сведя,
сирень за церковной оградой,
тяжёлая после дождя!
Где в кронах полночного сквера
горит золотое шитьё, –
забудь, одноклассница Вера,
суровое имя своё!

Летит, лепестки обрывая,
ночные сверлит облака
окраинный рокот трамвая,
сухой вибровывоз сверчка.
Под этот нехитрый оркестрик
целую меж тёмных ветвей
налипший сиреневый крестик
над вырезом блузки твоей.

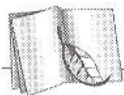
Архангел нас ловит на слове,
в небесные горны трубя...
У Веры – упрямые брови
и взор, устремлённый в себя.
Губами, как порох, сухими,
забыв про еду и питьё,
всё шепчет заветное имя,
суровое имя своё.

СОЛДАТИК

Говорил губернатор,
из опалы вернувшийся в кресло:
«Надо всё потерять,
чтобы детская память воскресла...»

Как оживший мираж –
шевелинётся сквозь годы и даты
красно-чёрный мураш
на приступочке маминой хаты.

«Мой солдатик, ты жив –
ты несёшь незаметную службу,
ни на миг не забыв
нашу верную детскую дружбу,
целый век копошась
у корней материнского сада,
по-солдатски страшась
моего генеральского взгляда!...»

Смят и выбит твой полк,
да и ты уцелеешь едва ли,
ты бормочешь про долг,
а тебе – ни креста, ни медали!

«То фавор, то опала...
Судьба наша – тайна дремучая», –
говорил губернатор,
виски поседевшие мучая.

Что судачат о нём?
То, что властвует жёстко и сладко.
Словно адским огнём –
на челе опалённая складка.

Здесь – игра и кураж,
кудри в пудре и трон в позолоте.
Там – солдатик-мураш
на соломинке в водовороте.

БЕЗ ФОНОГРАММЫ

*Памяти николаевского мэра
Владимира Чайки*

Среди зевак и воронья, глотнув рюмашку,
сверкнул улыбкой: вот он я – весь нараспашку! –
такой, как есть, во цвете лет, налитый колос...
Пустяк, что вырубил свет, – имейте голос!

Зияют, как нули с табло, тузы и дамы.
Он подмигнёт: а вам слабо – без фонограммы?

Чем к чёрным дням копить гроши в дурных усилках, –
рванётся песня из души на белых крыльях
и затрепещет на ветрах её свобода,
и лопнут ниточки в руках у кукловода!..

Пусть наши ноты и слова – не филигранны,
но на миру душа жива – без фонограммы.
Глядите – в облачном дыму, в небесных недрах –
как аплодируют ему и друг, и недруг!

В разлёте рук, в напряге жил – из плоти зыбкой
ушёл стремительно, как жил, сверкнув улыбкой,
скользнул по краешку весны, как санный полоз...
Не рвите сердце, пацаны! Имейте голос!

ЦИТАДЕЛЬ

Славный денёк...
С утолённой печалью вчерашней
сядем в тенёк
под картечью калеченой башней.
Сняли осаду.
Фасад размалёван, как ребус:
«Bag Bastion» –
де-ми-ли-та-ри-зована крепость!..

Рваные уши наставили встречному вою
псы крепостные,
вышвырнутые на волю.

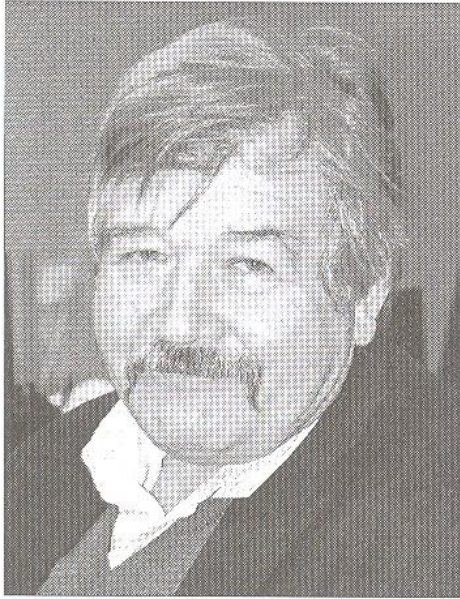
Мы из страны, что всегда пребывала в осаде,
порох копила и локти кусала в досаде,
до миллиметра делила казённую пайку,
мёртво зажав Мавзолея гранёную гайку.
Равенство хлеба и водки...
Ах, много ли надо
детям кирзовой Слободки
и Дикого Сада!

Сняли осаду...
Но что нам соблазны ОВИРа! –
сели над пропастью,
свесили ноги с обрыва:
город подсолнечный в море шкварчит, как жаровня, –
пылкий ракушник державным гранитам не ровня,
к лакомой кромке – довеску имперской краюхи –
вольные волны, шурша, подползают на брюхе.

Прядают яхты, на боны накинув поводья,
бухта в штриховке – как мачтовый лес в половодье,
за волнорезом – закатная тропка до Бога,
а за спиною – булыжная наша дорога...

Ржут интуристы, где мы на часах сатанели,
лбы расшибая о вшивые швы цитадели.

Сергій Оксеник. Літературний псевдонім Сергія Семеновича Іванюка. Письменник, літературознавець, журналіст, критик і перекладач. Народився в Миколаєві 7 січня 1952 року. Виріс у Варварівці, закінчив миколаївську школу № 61. Після навчання на факультеті журналістики КДУ ім. Т.Г. Шевченка працював на республіканському радіо, в редакції журналу «Піонерія» (нині – «Однокласник»), був на науковій та викладацькій роботі. Кандидат філологічних наук, доцент кафедри літератури й іноземних мов Національного університету «Києво-Могилянська академія». Головний редактор столичного журналу «Однокласник» (з 2006 р.). Автор пригодницько-фантастичних романів «Лісом, небом, водою. Кн. 1: Лисий» (2004), «Лісом, небом, водою. Кн. 2: Леля» (2007), численних оповідань. Автор понад 100 публікацій українською, російською, німецькою, англійською, шведською, грузинською, чуваською та іншими мовами.

Сергій ОКСЕНИК

КОМПОТ ІЗ СМОРОДИНИ

Коли Губченку було п'ять років, він назавжди втік із дитячого садка. Власне, вони втекли удвох із Олею. Це Оля й придумала.

– Я б цього не стерпіла, – сказала вона. – Я б утекла із садка.

Губченко подивився на неї з сумнівом.

– Як?

– Через дот.

Губченко миттю вкрився липким потом. У дот лазили тільки найбільші відчайдухи. Він – ніколи. Оля – теж. Дот був старий, іще часів війни; що в ньому могло бути, вони навіть не уявляли. Ті хлопці, які лазили в дот, поверталися бліді, перелякані, вони нічого нікому не казали про те, що бачили всередині. Але й удруге ніхто з них не намагався туди залізти. Губченко якось навіть спитався в Бударного:

– Бударний, що там?

– Сам полізь і подивись, – невдоволено буркнув той у відповідь і відійшов.

Більше Губченко не розпитував.

Втім, що могло там бути? Якщо не гадюки, то нічого страшного бути не могло. По-перше, хлопці повернулися, хоч і перелякані. По-друге, навіть гімна там бути не могло – крім них, дітлахів, туди ніхто залізти не міг. Губченко сам бачив, як надійно заварені й забетоновані аж до половини двері. Амбразури маленькі – навіть першокласникові не кожному пролізти. Одна амбразура була за глухою тильною стіною повітки, де проводила час старша група. Друга виходила на берег річки – вже за парканом дитсадка.

Оля мала рацію: це справді був варіант. І, мабуть, таки єдиний. Тільки спускатися в амбразуру треба ногами вперед, а вилазити навпаки – головою вперед. Тоді можна бути впевненим, що тебе ніякий випадковий рибалка не помітить.

Якби лізти в цей чорний і незвіданий жах запропонував хтось із хлопців, Губченко ні за що не погодився б. Придумав би безліч причин, чому він саме сьогодні не може цього зробити. Але запропонувала Оля. До того ж це не було ідіотською розвагою. Це був порятунок. Єдиний шлях для втечі з дитсадка. Губченко погодився.

Цікаво, що зараз, через кілька десятиліть по тому, він нічого не пам'ятав про дот. Тобто про те, що бачив усередині. Так ніби спустився туди, потім жах, потім виліз. За ним вилізла Оля.

Пам'ять витіснила всі деталі. Чи було там чисто, чи були там павуки чи гадюки – нічого не збереглося. Тільки холодний нудотний жах.

Наступна картина, яку він пам'ятав, – це вузький простір між парканом Стартановичів і їхньою ж смородиною. Смородина біля їхнього двору була височенна й густюща. Вся вулиця не могла її об'їсти. Звісно, ніхто особливо й не старався. Хіба своєї мало? Але от черешню у Доленків оббирали до останньої ягідки, а смородину в Стартановичів – тільки так, вряди-годи. Губченко взагалі ніколи її не рвав – він не любив смородини; ніколи її не куштував, тому й не любив. Навіть уявити собі не міг, як би він міг узяти в рота гидоту таку. У тому й полягала головна проблема.

Сьогодні на обід був компот із смородини. Губченко його, ясна річ, не пив. Але, як на гріх, на обід нагодилася Зінаїда Вартанівна, директорка дитсадка, чорна й страшна, з п'ятьма цупкими волосинами, що випиналися з коричневої родинки на підборідді.

– Слухняні діточки нічого не залишають у тарілках, – ніби неабияку новину, повідомила вона з порогу. – Ваші тата й мами так тяжко заробляють на шмат хліба, що недоїдати – це просто злочин. Це насамперед, щоб ви знали, неповага до тата й мами. А по-друге, щоб ви знали, – неповага до самих себе.

Зінаїда Вартанівна зробила круглі очі й приголомшено, майже пошепки спитала Губченка:

– Ти не випив компот?!

У компоті плавали ягоди смородини – напіврозчавлені й розварені. Таким же напіврозчавленим почувався Губченко. Він знав, що не випити компот не можна, і знав, що ніяка сила не змусить його зробити хоча б ковток.

– Ой, Зіно Вартанівно, він у нас такий до їди вередливий, – улесливо прошелестіла Ганна Іванівна. – Стіко всього не їсть!..

– Не хоче, хай не їсть, – залізом проскреготіла директорка. – Здохне від дистрофії. А компот він вип'є.

Губченко боявся відвести очі від понівечених ягід. Він не бачив, що діється в їдальні. Тільки рух голосів давав йому уявлення про те, що відбувається. Ось Зінаїда Вартанівна опинилася праворуч від нього.

– Ану, Ганно Іванівно! – гримнула вона.

Міцні, мов обценьки, руки виховательки схопили його вище ліктів і притисли до спинки стільця. Він заплющив очі, зціпив зуби й спробував вирватися. Даремно. Від Зінаїди Вартанівни не вирвешся.

«Усе одно не роззявлю рота», – подумав Губченко.

– Або сам роззяв пельку, або... – страшно промовила Зінаїда Вартанівна.

І її пальці зімкнулися на його ніздрях. Крізь заплющені повіки покотилися сльози, він відчув їх вухами, бо голова вже була задерта обличчям до стелі.

Він роззявив рота, щоб вдихнути повітря, й у горло йому потекла гидотно-липка, солодка й смердюча рідина.

– Не, ну ти глянь! – обурено вигукнула Зінаїда Варганівна. – Воно ще й ригає!

А воно справді повернуло весь обід, і не просто повернуло, а на довгу картату спідницю Зінаїди Варганівни. Вона, забувши про педагогічний обов'язок, панічно полетіла до свого кабінету, гидливо розчепіривши кігті, мов сова. Вона нічого не сказала на прощання, але Губченко знав, що тепер на нього чекає. Всю тиху годину він проведе в темній комірчині в кінці коридору. Там його крики не заважатимуть спати решті дітей – слухняним діточкам.

– Я його вмю, – спокійно сказала Оля, швидко вибралася з-за столу, взяла Губченка за руку й повела на подвір'я, до умивальників. Розгублена Ганна Іванівна навіть не встигла нічого сказати.

Там, біля довгої іржавої труби з дірочками, крізь які падали в жерстяні ясла репетливі цівочки води, вона й сказала йому:

– Я б цього не стерпіла...

І вони втекли крізь бійниці занедбаної оборонної споруди, збудованої ще німцями, аби не дати нашим можливості переправитися через Південний Буг.

Губченко пам'ятав, як вони сиділи за кущами смородини, як повз них пробігла Ганна Іванівна з кимось із працівників дитсадку (вже забулося, хто саме її супроводжував). Як вони дослухалися до грюку в залізні ворота спочатку Оліні, потім Губченків, як надривався за воротами їхній Тобік, як потім, певне, вийшла з двору Шинкарчучка й сказала, що нікого вдома немає, що батьки на роботі, а малий у дитсадку, а хіба не? А що случилось? А батькам повідомили?

– Нам ваших порад не вистачало! – розкричалася Ганна Іванівна.

Вже дорослий, Губченко розумів, у яку халепу вона тоді вскочила. Як тепер пояснити сусідам, що з їхнього дитсадку діти заввиграшки можуть утекти, як тепер повідомити батькам, що вони, педагоги, й гадки не мають, де ці діти можуть бути?..

Нашорошивши вуха, Оля дивилася просто перед собою немовби незрячими очима й механічно клювала смородину Стартановичів. Їй і на думку не спало запропонувати Губченку. Та й не могла вона цього зробити – вона його знала, як облупленого. Два роки вже живуть через дорогу, два роки практично нерозлучні – ні вдома, ні в садку.

І тоді Губченко збагнув, що люди бувають різні. Що Зінаїда Варганівна – зовсім не така, як Оля. І Ганна Іванівна не така. Навіть Шинкарчучка – і та не така. І тоді ж він вирішив, що ніколи більше не піде до дитсадку.

Це було дивне рішення. Він чудово розумів, що нікуди не дінеться. Мама працює, батько – тим більше. Залишатися йому ні з ким. І ніхто його самого вдома не залишить. Його вмовлятимуть, битимуть, лякатимуть і зрештою силоміць потягнуть до садка. А Зінаїда Варганівна солодко усміхатиметься йому зареваному й грудним голосом воркотітиме:

– Ну, що ж ти! Ну, зразу сказав би, що не п'єш компоту. Хіба ж нам важко було б чаю чи що тобі зробити...

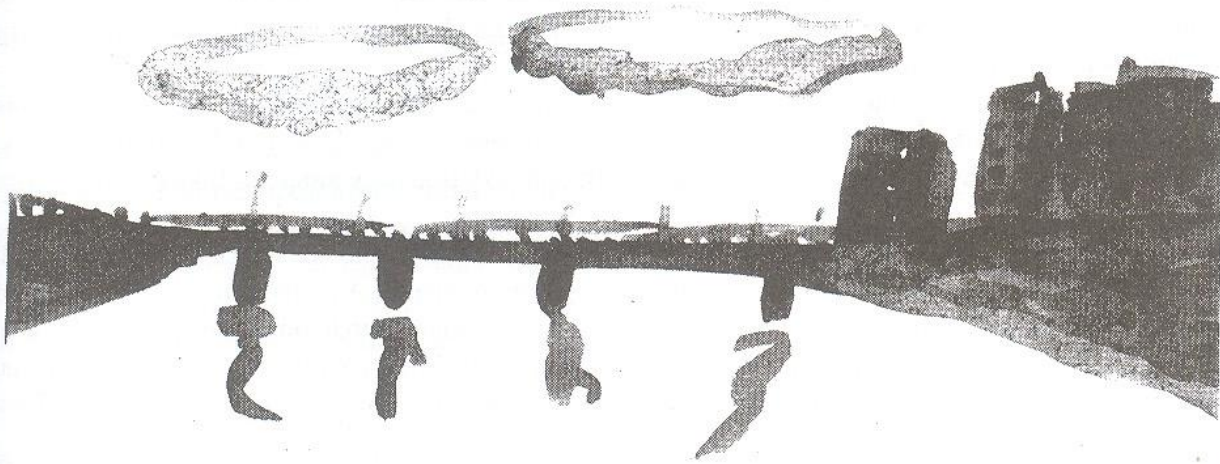
І тут же перейде на залізний тон, широко розкривши великі круглі очі:

– Ви ж знали, Ганно Іванівно! Ви ж могли попередити? Чи не знали?..

Ганна Іванівна холонутиме під її поглядом, наче зацькована миша, а мама не знатиме, куди очі подіти від сорому. Вона залишить його й побіжить на роботу, розмазуючи по щоках сльози й пудру «Рошель», мало не втрапивши під таку рідкісну на ті часи полуторку на Веселинівській...

Усе це Губченко знав. І тому вирішив, що він, звичайно, піде в дитсадок і не влаштовуватиме всіх цих випробувань для себе й мами... Але його самого там не буде. Там буде тільки його оболонка, тільки та його частинка, яка є слухняним хлопчиком. А сам він буде тим часом там, де схоче.

Це було поворотне рішення. Воно визначило все Губченкове життя.

БЕЗВІДПОВІДАЛЬНИЙ ГРИБ

Ну, які гриби в степах України? Але програма одна на всіх, тож треба було щось робити. Не гриби шукати, звісно. Де ж їх шукати, як нема? А людину, яка в них розбирається.

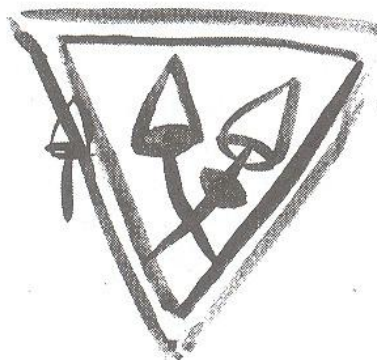
Отак посеред одного з останніх днів літніх канікул на Сашковому подвір'ї з'явилася Валентина Пилипівна. Знаєте, коли завуч приходить на канікулах до учня, тут хто завгодно злякається, не тільки мама, яка переживає за поведінку сина. І хоч Валентина Пилипівна привітно усміхалася, мама вже уявила найстрашніше. Це було видно навіть із того, як вона витирала руки об фартух, ідучи назустріч гості.

Але, як з'ясувалося, нічого страшного Сашко не накоїв, навпаки, може накоїти чимало корисного. Якщо, звісно, і він, і мама погодяться. Мама погодилася зразу, а хлопець промовчав, передчуваючи, що тут якраз і може ховатися найстрашніше й найпідступніше.

– А що робити? – спитав він, бо якось воно було ясно, що без праці на канікулах тут не обійдешся.

Валентина Пилипівна розповіла таке. За два дні в Широкій Балці будуть обласні змагання юних туристів. Збірна нашої школи перемогла ще в липні в районі, тож тепер представлятиме район в області. Уявляєш, яка відповідальність? Сашко уявляв. Не уявляв тільки, до чого тут він.

Тобто команда у нас сильна, вела далі завучка. Але на обласних змаганнях треба буде серед іншого розпізнавати їстівні й неїстівні гриби. Ось книжечка. Раїса Іванівна сказала, що в тебе дуже добра пам'ять. Якщо вивчиш книжечку за два дні, тоді на цьому етапі змагань виступати довірять тобі. Уявляєш, яка відповідальність? Сашко уявляв.

– А хто в команді? – спитав він, щоб не погоджуватися зразу, хоча вже був готовий.

– Там учні 7-9 класів, – відповіла Валентина Пилипівна. – Ну, ти будеш найменшим.

Сашко саме перейшов у третій. І хоч цього разу Валентина Пилипівна не дала свого рефрену, він уявив, яка відповідальність.

І хоч хлопець не сказав іще ні «так», ні «ні», завуч почала захоплено розповідати, що змагання відбуватимуться два дні, з ночівлею, що ночуватимуть у наметах, що треба взяти з собою рюкзак, спальний мішок, рушник і запас харчів на одну добу. Книжку про всяк випадок також треба взяти, бо йди знай.

Легко сказати. До кінця дня й весь наступний мама розмірковувала, як вийти з ситуації. Щодо харчів на добу, тут у неї ніяких сумнівів не виникало, а от спальник! А от рюкзак! Ясна річ, у домі такого не водилося. Батько проїхався по магазинах у місті й нічого подібного, звісно, не знайшов. Була там, щоправда, спортивна сумка коричневого кольору, і він її на власний страх і ризик придбав, незважаючи на ціну. Але нічого схожого на спальний мішок в обласному центрі не продавали, навіть на вулиці Советській.

Який той спальник на вигляд, ніхто з сусідів не знав. Тільки тьотя Шура Степанова сказала мамі:

– Надю, що ти нервничасш. Візьми одягло і зший з нього мішок. Одну ніч у палатці можна переночувати і в трусах.

Коли вже мама почала примірятися до стьоганого ватного одягла, Сашко категорично запротестував:

– Хай вона сама в трусах спить! Я цього не візьму. Воно в сумку не влізе.

Мама поглянула на коричневу циліндричну сумку з штучної замші й зрозуміла, що устами дитини... Але від ідеї остаточно не відмовилася. Пішла аж на Клубну до тьоті Рити й позичила в неї марселеве одягло, майже зовсім нове. Що то значить пильність. Ще коли була у тьоті Рити, а помітила й запам'ятала. Зрозуміло, тьоті Риті вона не сказала, навіщо їй така дорога річ.

Насамперед Сашка прикро вразило, що команда його ніби й не помітила. Ясно, що вони всі були значно старші, але ж він був наймолодший! Його включили в останній момент, щоб урятувати команду! А вони нуль уваги. Ну й хай!

Він як міг допомагав ставити намети, збирати хмиз... Втім, це, мабуть, називається інакше, – раз у раз хтось гукав:

– Гей, Гриб, принеси хмизу!

І він приносив.

– Гриб, подай отой колишок!

Він подавав. Втім, Сашко не нарікав. Він же бачив, що всі метушаться, заклопотані, треба й собі... І так засвітло не змогли розбити табір. Комісія ходила, дивилася, як упоралися, вже поночі світили собі ліхтариками й щось занотовували в загальному зошиті.

Коли вже всі пішли, команда почала розбирати свої рюкзаки, розносити їх по наметах і діставати харчі. Дрова в багатті тріщали, іскри злітали до неба, між дерев злякано сахалися тіні.

Отут і почалося. Сашкової сумки ніде не було. Він перебрав навпомацки всі рюкзаки, які ще лишалися на галявинці за наметами, потім перемацав іще раз. Сумки не було. Він повернувся до багаття й спитав, звертаючись до всіх одразу:

– Ніхто випадково не захопив мою сумку?

Але відповідь і так була очевидна. Кожен сидів зі своїм рюкзаком, діставав із нього харчі й теплі кофтини чи светри, ні в кого не було зайвої сумки. Та й взагалі такої сумки не було ні в кого.

– Спитай у вожатих, – вигукнув хтось із команди, а решта дружно розреготалася. Чому вони заїшлися таким аж навмисним сміхом, хлопчина вирішив не уточнювати.

Він пішов до намету вожатих, хоч йому й дуже не хотілося туди йти. Це був крайній від балки намет, за ним зразу починалися дерева. З-за брезенту чувся сміх старшої піонервожатої Світлани й басовитий голос учителя фізкультури Валентина Івановича. Якусь мить Сашко вагався. Треба постукати, але в що? В брезент?

Він спитав:

– Можна? – і відхилив запону.

Усередині тьмяно світив ліхтарик, підвішений до центрального стовпа. На підлозі сиділи вчитель і вожата. Він обіймав її однією рукою за плечі, перед ними стояла почата пляшка вина й лежала на газеті закуска: сало, огірки, помідори, хліб.

– Ти що, вапще вже? – визвірився на нього фізкультурник.

– Вибачте, до вас часом не потрапила моя сумка?

– Не, ну в такому мене ще ніхто не обвіняв! Давай дуй отсюда!

Сашко відпустив брезентову запону й, перш ніж відійти, почув із намету:

– Такий малий, а вже такий наглий!

– Та не, – відповіла Світлана, – він нічо.

Чомусь саме після цих слів, а не після фізкультурникових, Сашкові стало зовсім погано. Захотілося додому. Він пішов за дальній намет і там розплакався, як останнє дівчисько.

Ніхто цього не бачив і не чув. І слава богу!

Минув час, і Сашко... ні, не стільки заспокоївся, скільки змерз. Серпень – це вам не липень. Ночі вже прохолодні навіть у нас на півдні. Хочеш не хочеш, довелося йти до багаття.

Його повернення помітили. Бараківський заводій Бударний на прізвисько Пушкін вигукнув:

– О! А Гриб не спить, оказується. Ти чо це не в люлі?

Найголосніше реготала Женька Ципко, що сиділа, притиснувшись до плеча Бударного, й лагодила йому нігті складаним ножичком. Від сміху вона втратила координацію, і на пальці Пушкіна невірне світло від багаття осяяло темну й густу краплю крові.

– Е, Пушкін, – злякано гукнув один із хлопців, – вона тобі руку порізала.

Той навіть оком не повів у бік свого пальця.

– Йй можна, – сказав він поблажливо, і Женька розцвіла, мов рожа, і – вже навмисно – ще раз колупнула шкіру на пальці біля нігтя.

Пушкін і не змигнув.

Далі на Сашка ніхто не звертав уваги, хоча про нього й не забули. За кілька хвилин Пушкін забрав у Женьки ножичок, підхопив її на руки й підвівся разом з таким чималим вантажем з колоди, на якій сидів.

– Ну, ми пішли тренуватися. Не забувайте, – кинув він через плече, й парочка зникла в темряві.

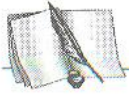
Без них розмова швидко скисла, й скоро Сашко лишився біля багаття один. Йти йому було нікуди й ні з ким. Він дивився на вогонь, час від часу підкладав дрова – чого-чого, а хмизу запаслися не на одну ніч.

Він думав про те, що через два роки закінчить початкову школу, й тоді Валентин Іванович стане його вчителем фізкультури; про Бударного на прізвисько Пушкін, якому вже дев'ятнадцять років, бо в середніх класах, кажуть, він не раз залишався на другий рік; про те, що колись Томця буде йому робити манікюр, а він навіть не змигне, коли вона ненароком поріже йому пальця; про те, що наступного року старша піонервожата Світлана зав'яже йому піонерський галстук...

Коли ставало мерзко спині, він обертався обличчям до темряви, й спина швидко зігрівалася, тоді він знову дивився на вогонь і підкладав дрова. Йому не було страшно самому вночі. Він знав, що гадюки до багаття не підповзуть, а більше тут боятися нікого. От тільки неймовірно холодно – просто дрижаки беруть.

А потім почало розвиднюватись, і зразу ж Сашко відчув, як нездоланно й смертельно йому хочеться спати. Очі злипалися, розплющити їх було несила. Він устиг подумати, що може сидючи заснути і впасти в багаття. Миттєвий страх прогнав сон. Хлопчик підвівся, сходяв за дерева до вітру, але потім знову повернувся до вогню – там хоч якось можна боротися з холодом.

Траса змагань пролягала зовсім недалеко – в самій балці й на її схилах. Тож Сашкові було зручно вболівати: рухаючись уздовж края балки, він міг усе добре бачити й навіть чути. І при цьому бути зовсім близько від того місця, де доведеться змагатись йому самому. Але Сашко про це не думав. Змагання полонили його свідомість, він уболівав за свою команду, і це було навіть захопливіше, ніж переживати на стадіоні за рідний «Суднобудівник».

Як з'ясувалося, після вчорашнього дня (розбивання табору) наша команда займала друге місце після команди обласного центру. І на першому етапі другого дня – це був крос, в якому Сашко участі не брав, бо там було потрібно тільки чотири учасники, – ситуація не змінилася. А вже далі – коли треба було з одного сірника розпалити багаття, наші обійшли городських. Переправа через «прірву», вхопившись руками й ногами за горизонтально натягнутий канат, збільшила розрив, орієнтування по азимуту зберегло його, а передостанній етап – перенесення пораненого – взагалі був тріумфом варварівської команди. Поки суперники, склавши вдвох руки «замком», переносили «поранену» дівчинку, загинаючись, обходячи дерева й плутаючись ногами в невисоких кущах, Пушкін сам підхопив Женьку на руки й помчав з нею навпростець, мов кінь. Вона щасливо усміхалася й зовсім не нагадувала поранену.

Після цього городські, відчувши, що перемога вислизнула з рук, влаштували скандал. За правилами, наполягали вони, треба переносити поранену вдвох. Тут уже втрутився Валентин Іванович:

– А де це написано? Ні, я вас спрашую, де написано, що одному – не можна? А якщо в групі не один поранений? А якщо всі загинули і залишився тільки один непоранений? Тут смікалка повинна!

Протиставити смікалці суддям було нічого.

Тоді городські насили на них з новим аргументом.

– У них підстава! – репетували вони, перекикуючи одне одного. – Це що, дев'ятикласник такий? Та це ж учитель або й взагалі спортсмен! Ви спитайте, скільки йому років!

Було б смішно, якби керівництво школи не підготувалося до таких звинувачень. Бударний, ще трохи захеканий після порятунку своєї Женьки, поважним кроком підійшов до головного судді, неквапливо засунув руку за пазуху, витяг і простягнув затертий учнівський квиток. Може, якби квиток був новенький, головний суддя й засумнівався б. Але звідки ж йому було знати, що в Бударного не може бути незатертого й незім'ятого зошита, акуратної книжки чи бодай чогось у нормальному стані. Якби Пушкін показав їм свій паспорт, жюрі взагалі жажнулося б. Але він знав, що паспорт їм показувати не варто.

Перед останнім, вирішальним, етапом змагань Сашко раптом відчув, як у нього в очах знову зівівся пісок. Голова гула, ноги не тримали. Тепер уже хлопчик не уявляв, яка відповідальність. Він відчував це кожною клітиною свого виснаженого безсонною ніччю організму. Сашко не намагався згадати, що там було в тій книжці. Його чомусь найбільше хвилювало інше. Адже справжній гриб може мати зовсім інший вигляд, ніж той, що був на фотографії в книжці. Він книжку всю прочитав, тож знав: гриби підступні, їх легко переплутати, ними отруюється щороку величезна кількість людей. Отже, вони зовсім не близнюки. Трапляються різні за формою капелюшка, довжиною ніжки...

Коли він підходив до суддів, що проводили цей етап змагань, усі команди зімкнулися щільним колом докруг. Усі завмерли. І в цілковитій тиші, навіть не привітавшись, молодий високий член жюрі показав йому картонну картку. На тій картці була наклеєна фотографія. А на фотографії – те саме зображення, що й у книжці. Не вагаючись, із величезним полегшенням Сашко сказав:

– Це печериця.

Суддя подивився, що написано на звороті, й похитав головою:

– Нет, мальчик. Это шампиньон.

– Ні, це печериця! Я дуже добре пам'ятаю! – Сашко відчув, що тут якимось фатальним непорозумінням. – У книжці така сама фотографія. І там написано, що це печериця. І ще написано, що це єдиний гриб, який можна переплутати з блідою поганкою. А бліда поганка – це найотруйніший гриб, який водиться в наших лісах. Від нього не можна врятувати, якщо його з'їси...

– Ну, вот ты и отравил свою команду, мальчик, – весело перебив його суддя. – Двойка.

– Але ж у книжці написано... – не здавався хлопчик.

– В какой книжке, мальчик? Ты можешь нам её показать?

– Я... – розгубився Сашко, – вона була в сумці... А сумку в мене вчора вкрали...

Суддя розсміявся:

– Отлично придумано, малыш, но не прокатит.

І його сміх підхопили члени всіх команд, хоча до того всі, звичайно, вболівали за Варварівку –

не тому, що так її любили, але хто ж буде радіти за перемогу городських! Тільки свої не сміялися. Сашко, шукаючи допомоги, розпачливо подивився на Бударного. І в погляді героя попереднього етапу змагань прочитав таку глибоку й безнадійну зневагу, що зразу стало ясно: допомоги не буде.

Він протиснувся крізь регіт і побіг геть. Тільки встиг почути, що йому кинула навздогін Женька Ципко:

– Міг би шось получче придумать!

Сашко біг у напрямку табору, але по дорозі збагнув, що йому там нічого не потрібно. Всі його речі – це те, що на ньому. А ще згадав, що в кишені в нього є п'ятдесят копійок і цих грошей з головою вистачить, щоб дістатися додому. Саме цієї миті він почув деренчливий звук десь із правого боку й упізнав його. Такий звук може видавати тільки одне створіння на світі: трамвай. Він різко звернув праворуч і так ніколи й не довідався, що цей маневр збив з пантелику Валентина Івановича, який бігав значно краще, але тепер наздогнати хлопчика не міг, оскільки біг у зовсім іншому напрямку.

Він уже не плакав, тож у травмаї, а потім і в автобусі ніхто не звернув на нього уваги. Дорога була довга, і Сашко мав час продумати подальші дії. Зійшовши з автобуса у своїй Варварівці, він попрямував не додому, а до бібліотеки.

– Надіє Кіндратівно, у вас є книжка про гриби? – спитав він з порога.

– Є, – відповіла бібліотекарка, – але вона зараз на руках.

– А в кого?

– А у вашої Валентини Пилипівни.

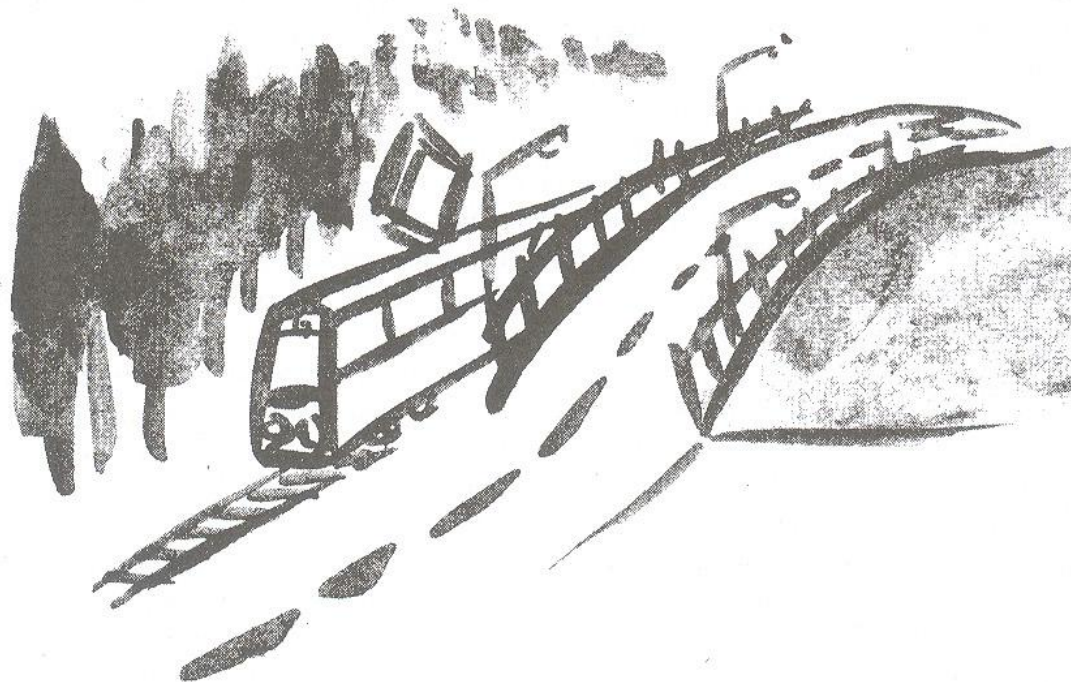
Надія зблиснула й пропала.

Треба було йти додому.

Це була найважча частина шляху. Ноги не слухались. У голові гупало. Очі різало, мов наждаком. Він човгав варварівськими вулицями, здіймаючи куряву, і згадував, що ніч не спав, що вже понад добу нічого не їв, що ніхто не схоче слухати його виправдань, що доведеться якось розраховуватися з тьотею Ритою за марселеве одіяло, з Валентиною Пилипівною – за бібліотечну книжку... А найгірше те, що треба буде все це якось пояснити мамі й батьку.

Але виявилось, що розповідати нічого не потрібно, принаймні тепер, бо вдома нікого нема. Сашко взяв у шафі шматок хліба, жадібно відкусив, але жувати було важко, виснажливо. Він пішов до кімнати, ліг, не роздягаючись, на своє ліжко і з куснем хліба в руці миттєво заснув.

Він спав так міцно, що не чув, як дзвонив телефон – довго й наполегливо, як прийшли батьки, як плакала мама, як її заспокоював батько. Сашко так ніколи й не довідався про те, чому батьків не ви-

явилось вдома в неділю ввечері, про те, що їм із Широкої Балки зателефонував Валентин Іванович і повідомив, що, понімаєте, так получилось... Сашко тут неправильно відповів, рознервничався і втік додому, а в нього, понімаєте, вкрали сумку, а ніхто й не знав, він нікому не сказав, а оце тільки зараз вияснилося... що батько помчав до Широкої Балки, а мама лишилася в центрі Варварівки на вулиці неподалік зупинки, щоб не розминутися з сином, якщо з'явиться, – де ж їй було знати, що він вийде з автобуса на зупинку раніше й спершу побіжить до бібліотеки? А звідти ж додому піде вже іншою дорогою...

Прокинувся він тільки під ранок – від того, що нічим було дихати. Прибігла на його хрипи мама, хутко зробила й поставила йому на груди холодніючий компрес із горілки, а батько тим часом викликав швидку, а до лікарні – рукою подати, тож лікарка тьотя Паня, послухавши його й зробивши укол, поставила невтішний діагноз: пневмонія.

– Ти що там, на сирій землі спав? – спитала вона.

– Ага, – відповів Сашко, якому вже стало значно легше. – В трусах, як тьотя Шура.

Сашко провалявся в ліжку до кінця канікул, а потім іще й пропустив перші два тижні навчання. Зрештою, пневмонія – не така вже й погана хвороба. У перші дні, звичайно, погана, а потім просто треба не виходити надвір. І переваг – мільйон. До школи не ходити, добре харчуватися (тут уже мама старалася з останніх сил), лежати й читати, сидіти й читати, стояти й читати... І нічого не болить, і температури вже немає, а до школи – не ходити. І поступово все забулося. І йому забулося, і завучу, й Валентину Івановичу.

Тож коли зрештою Сашко з'явився в школі, ніхто його ні про що не розпитував: ні про різницю між печерицею та шампінйоном, ні про вкрадену сумку, ні про бібліотечну книжку, ні про те, як він безвідповідально підвів свою школу і цілий Варварівський район.

МІСЯЧНЕ БІЛЬМО

Коли визирав з-поміж хмар зловісний місяць, ставало немовби ще холодніше. Середньовічне містечко зразу набувало невластивої йому вдень чорно-білості, ірреальності. Якби пробігтися, можна було б зігрітися. Та Остап був на війні вже другий рік, тож добре знав, що бігти можна тільки на той світ.

І німці, й наші розуміли, що війні не сьогодні – завтра кінець. Гітлер капут. Тому кожен крок ставав устократ небезпечнішим. Тут, у тиловому містечку, через яке кілька днів тому прокотилася лінія фронту, вже не було організованого опору, частини й підрозділи вермахту відійшли на захід, залишивши по собі озброєних дезертирів, змушених агресивно переховуватись і захищатися від своїх та чужих. Небезпечні були й пацани з гітлер-югенду, фанатично налаштовані на нищення загарбників із-за рогу. Для них самотній радянський воїн на нічній вулиці – величезна спокуса відчутти себе героєм. А крім того, бігти не слід було ще й через небезпеки, що чаїлися під ногами. Бруківка так рясно порита вибухами під час визволення міста, що по ній і вдень бігати – дурне діло.

І все ж Остап мусив поспішати. Якщо він до світанку не повернеться в розташування своєї частини, наслідки можуть бути злі. У військовий час за таке недовго зловити будь-яке стягнення. Аж до розстрілу на місці.

Місяць знову сховався, й запав суцільний морок. Будинки з гострими високими дахами вгадувалися на тлі чорного неба, але були вони химерні й моторошні. Остап і вдень, дивлячись на них, дивувався: як можна жити в таких спорудах? Воно й на житло не схоже. А зараз – і поготів. Утім, і для випадкового Вільгельма Телля з гвинтівкою чи «вальтером» темрява була така ж густа. Слава богу, вночі німці бачать так само погано, як і наші.

Остап дуже обережно ступав, щоб не втрапити ногою у вирву, тому кроки його були тихі й скрадливі. Хоч і не беззвучні, звичайно. Спробуй беззвучно пройти в кирзових чоботях! Це вам не балетки. Але в балетках вони б і не дійшли від Волги – аж сюди, в лігво фашистського звіра. Крок за кроком, крок за кроком... Головне – обережність і витримка. Обережних і терплячих війна, може, й

хотіла б перехитрувати й забрати, але не вдається їй. От він, Остап, дійшов до Німеччини, а скільки було поряд із ним сміливих, хитрих, сильних! Де вони?

Де Шаригін, наприклад? Відчайдух, герой, жартівник. Ці його жарти Остапові в печінках сиділи.

– Остолапе! Зганяй у гаштет по пиво!

– Грошей нема, – відповідав він, ображений за перекручене своє ім'я.

– Так за гроші кожен дурень купить, – удавано серйозно казав Шаригін. – А я ж тебе посилаю.

Всі регочуться, а Остап не знає, ображатися чи ні.

І де він зараз, той Шаригін? Загинув, ще й по-дурному, на марші. Їхав на крилі «студебеккера» в нічному поході, заснув і впав під колеса. Йї нема.

Ні, Остап не зловтішався – кожна смерть на війні така сама жахлива, як і до війни. До них, смертей, звикнути неможливо. Просто він знав, що голова його й досі на плечах, бо він завжди має голову на плечах. Він ледве не розсміявся на власний жарт. Але сміятися не можна. І кашляти не можна, і шморгати носом не можна. Будь-який зайвий звук може стати останнім.

І – ніби відлуння цієї думки – до Остапа долинув надзвичайно дивний звук. Якесь цокання заліза по каменю – немов підкови по бруківці. Тільки от таких легеньких коней не буває. Та й цокають кінські копита в певному ритмі, якого ні з чим не сплутаєш. Тут ритм був зовсім інший: цок-цок, цок-цок. Остап миттю ступив праворуч і зачався за дерев'яним стовпом. Одразу ж припинилося й цокання.

Якомога повільніше, намагаючись зробити це беззвучно, солдат потягнув на себе затвор ППШ й так само повільно повернув його на місце. Тепер у патроннику був набій.

Темне місто спало. Жодного звуку, жодного промінчика. Звісно, світломаскування вже втратило своє значення: містечко в тилу радянських військ, ні наші, ні союзники його вже не бомбитимуть. А в німців і бомбити нічим. Літаки в них іще, може, й є, а от аеродромів не лишилося. Взагалі у них уже не лишилося землі. А якби й було чим, вони б свої міста бомбити не стали.

Та мешканці звикли. Німці. Ніхто світломаскування не відміняв, тож вони й далі будуть про нього дбати. І війни ніхто ще не відміняв, тож вони й далі вбиватимуть.

Знову виринув місяць. Остап швидко визирнув із-за стовпа. Нікого й нічого. Тільки зрадлива тінь ген у кінці вулиці. Та й не тінь людини – просто тінь стовпа внизу значно товща, ніж угорі. Остап кинув погляд на свою тінь. Так... Його теж можна помітити. Одним стрибком він перемістився під стіну сусіднього будинку. От тепер його тіні взагалі немає. Він сам тепер у затінку гостроверхої будівлі. Тут же сховався й місяць. А ще за мить відновилося цокання.

Воно було ритмічним і нахабним. Ніби той, хто це робив, нічого не боявся. Йї нікого. Він невблаганно наближався.

За весь час на війні Остап нікого не вбив. Він був артилерійським розвідником. Його функції полягали в тому, щоб проникнути в тил ворога й звідти по рації коригувати вогонь наших батарей: «Два градуси праворуч», «Переліт», «Недоліт» і т.д. Звісно, кінцевою метою було враження вогневих точок і живої сили ворога. І коригував він вогонь дуже вправно. Але стріляли інші, не він. А тут на нього впав сліпучий вибір: стріляти чи не стріляти? Якщо сам не вистрілиш, – вистрілить той, другий, що так страшно наближається, мов відображення в дзеркалі.

Зрештою, просто стояти й чекати теж не випадало.

Остап знав статут. Може, навіть краще за інших. Пам'ять у нього була ого-го! В цій ситуації він мусив спершу крикнути:

– Стій! Хто йде?

А вже потім вирішувати остаточно. От тільки він усвідомлював, що тоді вже може бути пізно. Зараз іще лишалася надія, що він досі непомічений, що поведінка іншого пояснюється просто обережністю й цілком зрозумілим страхом. Цей страх – теж ніби відображення, відбиток Остапового страху. Але й чимось іншим, не схожим. Адже той був хоч і в рідному місті, але ж на чужій території – місто контролювали радянські війська. Для Остапа було очевидно, що то не міг бути наш. Наші – в своєму таборі на протилежній околиці міста. Крім Остапа, на вулицях можуть бути тільки два па-

трулі, по три чоловіки в кожному. Той інший бути патрульним не міг. Міг бути якимось відчайдухом у самоволці, але до будь-якого самоходчика зовсім не пасувало те цокання.

А воно раптом змовкло. Іще за кілька секунд визирнув місяць, перетворивши місто на контрастні кінокадри. Всього за якихось сто метрів Остап побачив серед інших різку тінь на бруківці. Вона по діагоналі перерізала вулицю. Верхній край стовпа впирався в стіну кондитерської з розбитою вітриною. Цей край був гострий і тонкий. Нижній край, що впирався в сам стовп, – із виразним потовщенням. Придивившись пильніше, Остап помітив, що від цього потовщення відділяється тонка, переламана бруківкою чорна смужечка.

І Остап остовпів, зрозумівши: гвинтівка.

Й одразу розтанула надія на те, що інший його не помітив. Не тільки помітив, а вже й має план. Він не даремно показує Остапові свою зброю. Може, гвинтівкою він і цокав по бруківці? Навіщо?

Остап раптом згадав палючий сонячний день на березі їхньої широкої річки. Він тоді був іще зовсім малий – може, років десять, а може, ще менше. Вони з батьком купалися в річці, бавилися. Батько був, як дитина. Він запально бризкався, б'ючи по поверхні води відкритою долонею. Остап відповідав, намагаючись водою засліпити батька, а це вже перемога. Щоб він перестав бризкатися й приклав долоні до очей. Нарешті батько, схоже, зрозумів, чого від нього домагається малий, – і піддався.

Тріумфатор пішов на берег і раптом почув за спиною дуже дивний і ні на що не схожий звук: «Уру». За мить знов: «Уру». І ще раз. Не розуміючи, що б то могло бути, Остап легковажно озирнувся, й батько рясно забризкав йому обличчя й очі. Хлопець не образився, а радісно розсміявся. Йому сподобалось, як батько придумав. Якби він Остапа просто погукав, той би не втратив пильності й так просто не озирнувся б. А так...

Он воно що! Це теж такий задум іншого! Спантичлити ворога, домогтися, щоби в Остапа не витримали нерви, щоб він от зараз відкрив вогонь і розсекретив, де саме ховається.

Та не на того натрапив! Воїн завмер, навіть подих затамував. А що, якийсь відчайдух на зразок Шаригіна, мабуть, і справді б не витримав. Пустив би зараз чергу по тому стовпу й побіг би в атаку... І ще одне зрозумів Остап: це не наш. Він знав, що в їхній батареї гвинтівки є тільки у снайперів. Та навіть снайпер уночі віддає би перевагу автоматом. Оптичний приціл у темряві нічим не допоможе, натомість розміри й вага такої зброї роблять її громіздкою й незручною.

Отже, це німець. Тепер уже ніяких сумнівів. Усе ясно. Та й хитромудрим таким міг бути тільки німець.

Нова хмара наповзла на місяць, змивши в чорно-білому місті всі тіні.

Остап опустився навколішки, обмацав землю довкола себе й знайшов невеличкого камінчика. Звівся на ноги й почав чекати. Тепер він знав, чого йому ждати. Хай той інший вийде з-за стовпа. Хай вийде. Але той, мабуть, відчував невпевненість. Пасивна поведінка Остапа, схоже, спантичила його. Принаймні жодного звуку від нього не долидало.

Це теж у його поведінці було дивним. Якби він рухався в одному, так би мовити, ритмі з місяцем, це б не викликало ніяких запитань. А той ніби не помічав, коли виходить місяць, коли ховається. От зараз темно, цілком можна рухатись. А він не виходить.

– Цок-цок, цок-цок, – зараз же долинув звук, ніби той прочитав Остапові думки.

Солдат притулив приклад до плеча й кинув камінця на протилежний бік вулиці. Камінчик дзвякнув неголосно, та цокання враз припинилось. І все ж він не вистрілив. Не купився. Остап відчув, як між лопатками поповз струмочок поту, а потім збагнув, що він уже весь змокрів. Може, тому стало ще холодніше, він почав ловити дрижаки. Це погано. Треба опанувати себе, якщо тремтітимуть руки, він і з п'ятдесяти метрів не влучить – а не те що зі ста.

Місяць навіть не визирнув, а тільки блимнув краєчком крізь шпаринку в хмарах. Остап не встиг роздивитися ворога, однак точно помітив, де той стоїть. Щось здивувало в самій поставі іншого, але думати було ніколи. Він прицілився й дав довгу чергу туди, де стояв хитромудрий німець.

У вухах іще гриміли постріли, а Остап уже намагався почути, як падає тіло (у кращому випадку), або кроки (у гіршому).

Тепер місяць вийшов надовго, тож Остап устиг навіть побачити, а не лише почути, як ворог падає, як випускає з рук рушницю, а та виявляється зовсім не рушницею, як вона цокає й завмирає на бруківці. Остап притьмом підбіг до німця...

Це був старий сивий чоловік у темних окулярах, що збилися на один бік обличчя, оголивши розплющені очі. Очі блідо сяяли в місячному світлі, тож Остап не зразу й зрозумів, що вони самі по собі – білі. Солдат схилився над убитим і зазирнув у ці крижані озерця. Раніше він ніколи не бачив сліпих, але миттю зрозумів, що в того на очах більма.

Отут стало по-справжньому холодно. Остапа колотило. Він не міг відвести очей від тих крижаних білих плям і відчував, що їхній холод пронизує все його тіло, серце, душу. Його ніби схопили за найболючіше місце й не відпускають, а сам він, паралізований болем, не може ворухнутися. Тільки коли знову сховався місяць, Остап зміг відвести погляд від мертвих очей сліпого.

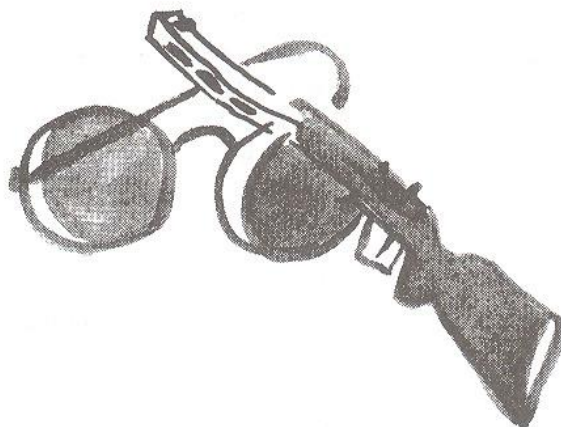
Стало мовби ще темніше, ніж до того. Він роззирнувся. Ні обрисів будинків, ні неба – нічого не видно. Остап почав терти кулаками очі, вже здогадуючись, але ще не здатний повірити в те, що сталося. Бо такого не може бути, бо так не буває. Цього не може бути з ним, Остапом! Він завжди був обережний, поміркований і розумний! Так не буває!!!

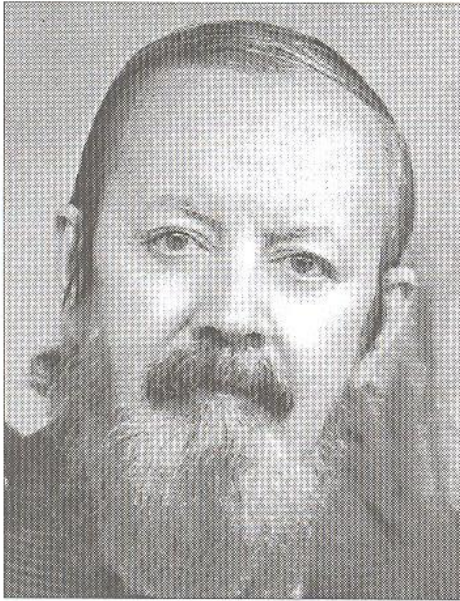
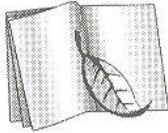
Але всупереч здоровому глузду темрява була суцільна й непроглядна. Він опустився навколішки й почав водити руками по бруківці, аж поки знайшов те, що раніше здавалось йому рушницею. Ціпок був легенький, видно, порожній усередині. Остап спробував ним намацати дорогу.

– Цок-цок. Цок-цок. – Але в який бік іти, він вирішити не міг. Поки навколішки крутився в пошуках, геть утратив орієнтацію.

Невже це не мине? Може, сон? Ні! Йому хотілося кричати. Як це – все життя пересуватися з цим ціпком?!!

І тут із протилежного кінця вулиці до нього долинули ледь чутні обережні кроки.

Шейн Александр Кузьмич. Поэт. Родился в Николаеве 31 мая 1932 г. в семье военного лётчика. Семья часто переезжала по всему Советскому Союзу к местам службы отца, в итоге поселившись в Николаеве. Окончил Николаевский педагогический институт им. Белинского, факультет русского языка и литературы (1956). С 1958 года и до ухода на пенсию преподавал в разных школах города русский язык и литературу, а также всеобщую историю. При жизни не публиковался. В начале 1970-х годов по доносу осведомителя был вызван на беседу в УКГБ области, его стихи назвали безыдейными и антинародными, запретили печататься. Писал в стол, изготавливал авторские самиздатовские книги. После него осталось десять машинописных книг неизданных стихотворений. Умер 29 марта 1995 г. в Николаеве. Через семь лет после смерти поэта его друзья издали небольшой сборник избранных стихотворений А. Шейна «Окоём» (2002).

Александр ШЕЙН

Я – ОКЕАН С ПЛАНЕТЫ ЧУЖОЙ

ДЕРЕВЬЯ

Ночь.
Спящий завод.
Тишины
не нарушат
уставшие трубы.
При свете звёздном видны
убитых деревьев
трупы.

Деревья лежат штабелями.
Завод для них –
Освенцим.
Их не преследовали.
В них не стреляли.
Их просто – пилили,
не дрогнув сердцем.

Лежат мёртвые,
но – благоухают,
как праведников тела и думы.
И кажется –
к звёздам взлетают
их тонкие чистые души.

УТОПЛЕННИК

По загробным инстанциям
мечусь.
Мне –
мне – поверьте!
Я мог вынырнуть! –
два метра оставалось до поверхности.

А я –
рассматривал
танцующих
медуз.

СОЛДАТ

Из окопа –
встал,
и – упал.

А плевков твой
на бурьяне висит.
«Тигр» застыл перед ним
без сил.

Я

Один,
словно куст сирени –
для всех услужливо пахнет.
Другой,
как стол семейный.

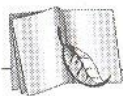
А третий,
будто пашня, –
в него булыжник брось
под грохот радиогроз,
и он – в момент – пророс.

Я – океан с планеты чужой.
Красен мой рык.
Я своей укрываю водой
мириады неведомых рыб.

СПЯЩАЯ

Простыня до подбородка.
Светло-рыжий волос –
сеном –
свил упавшим –
лежит на подушке –
в нём –
как в окладе –
лик потемневший византийской иконы.

Под простыней –
тёплое спелое тело.

МОЙ СТОЛ

Профиль Линкольна на монете покрыт пылью.
Мрачный дед-гуцул читает
новгородскую берестяную грамоту.
Вне концлагерей, атомных бомб, лазера и пыток –
граф Толстой с дореволюционным конём играет.
Камень с ольвийской крохотной цивилизованной улицы.
Ракушки с Кинбурнской –
чабрецом и бессмертником населённой – косы.
Чешская пепельница, ставшая
для шишек, желудей и семян – ульем.
И на тарелке – после застолья вечернего – сыр.
Блокноты, журналы, письма
из Костромы, из Одессы, и – книги.
И жетон с давно сношенной жандармской папахи.
И – протыкая потолки блочные низкие,
с открытки взметнул
в николаевское небо соборы Аахен.

ПЕТУХ

Солнце падало,
цеплялось лучами за небо,
упиралось лучами в землю.
Словно муха осенняя злая,
щипала лучами глаза.
На балконе оплывшего дома –
под надзором оконных стёкол –
баба резала петуха,
долго торжественно резала,
будто жертву приносила.
Он кричал,
звал на помощь солнце.

9 ИЮЛЯ 1974 ГОДА

Умирают во мне,
умирают – ритмы, образы, звуки.
А во сне – слово – гуммиарабик
протягивает клейкие руки.
Не нужно мне это слово.
Мне звенят другие слова.
Но льют мне в глотку олово,
а на плечи села сова.
Я – нерв дрожащий от ритмов.
Хватит! Я устал!
В ушах – речи Рима.
В глазах – Христа
уста.

ПЕЙЗАЖ С САМОСВАЛОМ

Арматуры
оскал –
возле грязных,
полусъеденных скал.

В тучах праха –
мал да удал! –
с солнцем в кузове
прёт самосвал.

РЕАЛЬНОСТИ

Там –
Ниневии шум,
Одинокий распят,
Белых рыцарей сны и обеты.
А здесь –
день-шурф,
толпы растяп,
в общественных столовых
грязные обеды.

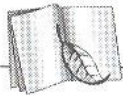
ВСТРЕЧА НА КИНБУРНЕ

Я не знаю,
как называется
этот цветок –
он в метрах семи от меня.
Воздуха вечный перевозданный ток.
И ржанье зелёного коня.

Чабрец, молочай, полынь, череда.
Другие – неведомые травы.
Леса запретного чёткая черта
к вечеру расплывается, тает.

Облако – улыбкой сельского дурачка
одинокое застыло в небе.
Киевлянин – облезлый, в шортах и очках –
говорит про Москву и Нерчинск.

Я лежу на песке у края косы.
Волны шепчут диалоги Платона.
Дрожат крылья прилетевшей знакомой осы,
а потом в море верхнем тонут.

КОМПЬЮТЕР

Солнце ещё раз падает в море.
Я морскую траву собираю для дымокура.
Волны сообщают о саранче, о холерном море,
и о разгроме Самсуилуной города Ура.

Всё прошедшее во все эпохи
море в себя словно компьютер, вобрало –
милости и казни царя Пора,
крики матросов и шлюх из гонконгского бара.

И стихи мои, которые я морю вчера читал, –
будут твердить его волны вечно.
Финикийцы, русы, греки и монголы там,
тамплиеры, Мандельштам и новгородское вече.

Дым встречается с волнами. Солнце уже зашло.
Лишь на туче повисла его закатная огненная корона.
На горизонте вижу – оттиск давних Дел и Слов –
ползёт к Ольвии войско грека Зопириона.

ЕЩЁ РАЗ

С. Есенину

Это тело уже изжито.
Мне нужно другое тело!
Радость детства и запах жита!
И с утра до вечера – тесно!

Вон и бабушки – Таня и Катя –
их увидел, услышал, узнал.
Святого, врага и татя –
целовал равно всех в уста.

С новым телом, с новою жизнью
поступил я, наверное, так же –
обнялся бы с овражною жимолостью,
откружил бы в зелёном танце.

ЖДАТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО АРХЕОЛОГА

«Завтра мне 55 лет... Стонут по ночам стихи мои...»
 Запись в дневнике А. Шеина от 30 мая 1987 г.

12 апреля 1994 года (за 351 день до смерти) Александр Кузьмич Шеин написал в своём дневнике: «О стихах думаю каждый день. Многие звучат так, будто написаны сейчас. Неужто не увижу их напечатанными? Будут ждать литературного археолога. Или погибнут. Погибнут здесь, в этом мире. Ведь знаю: ничто не гибнет. Это мелькнуло у М. Булгакова: рукописи не горят. Мелькнуло. Но верил ли он в это? Я верю. Рукопись можно сжечь, но написанное осталось. Что написано пером, того не вырубишь топором. Новых стихов не пишу. Март прошёл без стихов... От старой привычки... – когда из меня рвутся ритмы, слова – надо отказываться. Сесть и писать. А вдохновение клонет на это сидение и стихи потекут...»

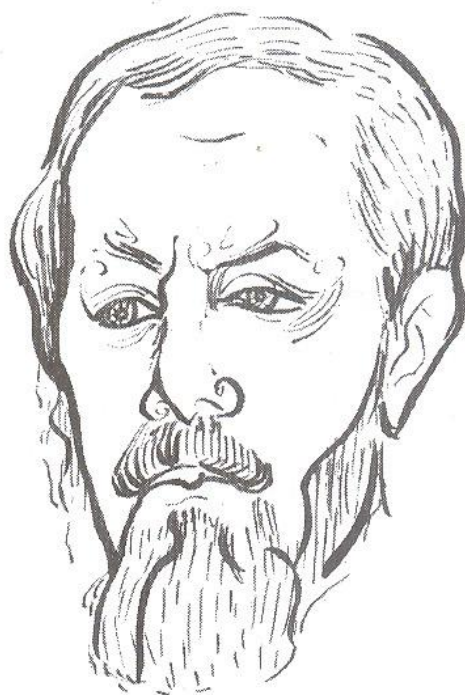
На тот момент «в столе» поэта лежали десять самодельных машинописных книг с неизданными стихотворениями, вместившими в себя всю жизнь – надежды и чаянья, огорчения и разочарования. И это «умолчание» съедало последние творческие силы.

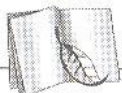
Поэт, педагог, человек Александр Шеин. Восемнадцать лет назад он покинул этот мир. Каким был он? Остались любительские фотографии, свидетельства очевидцев и воспоминания друзей. Осталось главное – стихи, законсервировавшие между строк воздух его эпохи. Которым дышал. И которым задыхался. Словно дышал и жил наоборот. Вдыхая отработанный и рекомендованный тоталитарной системой газ. И выдыхая стихи. Ими и жил.

Вот как рассказывает о нём друг Владимир Ехвалов: «Те, кто хоть единожды видели или общались с этим флегматичным человеком – выше среднего роста с тёмными волосами, такого же цвета глазами, слегка навывкате, с чёрной, начинающей седесть бородой, и с особой, свойственной только ему походкой, – вряд ли уже могли его забыть. При общении с ним тут же возникало чувство эмпатии. Незнакомые люди как бы погружались в единую ауру. Он потрясающе располагал к себе своей детской непосредственностью. Изначально был лишён напускного и фальшивого. А отсутствие высокомерия, амбиций и снобизма – только притягивало к нему».

Писать свои стихи он начал в 50-х годах прошлого столетия. Первыми слушателями были, как водится, ближайшие друзья: Виталий Гайдуков, Василий Никитин, Юзеф Докторович, Евгений Шубин, Владимир Ехвалов. Манера чтения им своих стихотворений была очень своеобразной. Зачастую складывалось впечатление, что Александр впадал в трансное состояние. Как образно сказал его друг Виталий Гайдуков: «Сам поэт в те минуты походил на средневекового барда или дервиша, полностью уходя в себя и растворяясь в своих ритмах».

Есть у поэта Григория Поженяна горькие, пронзительные строки: «Говорят, если деревья долго лежат в земле, / То они превращаются в уголь, в каменный уголь, / Они долго горят не сгорая, и это даёт тепло. / А я хочу тянуться в небо. / Не потому что я лучше других деревьев, / Нет, я этого не

говорю. / Просто, я такое дерево. / Другое дерево».

Именно так! Александр тоже – был совершенно другим деревом. Его душа протестовала против уготованной каменноугольной участи ради идеи мирового тепла. Это и о себе тоже, как окажется спустя годы, он пишет в стихотворении «Деревья»: «Их не преследовали. / В них не стреляли. / Их просто – пилили, / не дрогнув сердцем. // Лежат мёртвые, / но – благоухают, / как праведников тела и думы. / И кажется – / к звёздам взлетают / их тонкие чистые души».

Хотя нет, всё же – преследовали. В 70-е годы советско-партийный аппарат ужесточил борьбу с инакомыслием среди своих сограждан, уделив особое внимание сфере культуры. Многих литераторов, художников, музыкантов плотно опекали так называемые «кураторы» из Комитета госбезопасности, время от времени выхватывая – по наводке осведомителя или же по начертанному плану – на «профилактические беседы» в УКГБ области. Не избежал этой чаши и Александр. В ходе многочасовой беседы в угнетающей обстановке поэту показали уникальное издание – его стихи, отпечатанные в значительном объёме и переплетённые в книгу. По иронии судьбы, это была единственная публикация поэта в родной стране! Тиражом в один экземпляр... Кроме того, показали рецензии на его творчество, которое неизвестными «культурными» экспертами было признано упадническим, антисоветским и даже... белогвардейским! Результатом той беседы явился устный запрет тиражировать где-либо своё творчество, включая не только печатные формы, но и устное исполнение... К слову сказать, система работала без сбоев – до самого конца Советской империи ни одно из стихотворений Александра Шеина не было опубликовано на её просторах. Ни в газете «Вечерняя Одесса», несмотря на договорённость с редактором, ни в новгородском литературном альманахе, ни где-либо ещё. Даже новгородских друзей Шеина – С. Пустовойтова, В. Гребенникова и В. Поветкина, – слушавших его стихи и принимавших у себя, вызывали в местный отдел КГБ.

Однако А.К. Шеин продолжал писать, как говорят, «в стол». Но стихи теперь читал только своим близким и друзьям. И до конца жизни оставался по-этом.

Ещё в 60-е годы он называл свои стихи «криками». Так и писал другу, известному новгородскому художнику Семёну Пустовойтову: «С радостью дарю 50 своих криков...» Краткая и точная характе-

Рисунки (портреты А. Шеина) сделаны Романом Вайнштоком в 1970-е годы

ристика. Не каждый и сейчас примет его поэтику, его стихи. Непростые, несмотря на формальную доступность. Многослойные, несмотря на кажущуюся внятность и лаконичность. Говоря современным языком – «зипованные». Сколько всего извлечёт наружу ваш персональный архиватор, если совпадут настройки и версии мироощущения! Его стихи – надрыв в разрежённом пространстве – будто выцарапаны гвоздём на запылённой извести стен в опустевшей комнате. Поверх многочисленных свидетельств «Тут был...» Поверх мата без повода и по поводу того, что и кто окружает. Он, несомненно, писал в «окружении»: «Стало некому читать стихи. / Буду кричать их гробам и растениям...» Так пишут, прорывая бумагу исписавшейся ручкой или макая перо в пересохшую чернильницу. Пишут так, словно напоследок. Читают вслух так, словно пытаются оживить буквы. Живут так. Без всяких «словно». Пульс, дыхание и смысл – вот нити, свитые в канат его поэзии, довольно долго страховавший тело на краю бездны. Пока две первых, истёршись, не прервались. А третья – не смогла удержать...

«Александр Шеин был верующим человеком. И в последние свои годы всё чаще обращался к религии. К вечным вопросам жизни и смерти. Особенно волновал его вопрос теодицеи – этого непримиримого противоречия – добра и зла в мире. Вопрос же о Создателе – Боге, как творце мира, у него был давно решён... – говорит Владимир Ехвалов. – Словно предчувствуя свой уход, Александр Шеин написал одно из последних своих стихотворений – «Окоём»:

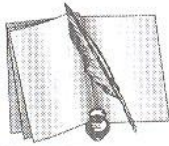
*Молись и расширай души объём.
Остановись. Пусть горестно и трудно.
А дни глядят так серо и так нудно.
Но есть ведь где-то светлый окоём.
Молись и расширай объём души.
А время уплотнится и исчезнет.
Не как материя, не в чёрной бездне.
Молись – и воздухом иным дыши.
И вот видны другого мира краски:
Какая радуга! И всех я вижу здесь.
Пожухла и истлела плоти маска.
И непонятны зло и спесь.
Осталась только солнца ласка.
И радостно, что Свет тот есть.*

У него уже не было ни сил, ни желания сводить в единое целое свои последние стихотворения, опять и опять распечатывать немногочисленные копии на пишущей машинке и переплетать в самодельную – одиннадцатую по счёту – неизданную книгу! А страшнее всего – у него уже не было на то времени. И стихотворения излётных лет остались лишь в одиночных камерах-листочках – мир сжался до размера записной книжки!

Но стихи Александра Кузьмича Шеина действительно дождалось своих литературных археологов. И последние четыре строки «Окоёма» – выбиты на граните его могильного памятника. Как тут в очередной раз не воскликнуть: «Рукописи не горят!» Ведь наследие поэта, благодаря стараниям друзей Александра, сохранено в максимально возможном объёме – тексты всех десяти неизданных книг-тетрадей, черновики, записные книжки, дневники, письма, фотографии и пр. Уже несколько лет нами ведётся неспешная работа – подготовка к изданию полного собрания сочинений Александра Шеина, написание его литературной биографии. И в связи с этим мы обращаемся ко всем, кто знал Александра Кузьмича: поделитесь своими свидетельствами о поэте и человеке либо фактическими данными о его жизни в нашем городе! Свяжитесь с нами по адресу: atorhov@yandex.ru

Василий Никитин, Алексей Торхов

Малыров Анатолий Андреевич. Режиссёр, драматург, писатель. Родился 21.04.1933 года в посёлке им. Т.Г. Шевченко Березовского района Одесской области. Окончил Киевский театральный институт им. И. Карпенко-Карого (1958). Работал главным режиссёром Николаевской телестудии (1960–1969 гг.; 1973–1988 гг.), режиссёром и заместителем художественного руководителя Николаевского русского художественного театра (1969–1973; 1989–1993 гг.). Автор многочисленных повестей, телесценариев, пьес, рассказов и очерков. Пишет на украинском и русском языках. Член Национального союза писателей Украины (1983).

Анатолий МАЛЯРОВ

НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ, ЛОТ!

*...не имеющий здесь пребывающего града,
и града грядущего не взыскивающий.*

(Писание)

На углу Садовой и Морской можно было встретиться и вчера, и сто раз до вчера – центр города. Но случилось только в это пасхальное утро, когда многое дозволено. Православные выходят из церкви и целуются с ближними, желают исполнения всяческих произволений. Родиона Трушина донимало одно: греховное желание – женщина. Но, кажется, и это ныне дозволено – Великдень, праздник ведь. И вот вполне реальный вариант – Раиса Личутина.

Короткая хроника. Близок рубеж тысячелетия, выпускной класс в далёкой и заброшенной деревне. Летом Бакшала мелкая, воды на метр, а под ней – жидкого ила на полтора. Пацаны ныряли белыми, а выходили из купели неграми. Зимой одна радость: спуск с обрывистого холма – Бабы Катри, кто на чём: девчонки на салазках, ухари-парни на коньках, малыши на брюшках. Вся культура – танцы по воскресеньям и дважды на неделе кино, всё это в длиннющем амбаре, перелицованном в клуб.

В сельской школе «под язык» репетировали танец «тройка». Три девятиклассницы в упряжке и одна – при вожжах; три в трёпанных хитонах линялого бежевого оттенка, одна ряжена Снегурочкой. Громче всех подавала мелодию Снегурочка – Рая Личутина. Классом старше, переросток Родька сильно хотел её. Но как подкатить? Взрослая сестра её растила младшую в умеренном православии – семья жила сразу за церковной оградой. Дед её, глухой долгожитель, служил звонарём и плоским ликом походил на святого, а отец, шофёр и атаман деревенских водителей, слыл силачом и бывал буйным в праздники.

Только угнездившаяся в созревающем парне жажда оказалась сильнее страха побоев и позора. Он подкатывал к Райке на лужке, где сходились девочки похихикать и пощёлкать семечки; норовил поднести её верейку на полевых работах, однажды сильно ударил сверстника за то, что тот при подружках обозвал её засранкой.

Худо-бедно, Родька и Райка стали возвращаться из школы вместе, и жила в нём одна радость – Рая Личутина, белокурая, смазливая девочка всего одним классом ниже, но уже заметно фигуристая: волосы не заплетает,

грудки топорщит, ступает по битым в сушь и скользким в дождь дорожкам продуманно, зная, что кто-нибудь да смотрит в её сторону. Родька Трушин написал ей на страничке в клетку, мол, что ты ходишь павой, смотришь выше моей головы, зазнайство не к лицу деревенской девчонке... Не ждал ответа, но на втором же уроке получил через руки одноклассницы свою страничку в клетку. Хотел не разворачивать, так и выбросить. Но рассмотрел. Находчивая, шельма! Сама писать не стала, сделала правки в его тексте: синим карандашом все обращения в женском роде переделала на мужской род, так же согласовала падежи и всё другое. Получалось, что это он ходит павлином, смотрит выше её головы и что зазнайство не к лицу деревенскому парню. Такая выходка доконала Родьку: не только красивая, но и умная эта Райка Личутина!

Сегодня.

Родион: Ну, Раиса Алексеевна, вы вся из себя!

Раиса: А вы, Родион Алексеевич, ходите с теми же пунцовыми губами, что и в молодости!

Родион: Да, тридцать лет – это уже «с базара».

И быстро-быстро думал мужик: надо с ходу, а то заболтаешь ситуацию, ещё всплывут комплексы, откуда ни возьмись придёт скромность и – момент упущен.

Родион: Зайдём ко мне, я тут рядом, за святым местом...

Раиса: Неудобно. Супруга ведь?..

Родион: Один, аки перст указующий. Это тебе следует оглядываться.

Раиса: Рада бы, не на кого.

Родион: Если ты, подобно чеховской Акулине, скажешь: я жила только с вами, больше ни с кем, не поверю.

Раиса: А если ты скажешь, что десять лет искал только меня, я поверю.

Родион: Да пусть это будет твоя последняя неправда! Стены моей каморки краснеют от лжи. А я недавно поменял обои на голубые.

На втором этаже хрущёвки – однокомнатная хижина с пятиметровой кухней.

В прихожей было тесно двум вертикально стоящим, валялся мусульманский коврик – тут приличествует снимать обувь, как перед храмом. Комнатка на первый взгляд вызывает слабое «ах»: пол покрыт двумя сшитыми матами и сверху, на все шестнадцать метров, дешёвым турецким ковром. На затенённой стенке, на уровне головы, – лихо принайтован телевизор, на подоконнике две раскрытые книги и полупустой стакан с запахом малины. В углу, прямо на полу, – икона Божьей Матери.

Родион: Образ уникальный, имя ему – Взыскание погибших. Оригинал.

Раиса: И это всё?

Родион: А что ещё нужно для счастья?

Раиса: Ну, хотя бы укрыться в зиму.

Родион: На балконе проветривается шкура из старого топтыги и плед из дюжины кроликов.

Раиса: Питание, понятно, на кухне. А лучшая твоя половина?

Надо шутить дальше, да так, чтобы в сказанном была только доля шутки.

Родион: Так вот же она!

Он ткнул пальцем между её грудок. Не сговариваясь, пошаркали босыми ступнями на кухню.

Родион: Тут всё, что надо: газовая печка, холодильник, раковина с немытой посудой, две пустые пивные бутылки, обе схваченные паутиной. Даже мухобойка и карманный пылесос.

Возникла пушистая смешинка, разделилась на две и попала в рот обоим: хихикали на всякую пустяшную реплику, то он, то она, то вместе.

Раиса: Скромн раб Божий, чувствуется соседство храма.

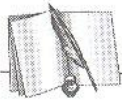
Родион: Соседство уже слегка примелькалось. Лоб крещу, только когда тревога. Или к радости, вот, по случаю явления твоего народу.

Удачно сказано, даже присели от смеха.

Родион: Чай, кофе? Можно с коньячком.

Раиса: У тебя запасы?

Родион: Никаких. Но я сбегаю.

Раиса: Ограничимся чаем.

Родион: Так и заварки нет.

Ну, тут уже смех полился праздничный.

Раиса: Только не оглядывайся, Лот!

Родион: Не будем, так и досмеёмся до конца.

Вопреки ожиданию, в жестянке оказалась ложка зелёной китайской трухи, а в сахарнице – наш, голованевский, рафинад. Можно было сидеть друг против друга, беззвучно прихлёбывать, всматриваться и узнавать друг друга от гребёнки до пят.

Родион: Чем кормишься, Рая?

Раиса: Сейчас придумаю, как объяснить.

Родион: Напоминаю, мои стены имеют свойство краснеть.

Раиса (после паузы): Теперь распространилась новая профессия: реализатор. В моём случае, наверное, реализаторша.

Родион: Где-то рядом магазин, если встретились тут?

Раиса: Перехожу из рук в руки. Рыба ищет, где глубже... А ты, если уж заполнять анкеты?

Родион: Служил правительственной партии.

Раиса: В деятелях, поди?

Родион: Сошка. Перекладываю, клею, сжигаю бумагу.

Раиса: Из этого безделья выгорела квартира в городе?

Родион: Иногда придумываю тексты для тупых боссов. А при счастливой мысли – «мэссиджи» и даже направления мысли. За эти трюки недоученные начальники хорошо платят. Вернее, раньше хорошо платили, когда при власти. Теперь нужда в моих выходках отпала.

Раиса: Кошки под тельняшкой не скребут?

Последнего вопроса Трушин не слышал, он уплыл в далёкую десятилетнюю давность. Она вгляделась в помутневшие глаза некогда обожаемого мужчинки и тоже отключилась.

Хроника.

На леваде Родьку достали бутсом в пах. Заезжий хирург в райцентре заштопал ему плеву под кожей, и через неделю выпускник был на ногах. Однако парню захотелось покрасоваться больным. Придумал наголо побрить голову и походить, держа руку в кармане, как бы зажимая рану. Раю это тронуло, девушка поджидала Родьку после уроков и провожала до дома, там и начали целоваться. Стоя в тени вишняка, сгорали от прикосновений рук и губ, шарили друг по дружке бесстыдно. Месяц спустя, в уже опавшем, но ещё сухом палисаднике, свалились, это было двадцать третьего октября в десять вечера, – она на спину, он на неё. Парень полез девочке под юбку, стаскивал её короткие, уже местами влажные штанишки. Она не прогибалась, не корчила из себя недотрогу, даже не стонала и не ойкала. Она совсем не дышала, только донельзя вытянула руки за голову, нащупала сухую веточку, с треском ломала и дробила, дробила её в одеревенелых пальцах, потом тащила в рот и кусала.

Сегодня.

Она так же бессознательно упала на турецкий ковёр, закинула руки за голову, искала, нащупывала сухую ветку. Ветки не было, тогда она ногтями впиалась в волокнистую ткань и выдёргивала по миллиметру ворсинки. В ней сегодня было много нового. Её ласковое дыхание в такт его движениям, её встречные толчки, желанные и неожиданные, горячая дрожь и живой, радостный плач, тихий, мелодичный и милосердный. Ему тоже захотелось плакать. Это счастье.

Хроника. После выпускных экзаменов они расстались просто. Он со второй попытки сдал экзамены в Николаев, в кораблестроительный, – была большая надежда устроиться на крупном заводе и никогда не возвращаться в запустение села, в болото Бакшалы, к обноскам и вечному недоеданию. Раю, после неудачи в Одессе, родители увезли в Кировоград: там была пробивная тётя, которая обещала, не с первой, так со второй-третьей попытки, пристроить девушку в университет. Прощались в глухой лесополосе, извалялись в августовской травяной и цветочной пыли, облепились колючками верблюжьей травки и репейника – не чувствовали боли и печали. Впереди подъём по мраморным

ступенькам – в люди. Что было в прошлом – знаем, что ожидает в будущем – узнаем, хуже не станет! Институты закончили.

Сегодня... кто они сегодня? Оба поняли, что жизнь – это не то, что ты задумал, и совсем не то, что ты проживаешь; но то, что сложилось по воле рока, и то, что творит с тобой общий колдоворот бытия.

Посидели голенькие на матах, перешли на кухню, допили чай. Этого было достаточно, чтобы рассмотреть её пересохший, сбитый маникюр и длинные заусенцы, прожилки на натруженных кистях: подкрашенные через один и забытые ногти на ногах. Самое жуткое: от её великолепного тела отдавало кисловатым крестьянским потом, а ещё – хронической усталостью.

Расставались замедленно, с тягучей любезностью, чтобы скрыть поспешность, попытку не замечать ещё многие детали своего теперешнего прозябания в городе.

– Ты заходи иногда, Раечка.

– Да как-то выберу время, Родик.

Она не сказала ему, что уже неделю ищет угол для проживания на окраине города, чтобы подешевле, и меняет хозяина магазинчика, липкого и липучего прилипалу, ищет посговорчивей да без приставаний, как этот – в подсобке, грубо, жирными лапищами в пыли и ворсе, по самым сокровенным долькам тела... Не сказала, что уже эту ночь ей негде переспать.

Он не сказал ей, что его донедавна правящая партия изгнана в оппозицию, приработки чувствительно сократились, а если сказать так, чтобы не краснели стены, – исчезли, местный босс намекает на сокращение штата и смотрит на Трушина поверх головы – начнут с него...

Они не обменялись номерами мобильных телефонов – если у Раисы вообще была мобилка, не переспросили адреса...

Только потом-потом, в лёгком забытии полуночи, в эротическом полусне, Родион сознавал, что лучшие мгновения его жизни были не в дни, когда он придумывал удачные «мэссиджи» и получал крупные «уе». Даже не во время даровых поездок за рубеж и посещения продажных красавиц... Но только в те недолгие часы, те мгновения во всей его биографии – с Раисой Личутиной, наивной, целенаправленной и самоотверженной самочкой. Понимал и тут же изживал в себе это понимание – не складывалась жизнь для такого счастья.

Не оглядывайся, Лот!

Раиса же однажды на вопрос товарки по прилавку, кто ей больше всех нравится из знаменитых киноартистов, вдруг ответила:

– Родька Трушин.

Не оглядывайся, Лот, погибнешь!

И всё-таки она оглянулась. Трижды топталась у церкви на Садовой – всё надеясь перехватить Родиона. Повела себя хитро: узрев его походку из-за забора, отвернулась и пошла впереди по его дорожке.

– Эй! – крикнул он, захрипев от внезапности. – Дамочка, вы у нас причащались-исповедались?

– Ой, снова ты? – Рая даже оступилась от неожиданности, артистка.

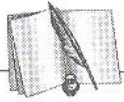
...Шагнули на его обжитые маты. Выпили запасы вина, повторили знакомый акт, впитывая друг друга и выдёргивая бахрому из коврика. После шумных вздохов и дурковатых смешков Родион вдруг сказал:

– Ты побудешь у меня месячишко, а? Что-то одиночество достаёт, запью...

Она ударилась взглядом о потолок, ещё хохотнула, по инерции, подсчитала вслух:

– Сегодня двадцать девятое июня. Месячишко... Ладно, хоть Божью Матерь в красном углу прикреплю.

Местные политики затеяли новую грызню, Трушину пришлось заседать и орать до хрипоты в штабах, в мозговых атаках. Потом возить «уе» в районы – средства на оплату яростным сторонникам его партии. Только все усилия его были направлены не на победу идиота от верхушки его партии, но к тому, чтобы поскорее избавиться от трудов на чужого дядю и оказаться на своих матах, рядом с Раисой. К тем забавам, что принято называть политикой, даже к заработкам, – он потерял

интерес. Его занимала странная землячка. Голенькой она могла конкурировать с победительницами конкурсов красоты. Слетали с неё бедные уборы – оставалась богатая натура. Отдавалась она исто-во, с напевами и пританцовкой – стоя... опускаясь на колени... перекатываясь от стенки к стенке... с неженской силой сжимая его всеми четырьмя точёными конечностями... потом вдруг исчезая и появляясь с другой стороны. Чудом угадывала его желания за миг до их возникновения...

И всё же это у Раи было не главное. Интересна она была в обиходе.

Ночь, за окном пустился упругий ливень; ветками бьёт в стекла, угрожающе шумит, озаряет комнату частыми молниями, в форточку дышит осенним холодом. Вздремнувший в углу спальни Родион просыпается от глухого речитатива. Приоткрывает один глаз: Раиса стоит в полушаге от окна, обнажённой спиной к нему, и сама себе красиво нащёптывает:

– Степь кругом, ни души, ни зги. Я оставлена на самой серединке мира. Вдруг – воробьиная

ночь, синие молнии, сухие разряды. Мне страшно, страшно! В какую сторону бежать, где укрыться? За что на меня такое?..

Родион приподнимается, неслышно подходит к женщине со спины, почему-то робея, кладёт ладонь на её плечо:

– Укроемся вместе...

– Отойди! – вдруг обидно чужим, низким голосом обрывает его Раиса. Плечо её стряхивает тёплую руку Родиона, он даже отступает.

– Чокнулась, что ли?

Она не оглядывается, широкими глазами бросается за окно и шепчет, шепчет:

– Сотня, тысяча, миллион – под кровом, сытые, обласканные... Но одна – в степи, брошенная и голодная. Это я. Жуткое одиночество, холод, вечность... Так в степи возникают каменные бабы...

Родион не дурак и к тому же довольно безразличен к чужим закидонам. Свалился на свой мат,

уснул. Утром не вспомнил о ночных гастролях партнёрши. Сразу вскочил и пошёл на кухню. Ан, не первым он проснулся. Рая уже похозяйничала: бутерброды на столе, кофе в термосе. А сама невинно досыпает, поновляет ночные траты.

Субботний вечер. Включён телевизор на стене, хозяин развалился после трудов праведных, смотрит всё подряд. Раиса как-то демонстративно уходит на кухню, потом в ванную и снова на кухню, до обидного долго копается там. Он жаждет женщину рядом, даже выглянул:

– Ты что?

– А я не люблю телевизор!

Однако в двадцать один час Родион уличил её:

– А вот смотришь и даже улыбаешься.

– Это «Хит-парад живой природы». Снято скрытой камерой.

– Зверушек любишь?

– В моём обиходе сильно не хватает правды. А тут – душу отвожу.

– Странно! Про мохнатых и пернатых – подай. А про людей?

– Про людей... Одно и то же, одно и то же. И всё – фальшь.

– В церкви тоже одно и то же.

– Не позволяй себе говорить такое. Есть каноны, а есть трафарет. Первое – истина, от святости, а второе – от лени ума. Не люблю!

– А что ты, кроме зверушек, любишь?

– То, что могу сама...

– А что ты можешь сама?

Уже не первый раз злой нерв пробегает по её лицу:

– Интересно, хоть один чудак на этом свете знает, какая собака в нём зарыта?

Сказано просто, однако сразу не поймёшь.

Как-то под вечер Раиса протирала полы на кухне. Родион подпёр створку двери плечом и рассматривал её обтянутый плавками и выступавший из-под стола упругий задок. Из-под столешницы послышался ночной её речитатив:

*Летят года, как снег, как дым,
в безумном Броуна движении –
ты остаёшься молодым
в моём больном воображении.*

Он прыснул смешком:

– Эй, там, под столом! Девушка, это ваши стихи?

Она вывернулась к середине кухни и села на скамеечку:

– Разве это стихи?

– А то?

– Я и не знала.

– А что ты знаешь?

Смятение и растерянность расхаживали по её румяному лицу:

– Пожалуй, я, как и все, ничего не знаю.

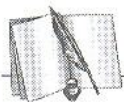
На такой мелочный вопрос столько энергии отдавать!

В душное воскресенье после домашнего симпозиума, что по латыни означает: после обильного возлияния и приятия пищи, возлежание в кругу гетер, – Трушин возлежал не в кругу, но рядом с одной, стоящей многих. На тех же покрытых ковриком матах. Руки и ноги раскинуты, дыхание раскочанено, воля вольная, хочешь – протяни руку и накроешь пышную, даже жёсткую растительность на милом лобке пылающей женщины. Всё до того хорошо, что в голову полезли печальные мысли. Родион почувствовал вину перед Раисой.

– Эй, там, на борту, вы ещё живы?

– Как никогда, кэп!

– Я задумался... Скучно я обустроил твои вакации. Десять часов по будням ты при своей лавке.

У меня ты стряпаешь, убираешься, крупные и мелкие постирушки устраиваешь. Отдых тоже в трудах... любви. А не сходить ли нам куда-нибудь?

– Куда?

– В театр.

– Не хочу.

– Ты просто не знаешь, что это такое.

– Знаю. Была... трижды. Приукрашенные подстарки выходят под фонари и громко, для людей с дефектом слуха, произносят молодые слова, сочинённые лысыми, забывшими правду стариками. Да отобранные, придуманные мысли, чтобы не обидеть и власти, и зрителей. На подмостках царит договорённость: актёры наперёд знают, что будет, в зале тоже знают всё наперед – но принято взаимное уважение – хозяева и гости... Вот так два часа уважают, а потом пять минут хлопают в ладоши. Ладушки-ладушки!

Родион принялся хохотать, Раиса примолкла.

– Девушка, телевизор тебе претит, театр ты не признаёшь, книжки читать, при твоих трудах, некогда. Что же составляет твою духовную жизнь?

– Ты забыл, что я жила у храма, пока его не закрыли, что мой дедушка был церковным сторожем и звонарём, за что Бог продержал его на свете сто пять лет...

– А-а-а, в свободное время ты молишься? Но я не замечал...

– Молитва – святой акт. Лучше ночью, когда ты одна перед Богом. А стоять на юру на коленях, когда по тебе ходят, над тобой галдят... один солидарен, а другой презирает, а все вместе вносят в душу суету и сумятицу... Давай об этом не говорить. Это только моё.

– Понимаю. Но искусство? Ты же читаешь стихи про себя, целый день носишь с собой какую-нибудь мелодию, запоминаешь ситуации от классиков, добрые и дурные, учишься следовать им или отказываешься от таковых. Где-то всё такое нужно набирать. С экрана, со сцены, из книжки...

– Набираю с природы. Живу. Встречаю в житейские ситуации и играю в них свою роль. Там фальшивить не удаётся – сразу выбросят из житейского спектакля. А если фальшивят партнёры, я уйду, отказываюсь от роли.

– Со мной ты тоже играешь?

– Это моя лучшая роль!

Не женщина – леший знает кто!

Впрочем, Раисино нежелание искать развлечения объяснялось и другим. Как-то она заикнулась об отсутствии в городе и округе свободного пространства, рощ, лугов. Полуостров Богом и светлейшим князем Потёмкиным был предназначен для двадцати-тридцати, ну, на худой конец – ста тысяч обитателей. То есть на одну верфь с прочей выгодой и услугой, или, по-нынешнему, – инфраструктурой. Милитаристы построили три завода и, естественно, отняли у Бога всю площадь между лиманом и рекой. Продохнуть негде, потому и на воздух не хочется. Теперь заводы развалились, а инфраструктура, эдакий муравейник с муравьями, осталась. И совсем убедительная причина домохозяйки: хорошо отдохнуть, с поездкой в дальние края – нет средств, а кое-как – она не желает. То есть дома с давно обжитым Родионом ей лучше.

Такое неожиданное заключение вызвало первый тихий, тут же подавленный гнев у Трушина. Маленькая серая кошка поскреблась в затылке: подумаешь, запросы у крестьянки! В болотистой, тощей деревне было комфортней, была та ещё инфраструктура!

– И всё же мы здесь, – вздохнул он с нарочитым облегчением, пробуя поставить точку на этакой домашней философии. – Мы осели в городе.

И напросился.

– С чем мы перекочевали в город, в эту, пусть серенькую, но уже обкатанную, притёршуюся цивилизацию? С мешками, портами и опорками, с психологией хуторян, с привычкой врать и воровать? Поселяемся, где Бог и работодатель позволит, мусор выбрасываем за дом – ветерок разнесёт, как в степи. Кланяемся всякому невежде, ждём от него подачки. На воле, в степи, мы зависели от природы: от родника, от пчелы, от соседа... Худо-бедно – сам себя кормишь. А тут природа исчезла:

камни валяются – мостовая, битый асфальт торчит; дома затмили свет, нет сил в небо посмотреть... Боишься каждого встречного. А то надеешься – может, это твой родник и твой кормилец. И мы от ужаса сразу силится отрешиться от своей простенькой, привычной веры, от своего, пусть куцега, но понятного не только звуком, но и дыханием языка, перекочёвываем на чуждый суржик – «по-руськи какось лёгше». Ни лица на нас, ни достоинства при нас, и тут приходится играть чужие, не интересные роли. Мы, своеобразные и талантливые люди, становимся бездарными актёрами...

Раиса говорила, а Родион думал: не голая и аппетитная женщина лежит рядом с ним, а сухой и нудный законоучитель, мужик в рясе или профессорском колпаке. И что есть настоящее в этом ладно скроенном и переполненном здоровьем существе? Женщине приличествует, прежде всего, быть самкой, притом несколько недалёкой и лишь достаточной для утех самца, для домашних забот, ну, в какой-то мере – для украшения быта. Как у правоверных мусульман: проще, примитивней, подвластней. А эта? Да, она удовлетворяет всем требованиям дома: те же – стряпня, стирка, уборка... Отдаётся и ласкает она с восторгом и талантом. Но внутри у неё – ещё большая потребность думать, рассуждать. В погоня за куском хлеба и тряпкой на задницу – где берутся у неё силы и время для философии! С такой недолго потерять эрекцию. Тяжёлый характер, и только.

Хуже то, что рядом с Раей он вдруг почувствовал себя простолудином, довольным малым и почему-то виноватым перед женщиной. Ещё одна, уже крупная и чёрная, кошка исподволь поскребла темя Родиона. Чтобы сменить пластинку, а может, само собой, невольно, из подсознания, прошептал:

– Сегодня красивый день... Двадцать седьмое.

Слева, из-под его руки, из тихих уст Раи донеслось:

– Двадцать девятое послезавтра...

Двадцать восьмого июля, вечером, с пакетами со снедью под мышкой и едва ли не в зубах Трушин открыл дверь своей хрущёвки – Раисы Личутиной не было. Вещичек её – тоже. Не разворачивая пакеты, он сел на кухне, ждал весь вечер. Не помнит, как перешёл в спальню, упал на маты, заснул. Утром проснулся – её всё нет. «Месячишко», вспомнил он, «месячишко» прошёл. «Итак, всё конечно», как поёт классик.

* * *

Три года спустя – сообщение по радио: грабители ворвались в пригородный дом под столицей. Искали большие деньги. Допрашивали прихваченных в спальнях хозяйку, тридцати трёх лет, и мальчишку – шестнадцати. Убили их. Денег не нашли. Вызванный из командировки хозяин-бизнесмен горько плакал над могилкой семьи. Дотошные журналисты нашли в бумагах покойной стихи и набор рифм к слову «Родион» – «он, огорчён, удалён...»

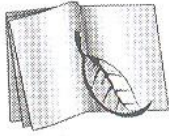
Имя это не принадлежало ни мужу, ни его погибшему сыну от первой жены...

Позже Трушин узнал, что Рая Личутина три года назад вышла замуж за преуспевающего землевладельца с тринадцатилетним сыном. Жила под Киевом, пустилась в роскошь.

Может, сообщение об убийстве – про неё?.. Не хотелось так думать. Не думал, только песенка Раисы, с некоторой переделкой мужского-женского рода, как некогда в его первом письме к ней, сама собою повторилась:

*...ты остаёшься молодой
в моём больном воображении.*

Не оглядывайся, Лот!

Кремін Тарас Дмитрович. Поет, критик, краєзнавець. Народився 10.06.1978 р. в смт Казанка Миколаївської обл. Закінчив Миколаївський державний педуніверситет, аспірантуру Інституту літератури ім. Т. Шевченка НАН України, літню школу при Лундському університеті (Швеція). Кандидат філологічних наук, доцент. Переможець обласного літконкурсу «Золота арфа», «Краща миколаївська книга», Всеукраїнських: «Привітання життя» імені Б.-І. Антонича, «Рукомесло», «Покоління – ХХІ», учасник Всеукраїнських нарад молодих літераторів. Друкувався в антологіях «Миколаївський оберіг», «Золота арфа», «Соломонова Червона зірка», «Молода муза», «Самвидав», на сторінках часописів «Київ», «Бузький Гард». Член Національної спілки журналістів України, Конгресу літераторів України, Національної спілки краєзнавців України, депутат Миколаївської обласної ради VI скликання.

Тарас КРЕМІНЬ

ІМ'Я ТВОЄ ГІРКЕ І ЧИСТЕ

ЯБЛУНЕВІ РУКИ

ти поклала яблука на обідній стіл
вони схопили вогні твого дотику
і почервоніли
аромати дерев спрага незвіданих плодів
квітнуть у тобі вічність
одній тобі це кажу
бо світ поділено на полюси
на одному із них шукаємо долю
шляхами якоїсь там безвісті
ти мовчиш
і тиша промовляє проваллям
справді чим наділити мене
того хто зрадив власну мрію
промови біля труни світу
який мов на гойдалці до сволока
у флейти перериваються голосові зв'язки
мов пуп'янком із вічністю
вибачити мені означає
позбавитися осліплого неба
яке враз змінить погляди
напевно так і треба жити
зберігаючи те що лишилося глибоко
а чи далеко
тривале серцебиття мов оті спазматичні рухи
закоханість змучених втому
яблуневої вологи

* * *

я прожив сто років самотності у небі
заплідненому солодкими яблуками
тільки дощова пастка поламає руки
останньому дереву що народило
плід спокуси сонячного провалля

* * *

ти пряла своє волосся
підковою вуха пропливе човен осені
загубитися у тобі

* * *

як перекручена печаль
ота сторінка
впаде як листя до плеча
кохана жінка
вишневі зрубано садки
так завелося
печальний голос крізь віки
й твоє волосся

УЗОРИ ЖИТТЯ

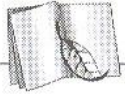
добрала якісні нитки
підрахувала їх необхідну кількість
пригадала узори за якими будемо жити
і все задля того аби був гарний светр
можливо що й вишита сорочка
тільки чому мені й досі пригадується мить
коли ти одягла мені своїми натрудженими руками
уперше стало так затишно і моторошно
чи це справді усе це для мене?

ДЕРЕВО І ЛЮДИ

ти
сиділа на підлозі неба
і лускала насіння
зірками
ми
колись упаде світова арка
всесильні титани розгублять
свою силу і почнуть сіяти зерно
проросте свігове дерево
і я
дам тобі руку
аби ти спустилася по сходинках
і глянула що ж
ти
наробила

РЕАЛІЇ

неймовірно уявити світ
у якому зникають фарби
безглуздо будувати хату
з вікнами не в садок
опинитися далеко за виднокраєм
і не стати щасливим
затамувала подих крапля
падаючи на твою щоку

* * *

Розкутість рук усміхнених доріг,
Плечистість вій, захованих у пасма.
Прикутість тіл, утома рук і ніг,
Лиманна мла, зимовість непогасна,
Затертий слід крізь млу і далечінь,
Піти туди, де морем пахне тіло...

...Спинився час у долі на плечі,
І все немовби відпалахкотіло.

* * *

Озирались Йому призабуті слова.
День покірно мовчав, помираючи вкотре.
Похитнулась стеблина в німому акорді,
Не забулась дорога, бо вічно нова.

– Помирати, – сказала, – запізно. Ожин
Ти усіх не зібрав. Не здолав всіх кордонів.
Після вічних доріг повертайся додому,
Де чекає Вона на початку стежин.

ВЕРБНА НЕДІЛЯ І СВІТЛЕ ПРИЧАСТЯ

встати удосвіта і пригадати молитву
що закричить у передранішньому місті
одягнути чисту білизну ховаючи грішне тіло
як туніка першого хто заперечив перемогу диявола
місто це спить місто це спить

тільки нахилені від вітру дерева женуть небом
а когось тротуарами і автобанами століть
неначе хвиля своїми обертами прагне берега
аби нагадати на його вустах про сіль скорботи
місто це спить місто це спить

усе зникає рососою неначе опісля непростого причастя
колування стихії й розлогого напруження думок
о чому так сплетені оці тіла закоханих у світ людей
дощовими сірими хмарами збільщується
кількість людей асфальту
місто це спить місто це спить

на причасті побути бодай іще якийсь разок
і впізнати у собі жалюгідну подобу потвори
яка ізнову втішає себе думкою про вічні дерева
що проростуть вербою з Його тіла і самотньої душі
місто це спить місто це спить

ТІНЬ КРОВІ

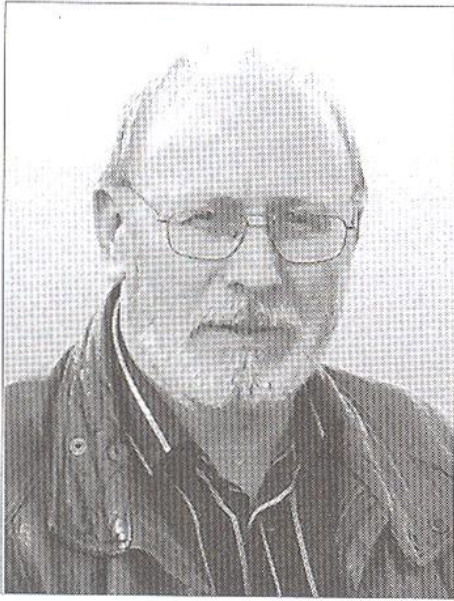
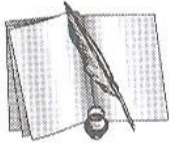
Солоні спогади далеких берегів
невимушено у теплі зігріті.
Задумливі й палаючі сніги
щочу бентежать, як маленькі діти.
Дитино, всевітү і батьку вільних строф,
нагороди своїм священним словом.
Вирує час й моя пульсує кров,
аби побачить тїнь свою ізнову.

ТВОЄ ІМ'Я

за секунду до кінця
Іздрік

за тих п'ятнадцяти хвилин
алюзій сенсу і містерій
враз усвідомити один
один на попелі імперій
за кроком крок а де межа
секунди йшли а потім бігли
одна лишилася страшна
межа фантазії і міту
пігулка щастя навздогін
немов опалення у місті
на поквацьованій стіні
ім'я твоє гірке і чисте

Калиновський Володимир Миколайович. Народився 8 лютого 1949 року в с. Градовка Мостівського району Одеської обл. (зараз – Веселинівського району Миколаївської обл.) області. Виріс і закінчив середню школу в селі Мостове Доманівського району. Закінчив Київський державний інститут культури за спеціальністю «режисура» (1976). Автор книг: «Навіяне Мостовим» (у співавторстві з В. Чабановим, 2010), «Рід Ерделі. Повернення із забуття» (2012). Пенсіонер, проживає в Миколаєві.

Володимир КАЛИНОВСЬКИЙ

РОЗСИПИ

АБОРИГЕН

Я тільки-но переїхав із Градовки до Мостового – великого й незнайомого села. Мені майже п'ять років. Я розмовляю «по-кацапськи», і всі з такої моєї мови дуже сміються.

Наступного дня після переїзду я виходжу в новий світ на розвідку. Спускаюся по вулиці трохи вниз і зустрічаю першого аборигена, малого й пузатого. Я оголошую його своїм другом і веду знайомити з мамою. Мама дивується з нас і питає пузяня, як його звать. І тут абориген дуже поважно видає таке, за що я запям'ятовую його на все життя: «Анатолій Іванович Жнець!»

Відсміявшись, мама пригощає нас медом. Вірніше, пригощається мій новий друг, бо сам я на той мед дивитися не можу. Адже відомо, що чого нам не бракує, то саме цього нам найбільше не хочеться. З усього видно, що аборигену меду дуже бракувало.

Добре погане тим, що настає момент, коли воно закінчується. Тож бачачи, що меду більше не дадуть, Толя облизує пальці й запрошує мене знайомитися з його мамою. Ми спускаємося вниз по вулиці, і виявляється, що він – мій сусід і живе всього через три хати від мене. Його мама пригощає нас із величезного казана вареним кукурудзяним зерном, яке приготувала свиням. Я їм цю смакоту, аж за вухами лящить, тоді як абориген копилить губу. І я його розумію, бо це підтверджує мої вищенаведені спостереження: коли в нас чогось удосталь, то воно не лізе в горло.

...Минали роки. Ми виростали поруч, товаришували і жодного разу не посварилися. Бо хоч Толя і був молодший за мене на цілий рік, у мені на все життя поселилася повага до малого аборигена, який колись так по-дорослому відрекомендувався моїй мамі.

КАРТИНКИ З ДИТИНСТВА

Я хочу розповісти вам про своє мостівське дитинство. Бо й вам теж, мабуть, відома ця закономірність: чим далі від нього, тим менше неприємних спогадів. Не переживайте, я – не про все своє дитинство. Хоча б тому, що воно миготить переді мною окремими картинками, а не цілісною історією

життя. Я бачу між цими картинками широкі й глибокі провалля, які тільки збільшуються, – наша пам'ять функціонує незалежно від нашої свідомості.

Ось магазин сільпо. Мостівчанин ніколи не скаже: я йду в продовольчий магазин. Він скаже: я йду в сільпо. В сільпо хіба що керосину нема, бо той продається у госпдворі, що знаходиться за раймагом. А тут, поряд із запашними ковбасами та карамелями-«подушечками», що злиплися в солодкі грудки, стоїть бочка з оселедцями, з другого боку на прилавку лежить відкрита коробка яблучного повидла, а на підлозі збоку – діжка із солідолом. Тут же можна купити й кінську упряж, і навіть ярмо для волів, яких ще можна побачити на мостівських вулицях. Тут пахне чимось звичним.

У моїй свідомості магазин сільпо – це магазин для існування, а раймаг – магазин для розкошів. Товари, що там продаються, не в кожній сільській хаті побачиш. У раймазі пахне чимось незнайомим і хвилюючим.

Ось моя мама на рідному мені градовському діалекті, витоки якого лежать десь в Орловській губернії, просить збігати в містечко й купити «катёлку ниток». Мостівчанин ніколи не скаже: збігати в магазин. Він скаже: збігати в містечко.

По дорозі до містечка я весь час думаю, як сказати українською мовою слово «кателька», але так і не придумавши, кажу по-градовськи: «мама просила купити кательку ниток». Сьогодні й мені весело, але тоді я дуже образився на продавчиню, яка посміялася з мене за нашу з мамою «кательку».

Ось хрущовський кукурудзяно-гороховий хліб. Він незвичного смаку, і поки свіжий, ми, діти й підлітки, їмо його із задоволенням, не підозрюючи, що радянська влада важко переживає кризу, названу, пізніше, смішним ім'ям «волюнтаризм». Таким хлібом, як розповідав у своїх воєнних повістях Г. Бакланов, інколи годували солдат на фронті. Наступного дня хліб уже був неїстівний, і, викидаючи його за бруствер, бійці жартували: «От вигонять нас німці з плацдарму і скажуть: ці руські з жиру бісяться – дивіться, чим вони коней годують!»

Добре, що ця криза закінчилася і в моїй хаті знову запахло маминим хлібом. Вона випікає п'ять великих домашніх хлібин у кабиці, збудованій на нашому підвір'ї, на дріжджах власного приготування, бо й дріжджі в ті часи були дефіцитом. Маминими дріжджами користуються всі сусідки, але такого смачного хліба не випікає, здається, ніхто. Наша невелика сім'я споживає ці п'ять хлібин протягом тижня, а на наступний – випікаються нові. Причому остання хлібина такої ж якості, як і друга, бо перша – гаряча, пухнаста, з хрусткою кіркою – з'їдається в день випічки.

Домашній хліб в день випічки – це свято! Я, ковтаючи слину, дивлюсь, як мама притискає до грудей свіжоспечену хлібину і відбатовує добрячий окрасець для мене. Потім вона бере вийнятий із погребя жовтий кавалок домашнього коров'ячого масла й намазує його ножом на гарячий хліб. Масло тоне, тече в мене між пальцями, але я запускаю свої зуби в окрасець і відчуваю невимовний смак. Цей смак викликає залежність на все життя, немов наркотик...

Ось густа й глибока пилюка, нагріта гарячим літнім сонцем, лагідно пестить мої босі дитячі ноги, що ступають сільською вулицею.

Я чимчикую в містечко.

Я збираюся купити в сільпо солодку грудку «подушечок» на два дореформених рублі, що дала мені мама.

ДАВНЄ

– А пам'ятаєш, як ти любив у дитинстві ковбасу? – сміючись, запитав у мене вчора мій друг.

Справді, знаю я за собою такий гріх. Я й зараз любив би її, якби вона була тією «Одеською» чи «Краківською», які тоді виробляла місцева райспоживспілка. Коли переді мною вставав вибір – купити ковбасу чи конфети, – найчастіше програвали конфети. Навіть морозиво в паперовому стаканчику, яке з'являлося в селі лише в свята два-три рази на рік, не щоразу виходило переможцем у внутрішній боротьбі моїх дитячих гастрономічних вподобань.

Я здогадуюся, звідки в мене така любов до неї, бо мені здається, що найбільше людина любить те, чого її позбавляють. Згадую: біля хати осінній сад, у саду стоїть велика бочка без дна; під нею куряться дрова, а зверху на металевих прутах звисають пружні кільця домашньої ковбаси. Відбувається чаклунський процес її копчення. В повітрі витає димно-ковбасний дурман, він примушує мене,

малого, нарізати круги навколо бочки і з надією чекати завершення цього священнодійства. Я ще не знаю, що спробувати цієї ковбаси мені не доведеться, бо вона призначена на продаж. Нескуштована й така приманлива, вона закарбується в моїй свідомості на все життя і стане причиною для пізніших дружніх піддрознувань. Я засну з думкою про неї, але в цю ж ніч мама забере її з собою на одеський базар, щоб продати чужим людям, і її з'їдять інші діти. Бо в радянському селі початку 50-х грошима за роботу не платять. За роботу платять трудоводнями, на які нараховують не рублі, а кілограми. Для того, щоб купити щось дуже необхідне, треба спочатку продати щось менш необхідне: пшеницю чи яйця, домашнє масло чи курку або таку фантастичну ковбасу...

Як можна забути!

Дитяча душа – що чорнозем: тільки посіяти, а зійде й виросте саме.

ДЕ ТИ БУВ?

«Де-ти-був?!», – суворим і обіцяючим великі неприємності голосом, дуже роздільно, щоб дійшло, промовляє мама. Надворі темно. Вона бачить перед собою дванадцятирічного сина (безсовісний, уроків не зробив, про батьків не думаєш, тобі б тільки байдики бити!), скуленого, із синіми від холоду губами, в жерстяному від морозу одязі і ковзанами через плече. Це я, прости мене, Господи!

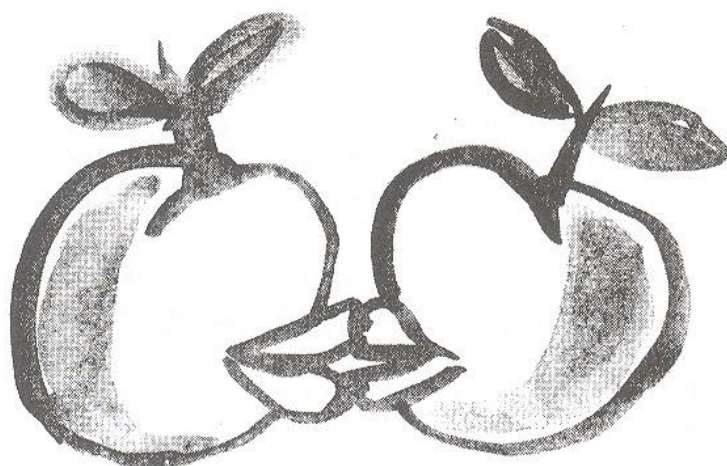
...Після школи, попоївши, я вийшов на кілька хвилин із дому покататися на ковзанах. Але ж усі знають, що час – це така незрозуміла річ, коли ось тільки що він був, і ось його вже нема. І що прикро, мама про це теж знає, бо, бува, піде до Тодорихи на п'ять хвилин за сіллю, а повернеться після обіду. Та й Тодориха, перш ніж піти, разів із двадцять скаже, зітхаючи, «треба йти», коли приходить до мами по дріжджі. Одним словом, із часом коїться щось незрозуміле, а я, виходить, крайній! Добре, що батько мене бачить тільки тоді, коли я сплю.

Покатавшись біля хати на «снігурках», я згадав, що домовився з однокласником Льонькою помінятися ковзанами: я йому свої «снігурки», а він мені – «ласточки». Бо, правду кажучи, мої старі «снігурки» добрі тільки на ущільненому снігу, а на льоду краще вже без них; тонкі ж леза «ласточок» якраз для криги, бо хокейних ковзанів тоді ще в природі не було. Втім, про природу це я, може, й перегнув, але в нашому селі точно не було. От і довелося мені йти і шукати Льоньку.

Отримавши нові ковзани, що зробить нормальна людина? Правильно, вона їх випробує. Тому я і опинився на річці. Тут, розігнавшись на ковзанах, ми пострибали в довжину, помічаючи відстань гілками. Потім пограли в хокей. Хокей – це така гра, де краще за Валерку Сідленка все одно не зіграєш, тож я вирішив трохи покататися на самоті. Розстібнув пальто, розкрив поли у вигляді паруса, і мене понесло за вітром. Дивовижне відчуття! Стоїш на місці і водночас їдеш!.. Схаменувся під Чернігівкою. Поки повернувся – йолки-палки, мама вб'є!..

«Де-ти-був», – іноді вчитує мені дружина, і я відчуваю себе по-дитячому винним, навіть якщо й справді затримався на партійних зборах.

ПОЧАТОК

Надворі – світла й тепла рання осінь. Вже ерделівський сад світиться, де-не-де, золотом кленів, уже наливаються стиглістю плоди глоду; вже в шкільному фруктовому саду нічого робити ночами, бо все обібране і, врешті, зібране; вже стала черговою сторінкою моєї життєвої історії вольниця шкільної пори – літні канікули.

Сьогодні – перший день занять. Зранку було метушливе й веселе свято зустрічі з однокласниками, яких не бачив три місяці. Всі вони змінилися й виростили, і це мене збентежило настільки, що я якось не дуже уважно слухав директора й класну керівничку. Бо цей вересневий день якраз для того й існує, щоб помірятися зростом і силою, вивчити революційні зміни, що відбулися з нашими дівчатами, і знову дати собі слово, що вже цього року буду вчитися як належить.

Наша школа одноповерхова, але вікна в ній розташовані високо, і мені дуже зручно спостерігати за життям поза класом. За шкільним муром, на великій галявині, де шовесни палає піонерське вогнище, пасуться декілька, нівроку собі, бичків і теличок. А може, й самі бички, бо бачиш, як тікає від одного з них дід Петро! Старий-старий, але коли за тобою женеться два центнери роздратованої гов'ядини з ріжками, то тут і про вік забудеш.

Традиційну сільську картину у вікні несподівано перекриває розпатлана солом'яно-жовта голова; вона приятельськи шкіриться до мене посмішкою на все ластовинне обличчя, і я відразу відчуваю до того, кому вона належить, теплу й глибоку симпатію. Це мій майбутній друг Шурка, який дочекався мене в цьому класі, залишившись на другий рік, щоб таким чином опинитися переді мною у вікні.

Дивна річ – ця взаємна чоловіча симпатія! Виникає з нічого, з першого погляду, як кохання до жінки, але міцніша й надійніша, бо згодом переростає в чоловічу дружбу. Ну а що таке чоловіча дружба, знають усі.

Шурка, неначе для нього й не існує дверей, влізає у вікно й лагідно просить у вчительки дозволу бути присутнім у класі. Не маючи слів, щоб відмовити цьому милому створінню, вчителька тільки махає рукою, і той займає місце поруч зі мною.

...Після уроків ми ще деякий час блукаємо осіннім садом, бо коли Шурка починає говорити, то зупиняти його – марна справа. Він із тих людей, чия душа – відкритий і дзвінкий життєдайний ручай.

Із завтрашнього дня і майже до кінця зими він щодня і без слів буде виймати зі шкільної сумки два яблука: одне мені, одне собі. Наші зуби вгризатимуться в соковиту плоть, навколо них буде пінитися газований сік свіжого плоду і бризкатиме нам обом в обличчя...

Ми весело регочемо, прощаючись до завтра.

Ми радіємо нашій новій дружбі й упевнені, що вона – на все життя.

Бо у дружби буває тільки початок.

ПРИВІЛЕЙ

Влітку мої відносини з мамою такі: принести з колодязя води, скочити на велосипед і хутко зникнути, поки вона не дала ще якоїсь роботи. Бо коли щось накаже, то доведеться робити, а мене жде сад, а в саду чекають друзі, а всіх нас ждуть якісь цікаві справи. Звичайно, бувало, що доводилося їх чекати на самоті, бо вони виявлялися не такими спритними, як я. Ну і я бував інколи не таким спритним, як моя мама.

Але була в нас справа, про невиконання якої не могло бути й думки ні в мене, ні в моїх друзів, ні в наших батьків. Це був такий святий обов'язок, що тільки смерть могла завадити його виконанню: щовечора ти мав зустріти череду й пригнати свою рідну корову з пасовища.

Дехто може сказати, що корова не така вже й дурна, як про неї говорять, і спроможна сама прийти додому. Звичайно, що так, тим більше, що повертається вона не сама, а з подругами-сусідками. Але буває, знаєте, з кожною коровою таке: щось стукає їй у голову, і вона втрачає розум. Тоді навіть на налігачі привести її додому буває проблематично. А якщо цей момент прогавити, то все, клямка: шукай вітру в полі!

Ми приїжджаємо велосипедами на плавні трохи загодя і час, що залишився, використовуємо для розваг. Поряд із нами пасуться колгоспні коні, а пасуть їх наші однолітки. Після недовгих умовлянь вони дозволяють нам покататися. Для більш близьких – пастухова Ветка, без сідла, але з вуздечкою, немолода вже кобила, спокійна й терпляча. Для мене – Слива, стара й меланхолійна, кольором схожа на недозрілу сливу кобила без вуздечки. Для Вітька – сліпий на праве око, і теж підстаркуватий, Вороний. От цей Вороний, розігнавшись, і б'є мою Сливу своїм сліпим боком. Слива валиться на місці, а я лечу далі...

Аж ось із-за Чернігівської гори показується череда. Схоже, що на відміну від людей корови за день не дуже змудьгувалися за своїм домашнім стилем. Як і стомлений пастух, вони не проявляють жодних емоцій від зустрічі. Моя сковзнула по мені поглядом, немовби кажучи: «Чого стовбичиш, дурню! Пішли додому!» – і всіляк ігноруючи мене, йде собі. Я теж ігнорую ці її думки, бо чую їх кожного дня і вже звук. Ну й, крім того, вона повертається додому з почуттям виконаного обов'язку і повним вим'ям молока, чого не скажеш про мене. Тож мовчу. Сідаю в сідло і їду поволі за нею.

Череда вливається у вулицю і, поревуючи, повільно суне так, що і перед нею, і позаду все зупиняється, бо цій скотині кричи, сигнал, стріляй з гармати, сходи з розуму – вона чхати на всіх хотіла. Йде собі, справляючи велику й малу нужду, і на всіх чхає!.. Перед нашою хатою моя корівка реве, попереджаючи маму, що, мовляв, не хвилюйся, привела твого телепня додому, і звертає у двір. Все, моя головна місія виконана. Тепер вислухати мамині докори, напоїсти (бо ж зранку тільки хліб із молоком!) і думати, як би це знову зліняти з дому.

Бо таке моє дитинство – безтурботне, легковажне й безвідповідальне.

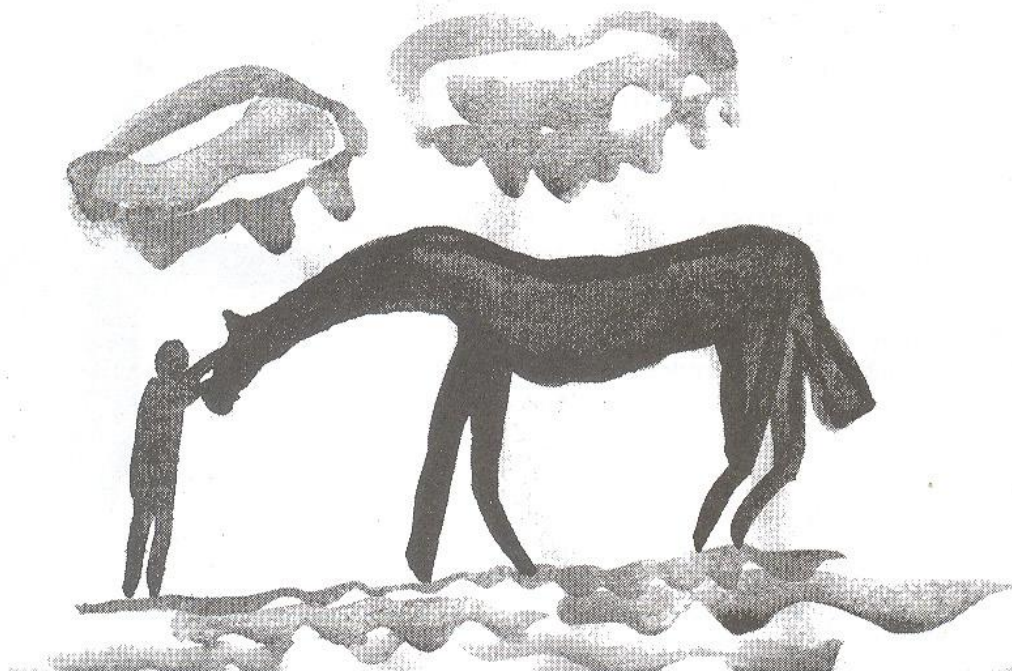
Бо всі мої турботи, проблеми й біди ждуть мене попереду.

Бо безтурботність – привілей дитинства, а проблеми – Хрест батьків.

БЕЗДОРІЖЖЯ

Ці щоденні п'ять кілометрів осіннього бездоріжжя від нашого невеличкого сільця до колишнього райцентру і стільки ж назад дістали мене до селезінки. Але нічого змінити в такому своєму житті я не можу. Я навіть не можу сказати цьому впертому хлопцю, що він закоханий безнадійно, бо сказати закоханій людині, що вона не має жодних шансів, – значить бути побитим.

Їх двоє, дівчат-близнюків, і така його відчайдушна впертість тішить їх подвійне самолюбовство. Адже село славне трьома чудами: ерделівським палацом, ерделівським садом і ними – красунями-близнючками. Вони мерзнуть біля паркану втрьох, але найбільше закоханий він саме в ту, що зветься Светою. Він старається з усіх сил, та що ж: він осилив лише декілька сторінок української хресто-

матії, а вони самих тільки книжок про кохання прочитали більше, ніж він знає слів; їх лише веселить його наївна незграбність. Але не такий він парубок, щоб зважати на це: вода й камінь точить!

...Повертаємося додому вже в суцільній темряві, і якби не я, важкувато було б хлопцю і морально, і фізично. Бездоріжжям він розповідає мені про те, що він зробить наступного разу, щоб сподобатися дівчатам. Він питається в мене моєї думки про його план.

А що я можу сказати?

Я всього лише підстаркуватий колгоспний мерин – кінь, який колись теж вперто вірив у те, що бути йому найкращим жеребцем, та, як видно, не вийшов пороною.

ГОСПОДИ, ПРОСТИ!

– От ти кажеш, що Бога нема, – тасмниче і стривожено зустрічає мене мама зі школи. Правду кажучи, я ніколи цього їй не говорив, хоч і знав уже від учителів, що походжу від мавпи. Але якось так виходило, що я ніколи не сперечався ні з мамою, ні з учителями і нікому нічого не доводив.

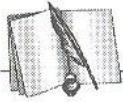
– А ти знаєш, що ікона пропала?

Слухайте, мені 12 років, я впевнений, що мавпа – моя рідна прапрапра – і так далі – бабуся. Але від того, що сказала мама, у мене під картузом здивився чуб.

– Як пропала? – затнувся мій голос. Я ж знаю, що ікона вже довгий час лежала в маминому гардеробі під різними речами. Мама сховала її туди тому, що батько пригрозився її спалити. А він так пригрозився тому, що був членом відомої партії, і як їхні визнають, що в його хаті висить ікона, то йому за це скрутять голову.

– Як пропала, як пропала! Зникла! Ще вчора була, а сьогодні нема! Це Боженька забрав її, щоб не знущалися над нею!

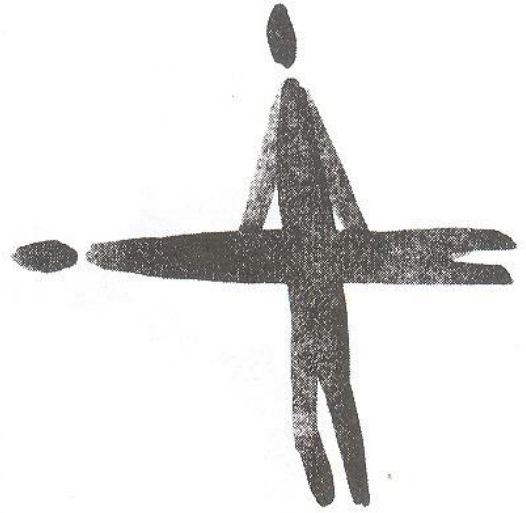
Поки мама причитає, я кидаюся сам шукати ікону, бо, знаєте, мавпи бозна-коли – це одна справа, а нічний візит Бога до нашої хати – зовсім інша. Мені дуже хочеться її знайти, щоб заспокоїти свою стривожену душу, але я з жахом розумію, що таки нема, – пропала ікона. Самі подумайте, ХТО міг її забрати!

...В очікуванні кари небесної минав час, і невеличкі кари таки відбувалися в нашому житті: то я схопив «двійку», то квочка курчат заклопала, то зламалася клямка на дверях. Але одного разу, коли в бесіді з батьком я засумнівався, що Бога нема, він мені по секрету зізнався, що справа з іконою – це його робота, а не Божа.

...З того часу минуло багато років, і я знаю, що батько не раз покаявся у своєму вчинку. Адже всі ми грішні й протягом життя ламаємо чимало дров, кожний своїх. Наламав їх і я, але та давня історія відразу й назавжди поклала край моєму наївному дитячому атеїзму. Ні, віруючим я не став, проте дізнався, що Бог прощає будь-які гріхи, якщо в них широко розкаятися. Із тих пір грішу і каюсь, грішу і каюсь.

Господи, прости нас, грішних!

ПРО ЛЮДЯНІСТЬ

Квітка – корова, що виросла з теляти за роки окупації. Її маму, Пульку, забрали просто з прив'язі на хутірській леваді якісь задрипанці з відступаючих неподалік великим шляхом радянських військ. Вони проторохтіли підводою через Клямки, шукаючи самогон, а на виїзді Пульку й побачили. Килина побігла було за ними, запізнило відчувши біду, але не встигла: один із солдатів сноровисто висмикнув із землі шкворінь і закинув його в підводу. Килинині причитання й прокльони недовго билися в спини крадіїв: ті швидко зникли в напрямку шляху. Жінка впала на теплу серпневу земну кулю і зайшлася в істериці. Уранці хутором пройшов кінний румунський дозор...

Двомісячну Квітку врятувало те, що вона якраз захворіла, і Килина залишила її в сінях хати-землянки, щоб відпоювати лікувальним відваром. Якби теля в той день було на леваді, солдати драпаючої армії забрали б і його. Молода жінка залишилася в окупації сама з двома малолітніми дочками без будь-яких засобів до існування. На щастя, румуни швидко відновили господарське життя, і в сусідній Сухій Балці з'явилася нова влада, яка давала роботу для виживання. Важкі умови окупації не завадили Квітці підрости, а восени 1943 року навіть отелитися й дати перше молоко. Розливаючи того дня молозиво по доччиних кружках, Килина відчула, що починає вірити в їхнє майбутнє.

Зимової пори того ж року два румунських жандарми, весело джергочучи на своїй мові, зайшли в двір, вивели Квітку й прив'язали до підводи. Килину, яка кинулася до них із плачем і обіймами, штовхнули так, що вона вдарилася головою об кригу злиденного подвір'я й знепритомніла. У сінях довго тужило залишене окупантами теля на ім'я Майка.

Березневим передвечір'ям 1944 року шестимісячну Майку вивели з хліву відступаючі німці. Вони про щось посперечалися, а потім прив'язали теличку до воза. «Век!», – векнув один із них на порух Килини і повів автоматом. Побита долею жінка цього разу не просила, не плакала й не проклинала, вона обняла дочок і заціпеніла. Заплакала вона лише пізно вночі, коли діти вже спали, а їй раптом причувся глухий стукіт коров'ячих копит за лампачевими стінами землянки. Ця галюцинація була такою реальною і водночас неможливою, що жінка не втрималася й дала волю глибинному розпачу. Але крізь своє тихе завивання вона почула ще одну галюцинацію: нетерплячий і вимогливий рев Майки.

...Я народився після війни, і моє дитинство живилося Майчиним молоком. Мама всім розповідала, що корова щасливо втекла від німців, але я знав: насправді вона була впевнена, що ті просто когось пожаліли, – може, Майку, а може, її з дітьми.

«Не може ж бути, щоб на всій земній кулі не залишилося місця людяності», – так говорила мені мама.

ДОЛЯ

Прикинувшись звичайним снарядом, наша Доля мовчки чекала нас у балці біля місця, відомого як «Цементна Гірка». Навесні минулого року ми, четверо, тут блукали й гралися, але тоді його не було. А сьогодні він лежав так, ніби хтось приніс його сюди й поклав на видноті, щоб ми довго не шукали. Але принести його в це безлюдне місце ніхто не міг.

Ми підійшли й тісно обступили снаряд: три Валерки і я. Один із них підняв його, зважив у руках і несподівано кинув на землю між нами. Час зупинився і світ застиг на якусь мить, а коли відчуття узвичаїлися, мовчазна Доля все ще лежала між нами, покльована часом. Над головою тріпотів і радів весні жайворонок. Ми тихо відійшли від нашої знахідки, і дитячі ігри в безіменній балці відсунули цю подію на задвірки пам'яті...

Через півстоліття, сидячи за пляшкою чаю в сільському барі, ми несподівано згадали про цю нашу зустріч із Долею – три Валерки і один я. Запізніле усвідомлення того, що колись дивом не сталося, морозом ударило під шкіру і здибило нашу сивину.

...Казали, що то була танкова болванка, тому й не розірвалася. А одна людина тоді сказала, що наша Доля в останній момент просто передумала, що вона вирішила покарати нас якось по-іншому.

Із тих пір кожний із нас пережив не одну життєву катастрофу. Невже Доля ще не сказала свого вироку?

Господи, спаси і сохрани!

«КАРАНТИН»

Військова служба починається з курсу молодого бійця або, інакше, «карантину». Я розумію, що в армії треба швидко прокидатися й ставати в стрій: тривога, війна – не жарти. Але для чого в армії вкладатися спати за 45 секунд? Та ще й із укладкою одягу, щоб як на виставку? Це безневинне запитання, стоячи в строю, я і задав старшині карантину першого ж вечора після чергової невдалої спроби укластися в цей дивний норматив за командою «відбій». За спиною вгодованого старшини – ще декілька сержантів. Ми відчуваємо їх ненависть до нас, дурних і ненавчених, ще й не солдатів навіть (бо присяга тільки десь попереду), а так – карикатурного вигляду голомозих і тонкошійх охломонів у необношеній солдатській формі. Вони ненавидять нас так, неначе ми солдати ворожої армії. Під кінець карантину декого з них ми будемо нанавидіти ще більше: до першого ж бою, не дай Бог війна. Дехто з нас під кінець служби сам стане сержантом, але це відчуття ненависті буде йому запобіжником на все життя.

Але така в мене звичка: докопуватися до відповіді на запитання «чому?», яке ще нерідко виникає у 18-річному віці. Старшина тут же виявляє, що разом зі мною мучаться цим питанням ще дві шеренги, і обдаровує геть усіх оптом трьома нарядами поза чергою. Всі ми ще погано уявляємо, що це таке, і сприймаємо покарання легковажно. До 24.00 свої наряди роздають і сержанти, і врешті ми, розлючені один на одного і на всю Радянську армію від сержанта до маршала, вкладаємося в норматив. Але не для всіх це означає вкластися в ліжко: половині з нас лунає команда «підйом», і ми слухняно йдемо довідатися, що воно таке – «наряд поза чергою».

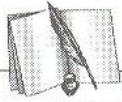
Мені дістається півгектара штабного коридору. Ну що таке ці півгектара для вісімнадцятирічного хлопця, година роботи і – готово. В усякому разі, таким я був оптимістом. Але армія – це не те місце, яке потребує оптимістів. Армія – це місце, де вчать бути готовим до найгіршого.

Мріючи про сон, я доповідаю старшині, що підлога вимита. Хто ж знав, що з тих пір, як з'явилися штаби, з'явилася і ця процедура: старшина дістає з моєї кишені новенький білосніжний носовичок і проходить ним по підлозі – хусточка стає чорною.

...О 5.00 я повертаюся до розташування карантину повним песимістом. Уже розуміючи, для чого потрібне вміння швидко роздягатися, я роблю це миттєво.

До підйому – 60 хвилин.

Через годину почнеться друга доба моєї служби в армії.

АРМІЙСЬКІ МЕТАФОРИ

Є люди, які ніколи не стануть хорошими стройовиками. Як ті, що не можуть і не хочуть, так і ті, що дуже стараються, але виглядають смішними. Їх можна розгледіти з першого погляду. Стройова підготовка дається добре скоординованим хлопцям із хорошими рефлексами – таким спортивним, як я. Мені достатньо один раз показати, дати одну-дві спроби, а на третю я вам продемонструю естетику стройових вправ.

Я виріс у селі. Я знаю, що таке чоботи й онучі, бо щонайменше половину з кожного прожитого року мені доводилося міряти ними глибини розмоклого чорнозему, але за тиждень стройових занять нові кирзачі зробили свою підлу справу: над обома п'ятками в місці згину чобіт з'явилися болючі ранки.

Армія – не місце для скарг на життя. Армія – це полігон для занять із виживання, тому я мовчки продовжую щодня вибивати іскри з бетону стройового плацу. Коли виразки вирости до розміру трикопійчаної монети і загноїлися, мої друзі доповіли старшині «карантину», щоб той дозволив звернутися в санчастину. Садист у сержантських погонах наказує зняти чоботи і, скривившись від побаченого, прорікає: «В армии от чего заболел, тем и лечатся». І знову направляє мене на плац.

...Свої виразки я заліковую вже в стройовому підрозділі, де теж має місце сержантська й «дідівська» сваволя, але садизму вже нема, бо кожного дня і ночі нам доводиться дивитися один одному в обличчя із зарядженим автоматом на плечі.

...Ще довго після армії, почувши звістку про розстріл сержанта або «діда» в якійсь військовій частині, мені приходить на згадку давній рецепт: «В армии от чего заболел, тем и лечатся» – безжальна метафора армійських буднів.

АНВАРЖОН

– Стой, кто идёт!

– Рядовой Исмаилов!

– Исмаилов, стойте! Ты чего припёрся, мозги отморозило?..

Зимовий вечір – що глупа ніч. Я – вартовий поста №2. Мої години – з 19 до 21.00. Исмаїлов несподівано з'явився в зоні моєї відповідальності, пройшовши через пост, де стоїть його земляк і такий же зелений салага Касимов, – смертельно небезпечний навіть для начальника караулу. Я в кожусі й валянках, а Анваржон у шинельці, ніжками в чобітках притоптує. Вибач, Анвар-душа, що накричав на тебе. Сам повинен розуміти: не можна шлятися по охоронній зоні ракетно-ядерного об'єкта, як по кишляку. Армія – це не те місце, де робиш, що хочеш. Армія – це місце, де хочеш, що дозволено.

Ну що з ним робити? Мама надіслала синочку солодощів, заварку зеленого чаю і його улюблений курт. Посилку йому передали щойно з вечерею, і от – він уже біля мене. Не можу ж я прогнати цього узбека з Ферганського передгір'я, який називає мене, коли нас не чують, «Вова-ака»? Так узбеки звертаються до старшого брата.

...Ми сидимо на спостережній вищці поруч, накрившись моїм кожухом, і п'ємо гарячий зелений чай вприкуску з узбецьким куртом. Я вперше куштую ці кульки із висушеного кисло-солоного сиру, вони мені не смакують, але я нахвалюю їх, бо інакше засмучу хлопця. А Анваржон задоволено посміхається: правильно він не став чекати, коли Вова-ака повернеться з поста, а приніс мамине частування зараз, і от – Вова-ака радий і задоволений. Вова-ака хоч і «дедушка», але не дозволяє кривдити салагу Анваржона і ставиться до нього, як ставився б до самого себе, а Анваржон завжди за добро платить удесятеро.

Мені соромно признатися, але я не зміг би отак, як ти, Анваржоне, принести чай своєму старшому брату. Втім, сьогодні ти дав мені предметний урок і змусив поглянути на звичні речі якось по-іншому.

Про те, що за зло треба платити тим же, кожному з нас відомо з народження.

Про те, що за добро треба платити вдесятеро, багато хто з нас не здогадується до смерті.

ЗАЯЧИЙ БОГ

Зайцю, піднятому мисливською облавою з лісосмуги, глибоким снігом залишився один шлях – п'ятихатковий хутірець, а там, між скиртами та сарайчиками, може, й усміхнеться доля, і довгі ноги ще раз принесуть порятунок...

Але ж хіба з його заячим щастям! Загнаний в глухий кут, заєць сидів на пеньку прицілу моєї мисливської рушниці. В очікуванні невідворотнього, він послав смертельний і безнадійний зойк про спасіння своєму заячому богу. «За що? Завжди піклувався про свій виводок. Нікому не заважав. Нікого не з'їв. Не образив. Намагався жити непомітно»...

Такі несподівані думки промайнули в моїй свідомості, і щось змусило мене опустити зброю. Не вже його таки почув його заячий бог і подарував диво чудесного спасіння?..

Господи, почуй в потрібну мить і мій зойк!

Це було моє останнє полювання.

ПІДСВІДОМЕ

Ось із пагорба вже видно Ляхову Могилу біля переправи через Чикчаклу. Кінь стрепенувся і веселіше загудів кованим копитом, а його іржання рознеслося навколишнім степом. Біля річки чекає на нього свіжа водиця, ніжне сіно й відпочинок...

Та налетіла джамбуйлук-хмара із Роздери-яру, стугоном копит застугоніла земля, шерхотом разючих стріл зашерхотіло повітря, смертельним блиском заблищали шаблі. Мое тіло, загартоване безліччю бойовищ, випереджає думку: воно трохи сповзає з сідла, прикриваючись від стріл тулубом коня, а правиця сама собою рветься до руків'я. Але замість надійного сталевого леза я бачу в своїй руці... мій дитячий батіг.

Інстинкт бойового коня жене його назустріч смертельній січі, а в моїй долоні замість шаблі – мій дитячий саморобний батіг, із яким я ходив зустрічати з паші нашу корову.

...Відчуття невідворотності підкидає мене в ліжку. Я прокидаюся мокрий від поту і довго не можу приборкати шалений гін серця. Цей сон, невідомо з якого дива, сниться мені щопочі, і кожного разу я прокидаюся у відчаї. Я не хочу, щоб він перестав мені снитися, допоки не відчую в своїй руці оздобленого руків'я і не побачу перед собою смертоносного зблиску моєї шаблі.

Я маю розквитатися за свій страх!

САД ДУШІ

У дитинстві я забирався на верхів'я цього столітнього дуба, ділився з ним своїми образами на життя, а злізав умиротвореним і усподіваним.

Він був порадиником і духівником моєї юності.

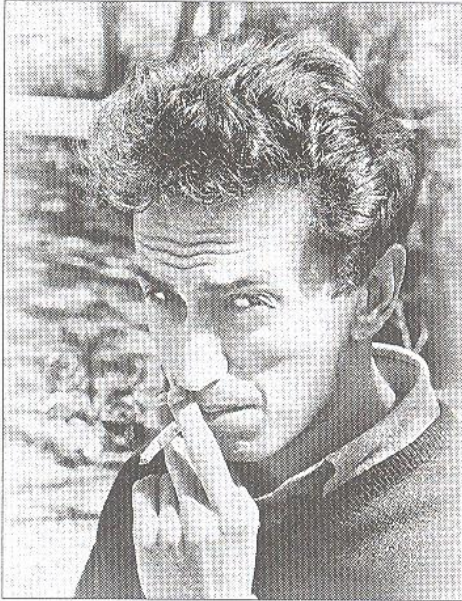
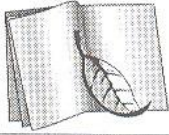
У літах я приходив до нього, щоб вилікувати хронічні болі, що стали бідою мого життя. Я притискався до його могутнього тіла, молив про зцілення, і до мене поверталось відчуття свободи й молодості.

Нещодавно я знову обійняв його, але на мою молитву він не відізвався...

Вічно молодий, святий і всемогутній ерделівський сад, але перед моїм Часом безсилий і він. Сад моєї душі.

Моя церква.

Казakov Дмитрий Александрович. Родился 1 июня 1989 года в Николаеве. Окончил Николаевский колледж культуры и искусств, режиссёр театрализованных представлений. Художественный руководитель и режиссёр молодёжного аматорского театра-студии «Школа для дураков». Автор поэтического сборника «кажется» (самиздат). Публиковался в альманахе «Ватерлиния-2». Финалист Второго открытого всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния» (2012).

Дмитрий КАЗАКОВ

НЕ ЗАХОДИ В ЭТОТ ШУМ ПОДНЕБЕСНЫЙ

травя

как тошно поднимается травя
разговориться с нею не умея
языковой провал
взывает к землемерам

рейсфедер исполняет часть луча
куда стремится луч – оно понятно
звонит как каланча
гусятня обобщённых пятен

на противоположных берегах
прикуривают друг от друга
два равноудалённых маяка
знакомые сугубо

шапочно. никто не представлял
их. глубины не представляя
воздушных ям,
их номинал,
истощно поднимается травя
немая

per aspera

С. Войналовичу

всех сумерек налегшей слепоты
не разожми не отыщи опоры
рычаг истощно скрипывает: стынь!
и шов по порам порван

почти пустяк почто мне этот стык
так неуместно схлопнутые рельсы
родник прижатый стенами пустынь
прокатный душный стан. процесса –

процессии не видывал скорбней
а коробейники визжат попеременно:

вот скользкий атмосферный змей
вот афродитой та что была пена

а вот озонового мыла кус
он – осторожно! – шибко бьётся током
а вот метеорита внук – тунгус
что делается полкой, луком, волком

и ты прими всё это дав взамен
пальто своё и сына исаака
и сделайся созвездием камней
резных на броши на клешне у рака

стх.

ты будто кнопка лифта с меткой вверх
то – смета смерти как подшивка поджимает снизу
в подмышки солнце режется, хотя на вырост брали
считать ли мёртвыми тех, кто ещё не есть?

зачем качели в шторм на палубе? часы сдаются с боем
набит желудок дура чучело и касса
по сути, может быть до года – в сутках
ещё меня волнует скорость свечки:

рассчитывать её по таянью? ещё как?
так можно память вольно толковать
так можно заставить тебя врасплох по уголкам губ
так можно
так

шесток

«каждый сверчок – знай!..»
пена с трескучим шёпотом всклокочивается – сверчок –
пересмешник зряшно ей силится подражать
как мотылёк на иголочке знай свой цвиркун шесток
будешь энтомологический передовой урожай

помнишь как в пёстрой книжечке ты был при фраке скрипач
даже монокль кажется выдали – за инвентарь
спросят на партсобрании, что кроме недостат
ты накамлал нежелательный элемент спекулянт кустарь?

поздно в кусты скрываешься – угнан гнедой рояль
рубят его и щепки летят лязгает струнный лес
эй ты во фраке показывай что там ещё наваял
в небо со вскриком выпрыгни сколько позволит шест

Евгению Пивню

открой таблетки
вынь таблетку
преломи таблетку
схлопни
две створки в ра-
ковину полусфе-
ры лягут плотно дно цилиндра
непологоверху уже начнётся

смотри белеет пыль
мраморовидный известняк
полуколонна полу-
кольцо чего ещё
ты ищешь? вот тебе стена
спиной прижаться тень вот сам ты
её захочешь станешь продолжать

пусть будем мы как белые предметы
таблетки стены храмы городов
а вот причал у ног
воркуют лодки
и памятник
он тоже человек был

одна песенка

такой-то город какой-то год
койот то или иначий зверь
то п е с н я н е с п я себя поёт
письмом просовывается под дверь

умом протыкивается под твердь
коры со древа никак слизнуть
ли если жалостливее петь
рискуешь в сырость скользнуть. и ну

их к ктулху который фхтагн
ридёт зохаваит в с е х и х в е с ь
сиди и кушай приплодок манг
иди-с и слушай застенный секс

о если б слову кто слово дал
о как бы горечь его стлалась
едал бы р е п ь я п е л и л, икал
жевал воск сплёвывал на палас

засим – сезам открывает зёрн
свою исполненность – дивный молч
как рот набравшийся в чернозём
молчит: «заткнёмся о чём захоч».

чѣпачѣм

не заходи в этот шум поднебесный
голову ниже пригни
это впиваются ноты в окрестность
в дерево воздуха – гниль

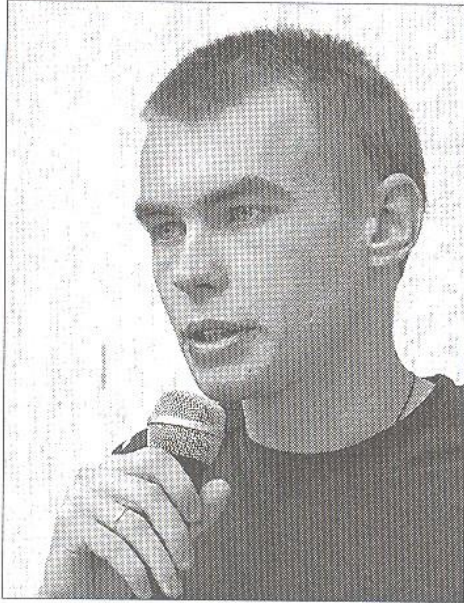
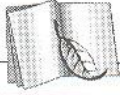
это потеет монокль саурана;
мышцы вращающей глаз
се – крепатура. и глаукома
по хрусталию разлилась

не заходи/заходи непокрытой
лучше седи взаперти
лучше инкогнито но не когито
пением по паперти

и в позе лотоса на позолоте
ризницы быть отлучѣ

бы обретала мощи босота:
'господи,
естьчѣпачѣм'

Зубець Сергій Борисович. Поет. Народився 13 липня 1985 р. у м. Очакові. Закінчив факультет еколого-медичних наук МДГУ ім. Петра Могили. Твори друкувалися у газетах «Гармония», «Рідне Прибужжя» (Миколаїв), «Літературна Україна» (Київ); журналах «Літера Н.» (Миколаїв), «Дніпро» (Київ); в антології «Миколаївський оберіг» (2004), поетичному альманасі Всеукраїнської наради молодих літераторів «Коктебель-2005: Зорі над морем» (2006), поетичній збірці «Ветра надії» (2010). Публікації в мережі Інтернет-портал litfest.ru. Автор поетичної книги «Під тим самим сонцем» (2008). Лауреат Міжнародної україно-німецької літературної премії ім. О. Гончара (2009).

Сергій ЗУБЕЦЬ

КУЛЬГАВА РОСА

* * *

Стіл наш,
устелений блакитною скатертиною,
зачув вітри сніданку
і став морем.
Один берег мій, другий – матері,
а третій – батька.
З маминого берега відпливають
каравели білі хліба, молока і меду.
А з берега батькового чарка
чайкою білою злітає...
Три наші чайки зустрічаються,
вітаються скляним поцілунком.
Кришталеві їхні голоси
радість несуть смарагдову.
І у місті (далеко на континенті)
чути, дзвони радіють.
І ластівки за вікном щебечуть зичливо.
І чайки над морем кигичуть
голосами скляними.

* * *

а це – місто спить

бензинові калюжі
духмяно квітнуть ліхтарями
каштани білі
скипають медом
нічне повітря таке чисте
таке лагідне
наче усмішка на твоєму лиці

ти – поруч
ти нічо' не знаєш

І БУВ ДЕНЬ

Це трапилось тоді, коли суцільний морок опустил крила на землю.
 І так тривало, доки не порвалася тканина темряви
 і звідти не виглянуло червоне, як кров, Око.
 І заблищало, як кров.
 І коли спав потроху морок, відкрилася чорна земля, і люди на ній –
 чорні круки.
 І чорні дерева без жодного листочка.

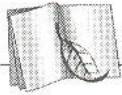
І стояв я посеред цієї землі як самотнє дерево, і проходили люди
 з викльованими очима.
 Вони нічого не бачили, але йшли кудись.
 Ніхто з них не знав куди, але всі йшли, як чорні тіні, оминаючи
 самотнє дерево на шляху.

І побачив я жінку на вершині найбільшої гори.
 Вона була прикута до власної тіні.
 Тінь була горою, але ніхто не бачив тіні. Всі бачили гору, над якою
 червоніло Око.
 Я бачив ту жінку, і ось її очі впали до ніг і покотилися, як білі кульки,
 обростаючи снігом і перетворюючись на лавину.
 Одна куля покотилася за Карпати і впала на ліси карпатські.
 Друга ж покотилася по Україні, як перестигла груша, підминаючи
 під себе міста і села,
 людей і худобу,
 атомний вік і революції,
 блуд і хвороби...
 А над тим лиховісно сяяло Око.

Потім побачив я труну в небі –
 янголи хоронили Бога.
 І було ще поле з круками.
 Сила-силенна круків.
 І збирали вони з того поля не зерно пшеничне,
 а зіниці людські.
 І не хотів я дивитися більше на Око,
 одвернувся од нього.
 Але воно все одно ставало переді мною.
 І боляче було від сяєва.

І побачив я себе маленьким хлопчиком біля будинку свого
 з собачими головами у вікнах. Вони брехали на мене:
 що я не слухався мами...
 що я ловив коників у траві і саджав до склянки, де вони задихалися...
 що я вдарив батька, коли він кинувся п'яний...

А Око світилося поганським світлом, а потім почало згасати,
 і вже перетворилося на квітку.
 Жовтогарячі пелюстки посипались до ніг моїх.
 Я підняв одну, й вона розсипалась шматочками дрібного болю.
 Людського болю.

...І черепи замість зірок розреготалися на небі.
...І кістки заворушилися в землі.
...І годинник на стіні заговорив голосом мертвого друга.

.....
Мила моя! Єдина!
Коли я знов опинився в нашому саду, ти сказала, що тобі холодно.
Я обійняв твої плечі і поцілував міцно.
Тепер ми удвох і над нами не звисатиме тее Око...
Але ти ще тримасш в руках пелюстки
невідомої квітки.

СТАРШИЙ БРАТ

мій старший брате
коли я був малим
ти рукою спиняв літаки
малому мені приносив
я клеїв їм крила бджолині
і відпускав

ти ловив за хвоста леопардів і тигрів
і додому приносив
я ділився з ними своїм молоком
(за яке ти відстоював
довгі гадючі черги щоранку)
і відпускав

ти носив черепах на високих плечах
ти ховав папуг у глибоких кишнях
ти тримав ножа за вухом

ти завжди приходив усміхнений

мій старший брате
тепер
ти сам став літаком
тигром і леопардом
яких інший хлопець носить
малюкові

малюк
не клеїв літакові крила бджолині
не ділиться молоком з тигром і леопардом
не поспішає відпускати їх

мій старший брате
ти приходиш з опущеними плечима
з порожніми кишнями
і за вухом твоїм ніщо не тримається
от тільки усміхнений як завше
так наче знаєш ім'я того хлопця

* * *

жодної квітки
що причаїлася в твоїх очах
я не образив
жодної пелюстки твоїх вій
не зламав
задля тебе
світ заточив у росі

дай мені змогу ще раз
садом пройтися твоїм

КУЛЬГАВА РОСА

З неба роса упала,
ледь не на смерть забилася
та й закульгала.

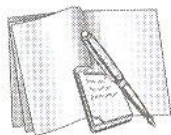
Ридма-ридаючи, покотилася по траві,
причитаючи:
«Кому тепер каліка потрібна,
ніхто бідолашній руки не подасть!»

Квіти слова ті почули,
взяли росу до себе,
змилювались – приголубили,
підсадили на трон листяний –
стала роса королевою.

* * *

коли під золотаве мерехтіння ліхтаря
безжурно спочиває місто,
срібноногий кінь ночі
пасеться на мосму
безсонні

К 145-летию со дня рождения

Максим ГОРЬКИЙ

ВЫВОД

По деревенской улице, среди белых мазанок, с диким воем двигается странная процессия.

Идёт толпа народа, идёт густо, медленно и шумно, — движется, как большая волна, а впереди её шагает шероховатая лошадёнка, понуро опустившая голову. Поднимая одну из передних ног, она так странно встряхивает головой, точно хочет ткнуться шершавой мордой в пыль дороги, а когда она переставляет заднюю ногу, её круп весь оседает к земле, и кажется, что она сейчас упадёт.

К передку телеги привязана верёвкой за руки маленькая, совершенно нагая женщина, почти девочка. Она идёт как-то странно — боком, ноги её дрожат, подгибаются, её голова, в растрёпанных тёмно-русых волосах, поднята кверху и немного откинута назад, глаза широко открыты, смотрят вдаль тупым взглядом, в котором нет ничего человеческого. Всё тело её в синих и багровых пятнах, круглых и продолговатых, левая упругая девическая грудь рассечена, и из неё сочится кровь. Она образовала красную полосу на животе и ниже по левой ноге до колена, а на голени её скрывает коричневая короста пыли. Кажется, что с тела этой женщины содрана узкая и длинная лента кожи. И, должно быть, по животу женщины долго били поленом, а может, топтали его ногами в сапогах — живот чудовищно вспух и страшно посинел.

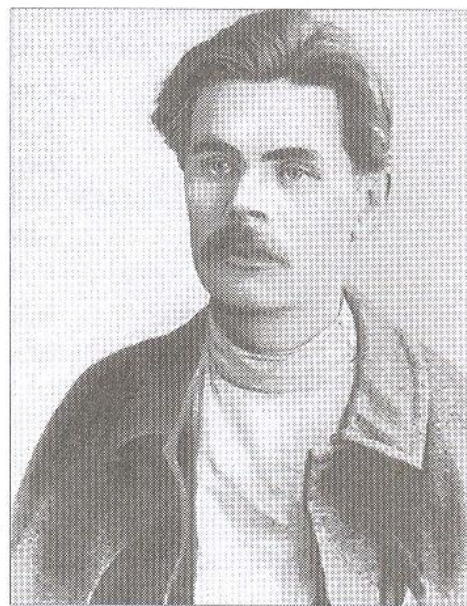
Ноги женщины, стройные и маленькие, еле ступают по серой пыли, весь корпус изгибается, и нельзя понять, почему женщина ещё держится на этих ногах, сплошь, как и всё её тело, покрытых синяками, почему она не падает на землю и, вися на руках, не волочится за телегой по тёплой земле...

А на телеге стоит высокий мужик, в белой рубаше, в чёрной смушковой шапке, из-под которой, перерезывая ему лоб, свесилась прядь ярко-рыжих волос; в одной руке он держит вожжи, в другой — кнут и методически хлещет им раз по спине лошади и раз по телу маленькой женщины, и без того уже добитой до утраты человеческого образа. Глаза рыжего мужика налиты кровью и блещут злым торжеством. Волосы оттеняют их зеленоватый цвет. Засученные по локти рукава рубахи обнажили крепкие руки, густо поросшие рыжей шерстью; рот его открыт, полон острых белых зубов, и порой мужик хрипло вскрикивает:

— Н-ну... ведьма! Гей! Н-ну! Ага! Раз!..

Сзади телеги и женщины, привязанной к ней, валом валит толпа и тоже кричит, воеет, свищет, смеётся, улюлюкает, подзадоривает. Бегут мальчишки... Иногда один из них забегает вперёд и кричит в лицо женщины циничные слова. Взрывы смеха в толпе заглушают все остальные звуки и тонкий свист кнута в воздухе. Идут женщины с возбуждёнными лицами и сверкающими удовольствием глазами. Идут мужчины, кричат нечто отвратительное тому, что стоит в телеге. Он оборачивается назад к ним и хохочет, широко раскрывая рот. Удар кнутом по телу женщины. Кнут, тонкий и длинный, обвивается около плеча, и вот он захлестнулся под мышкой. Тогда мужик, который бьёт, сильно дергает кнут к себе; женщина визгливо вскрикивает и, опрокидываясь назад, падает в пыль спиной. Многие из толпы подсакивают к ней и скрывают её собой, наклоняясь над нею.

Лошадь останавливается, но через минуту она снова идёт, а избитая женщина по-прежнему двигается за телегой. И жалкая лошадь, медленно шагая, всё мотает своей шершавой головой, точно хочет сказать:

Максим Горький. 1896 год

«Вот как подло быть скотом! Во всякой мерзости люди заставляют принять участие...»
А небо, южное небо, совершенно чисто, – ни одной тучки, солнце щедро льёт жгучие лучи...

* * *

Это я написал не выдуманное мною изображение истязания правды – нет, к сожалению, это не выдумка. Это называется – «вывод». Так наказывают мужья жён за измену; это бытовая картина, обычай, и это я видел в 1891 году, 15 июля, в деревне Кандыбовке Херсонской губернии Николаевского уезда.

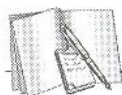
Я знал, что за измену у нас, в Заволжье, женщин обнажают, мажут дёгтем, осыпают куриными перьями и так водят по улице. Знал, что иногда затейливые мужья или свёкры в летнее время мажут «изменниц» патокой и привязывают к дереву на съедение насекомым. Слышал, что изредка изменниц, связанных, сажают на муравьиные кучи. И вот – видел, что всё это возможно в среде людей безграмотных, бессовестных, одичавших от волчьей жизни в зависти и жадности.

1895

Примечание:

Летом 1891 г., стремясь переправиться на Кавказ, М. Горький работал в Одесском уезде Херсонской губернии на вывочке самосадочной соли («На соли», 1893), ночевал в причерноморской степи («Емельян Пиляй», 1893; «Мой спутник», 1894); в с. Кандыбино ныне Новоодесского р-на Николаевской области стал свидетелем публичного наказания женщины, заподозренной в измене мужу («Вывод», 1895). Случайная встреча с соседом по койке в больнице г. Николаева, исповедь одесского босняка положена в основу рассказа «Челкаш» (1894).

Максим Горький, настоящее имя и фамилия Алексей Максимович Пешков [16 (28).3. 1868, г. Нижний Новгород – 18.6.1936, Горки под Москвой]. Прозаик, драматург, общественный деятель, один из самых известных российских авторов рубежа XIX–XX столетий. Прошёл большую школу жизни и самообразования. В 1888 году молодой А. Пешков совершил большое путешествие по России, которое растянулось на пять с лишним лет. Он побывал в Поволжье, на Дону, в Крыму, на Кавказе, в Бессарабии, пересёк всю Украину с северо-востока на юго-запад. Впервые имя Горького появилось в печати в 1892 году – в газете «Кавказ» был опубликован его рассказ «Макар Чудра». В 1897 г. более пяти месяцев писатель прожил в с. Мануйловка Полтавской губернии, где создал «Ярмарку в Голтве», «Мальву», «Супруги Орловы», «Коновалов» и другие рассказы и повести. Через год Горький уже смог издать два тома своих сочинений, вызвавших огромный интерес читателей и критиков. Стремительную эволюцию, европейский успех социально-философской прозы писателя, его пьесы «На дне» приветствовали И. Франко, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, Л.Н. Толстой. В 1902–1913 гг. по обвинению в противоправительственной пропаганде Горький трижды подвергался аресту, заслужил репутацию певца русской революции. Он проявлял глубокий интерес к украинской литературе, творчеству Т.Г. Шевченко, содействовал популяризации произведений В. Стефаника, Л. Украинки, М. Коцюбинского. В 1917–1918 годах Горький вступает в полемику с Лениным по поводу оценки событий, происходивших в России, осуждает аресты «всех несогласно мыслящих», пишет статьи в защиту культуры («Несвоевременные мысли»). Разногласия с большевиками стали причиной его эмиграции (1921–1930). Факты последних лет жизни свидетельствуют о М. Горьком как о жертвенной фигуре своего времени. Существует версия о его насильственной смерти.

ОН ЗАГОВОРИЛ О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

Мы предложили известным землякам ответить на вопросы:

*Что значит для вас имя и творчество М. Горького?
Насколько актуально изучение его наследия?*

Огосударствленный писатель?

Генрих Бёлль нашёл замечательную формулу, чтобы определить то состояние, в котором пребывал в СССР после возвращения из-за рубежа Максим Горький: «Огосударствленный писатель». В стране, в которой со временем восторжествуют «учёт и контроль» при тотальном дефиците товаров, бумаги, книг, писатели стали «работниками идеологического фронта», и поэтому отношение к ним было соответствующим. В этой причудливо-гротескной «системе координат оценки личности» были свои «генералы, рядовые и маршалы», были свои изгои и люди, считавшиеся баловнями судьбы. К последним относился и Горький, обласканный советской властью в конце 20-х – начале 30-х годов и убитый этой же властью после того, как надобность в его услугах отпала... Вот и получается, что только он сам знал, какую цену пришлось заплатить талантливому художнику за благополучие, за «роскошь» существования в стране ГУЛАГа...

Если же говорить об изучении творчества Горького в современной общеобразовательной школе Украины, то можно напомнить о системном «выживании» из школьной программы этого автора. И это было неправильно. Разумеется, изучать роман «Мать» чуть ли не построчно, как это делалось некогда, сейчас нет никакого смысла. Не этот роман является вершинным произведением писателя.

Классика – «Старуха Изергиль». Традиционная трактовка рассказа как торжество коллективизма над эгоизмом мало соответствует самому произведению. У Горького речь идёт о более важном, он показывает читателю бескомпромиссное противостояние Личности и... толпы, живущей по законам стада. Не коллектива, а именно толпы. И Ларра, и Данко, и сама Изергиль – это Личности. Это гордые люди, они опасны для окружающих тем, что не хотят и не могут жить так, «как положено». Они пугают окружающих. Ситуация, вероятно, знакома каждому, хоть раз оказавшемуся в положении «одиночки», которому надо что-то доказать «коллективу»? И она очень напоминает хорошо известную драматическую историю из жизни самого писателя, произошедшую в наших краях и ставшую основой его рассказа «Вывод».

Так нужно ли изучать это – великолепно написанное – произведение современным школьникам?

О пьесе «На дне», о необходимости её изучения и говорить не стоит, она обязана быть в школьной программе. Это произведение, к сожалению, в наше время можно рассматривать как особого рода «художественную иллюстрацию» всего того, что происходит на этапе исторического перехода от как бы социализма (потому что подлинный социализм – это, например, Норвегия) неизвестно куда. И знаменитая история о том, как название «На дне жизни» было изменено на нынешнее название пьесы, лишний раз убеждает в том, что самое страшное для человека «дно» находится не в ночлежке, а в самом человеке. Можно и в бараке оставаться человеком, тогда как очень многие в социальном плане преуспевающие люди сами себя загнали на такое моральное «дно», откуда их не поднимут никакие деньги, никакие виллы-дворцы и прочие атрибуты роскоши...

Вместе с тем неприемлемы упрощённое, как это было в прошлом, толкование произведения, примитивные рассуждения о том, что самая страшная трагедия – это трагедия Клеца, «рабочего

человека». Сам же текст, изображённые писателем герои, философская основа драмы – всё это очень актуально. Соответственно, и отказываться от изучения пьесы «На дне» было бы непростительной ошибкой.

По моему мнению, в школьной программе должны оставаться и «Несвоевременные мысли» – пример гражданской зрелости литератора, они перекликаются с письмами В.Г. Короленко к А.В. Луначарскому. Однако Короленко ушёл из жизни с репутацией писателя-гуманиста двадцатого века, тогда как Горькому пришлось испытать горькую чашу до конца.

Владимир Гладышев,

профессор Николаевского национального университета им. В. А. Сухомлинского

Перечитывая Горького

Очень трудно говорить о таких ярких личностях, каким был М. Горький. Писатель пережил ту же трагедию, что и весь советский народ. Перечитывая Горького сегодня, можно увидеть глубину постижения исторических событий. Критерии партийности уступили место взгляду на произведения писателя с общечеловеческой точки зрения. Именно в этом ракурсе наследие писателя может быть интересным для современных школьников.

Ранние реалистические рассказы М. Горького, пьеса «На дне» дают ребятам пищу для размышления, для собственных выводов, помогают решать вопросы, как жить, для чего жить, какие жизненные принципы исповедовать. Совсем по-другому смотрят они на «пролетарского» писателя после знакомства с его «Несвоевременными мыслями». Именно в этой книге Горький неоднократно говорил о том, что большевики, подняв народ на социалистическую революцию, производят преждевременный и опасный для России эксперимент, жестокий опыт. Насилие, грабежи библиотек, уничтожение людей культуры вызывали протест писателя. Не он ли в романе «Мать» устами одного из своих героев предостерегал: когда временщики дорвутся до власти и почувствуют свою силу, они «небо кровью забрызгают, и земля в ней, как мыло, вспенится». М. Горький призывал ценить человека труда. Разве это не актуально в наши дни?

Я как учитель, как гражданин глубоко убеждена, что недопустимо, «идя в ногу со временем», отвергать, перечёркивать творчество того или иного писателя. Это в большей мере касается наследия А.М. Горького.

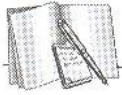
Ирина Ширенкова,

*учитель русского языка и литературы Николаевской ОШ №61,
отличник народного образования Украины*

Мои университеты

«Пастернак, Вознесенский, Аксёнов, Окуджава... – это стоящее, а всякие там Гоголи, Островские, Куприны и Горькие – вчерашний день и никому не нужная архаика...» Это извечное фрондёрство молодых оболтусов на первых курсах гуманитарных учебных заведений. И в начале шестидесятых и теперь. Фамилии современных гениев только меняются. Теперь это Акунины, Пелевины, Эппели... Этим же миром был мазан и я на первом курсе Ростовского театрального училища. Ночные бдения с Сартром, Кафкой, Франсуазой Саган под пастернаковское «Свеча горела на столе, свеча горела...»

Но так сложилось, что на втором курсе мы инсценировали «Челкаша» Горького, а дипломным спектаклем у нас была пьеса «Мещане», где я играл главную роль, Бессеменова. К четвёртому курсу пелена собственной гениальности у студентов, как правило, пропадает. Начинается многотрудное обучение ремеслу и, естественно, переосмысление истинных ценностей мировой культуры. Так вот, работая над образом Бессеменова, разбираясь в сложностях и противоречиях этого могучего главы семейства, я как-то интуитивно связал судьбу Бессеменова с напарником Челкаша, неприкаянным

крестьянином, из-за денег посягнувшего на жизнь своего поделщика. Маленький человечек, только-только постигающий правила бытия, Челкаш дразнит его большими деньгами, на которые можно построить дом, обзавестись хозяйством. Мне вдруг в голову пришло тогда: крестьянский парнишка из горьковского «Челкаша» – это молодой Бессеменов, построивший свой дом, своё хозяйство, свой клан на воровские деньги чуть не убитого им Челкаша. И если допустить, что это так, то какие бури, какие муки терзают теперь Бессеменова, пытающегося всеми силами не дать развалиться храму, построенному им. Ведь в принципе-то каждый из нас строит свой храм. По своему разумению.

А поначалу, работая над «Мещанами», казалось, старый брюзга-купец совсем не первой гильдии, всеми силами пытается «не дать пробиться росткам новой светлой жизни» (так нас обучали в школе), мучает всех своим занудством. До сих пор помню его сентенцию: «Ты научись, будь мастером своего дела, вот тогда и выступай! А до тех пор всякий имеет полное право сказать тебе «цыц!» Тогда это вызывало у меня неприятие. Что-то из «Домостроя»... С годами же я думаю, что такая позиция не совсем плоха. Да и «Домострой» хорошая книга. Зря её не изучают в школе. Вместе с законом Божьим. Но это я так, к слову.

Первые мои попытки заняться драматургией случились через несколько лет после этой встречи с творчеством Горького. В Мурманском театре, где я работал актёром, нужна была драматическая новелла. Я написал. Её поставили. Был успех, дифирамбы и прочее.

Мы объездили с этим спектаклем все базы Северного флота. Я тогда, грешным делом, подумывал, чего это драматургия самый сложный литературный жанр. Я вот взял и за две ночи. И получилось... Может, я – о-го-го!?

Петерский критик Колмановский опустил меня с небес на землю. Сказал, что, как повод для спектакля, твоя «Глубина» сойдёт. Но это ещё не драматургия. Драматургия глубже твоей «Глубины». И я взялся за ум. Стал учиться теперь уже драматургии.

Выстраивая взаимоотношения героев пьес, вспоминал, в том числе и горьковских «Мещан», всё пытался уловить, как Горькому, да и вообще настоящим художникам удаётся создавать воздух между строчками, словами, буквами... Вызывать у человека личностные ассоциации, заставить поверить в аллюзии... Стал пробовать. Несколько пьес по навязанным мне сверху темам не получились. Стал писать для себя. И пошло-поехало... Как-то так вышло, что когда меня корили за негатив в пьесах о советской действительности, я прятался за слова Горького: «Вспоминая свинцовые мерзости дикой русской жизни, я минутами спрашиваю себя – а стоит ли говорить об этом?» У Горького выходило, что стоит. Получилось так, что Алексей Максимович помог мне сначала как актёру, а потом и как... Или наоборот, вначале было... слово.

*Альберт Вербец,
актёр Николаевского художественного академического русского театра,
заслуженный артист Украины, драматург*

Его ключевые слова

Время неуловимо уносит нас от того времени, когда его именем называли заводы и фабрики, посёлки и города. Такого рода память живёт и в Николаеве, в нашем крае, на всём бывшем пространстве СССР. В Украине уже выросло новое поколение людей, которые понаслышке знают о творчестве Горького, его борьбе с «мерзостями российской действительности». К сожалению, не знают наши школьники и автобиографии писателя, где много ярких примеров человеколюбия и гуманизма. Достаточно вспомнить драму, которая разыгралась в наших краях, где Горький заступился за поруганное человеческое достоинство («Вывод»). Заступился и был растерзан толпой...

По-моему, он был и до конца своих дней оставался романтиком-правдоискателем, просветителем с установкой на всесильный человеческий разум, на всемогущее знание. Вот его представления о человеке: «И как планеты окружают солнце – так Человека тесно окружают создания его творческо-

го духа; его всегда голодная – Любовь; вдали за ним прихрамывает Дружба; пред ним едет усталая Надежда; вот ненависть, охваченная Гневом, звенит оковами терпения на руках, а Вера смотрит тёмными глазами в его мятежное лицо и ждёт его в свои спокойные объятия»...

Вера, надежда, любовь – вот ключевые слова его творчества. Опираясь на эти символы человеческой жизни, Горький создал свой художественный мир. Он отталкивался от прошлого и весь был устремлён даже не в настоящее, а в будущее.

*Светлана Мезина,
писательница*

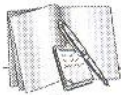
Скорбный лист Алексея Пешкова

Мир держится на любви, она всегда рядом, ею полны наши сердца, она движет жизнью, творит чудеса, спасает от бед, указывает путь, зовёт к подвигу. О бескорыстно любящем сердце Данко так, как Горький, может написать только человек, у которого в груди бьётся такое же отважное сердце, который так же способен на самоотверженный поступок во имя спасения других людей.

Из публикаций краеведов известно, что Горпина, прототип героини рассказа А.М. Горького «Вывод», до замужества служила горничной в городе, за добрый нрав и усердие её одаривали нарядами. По возвращении в Кандыбовку она вышла замуж за Сильвестра Гайченко. Красивой, стройной и всегда нарядной Горпине завидовали поповские дочки, имевшие виды на Сильвестра. Зависть и месть породили сплетни об измене мужу и приговорили молодую женщину, «почти девочку», к публичному истязанию – «выводу». 15 июля 1891 года 23-летний нижегородский мещанин Алексей Пешков (лат. – защитник), странствуя по Херсонской губернии, пришёл в знойную Кандыбовку, где стал свидетелем унижения женщины, расправы, потрясшей его неслыханной дикостью и жестокостью. Не думая о последствиях, Алексей вступился за жертву, был зверски избит и выброшен за селом в грязь, которая, по его словам, стала «компрессом», спасла от преждевременной смерти. В николаевскую больницу Пешкова привёз ехавший с ярмарки шарманщик.

По утверждению писателя Адриана Топорова, в областном архиве до 1930 года сохранялся скорбный лист Алексея Пешкова (история болезни), в котором значился перелом трёх рёбер. Но чтобы понять степень величия поступка Горького, ставшего на защиту человеческого достоинства, нужно проследить, как разворачиваются в автобиографическом рассказе мотивы толпы, жертвы и двух свидетелей этой звериной дикости – «шероховатой лошадки» и самого автора, глазами которого изображается «вывод». На фоне картины божьей благодати: украинских белых мазанок, южного, совершенно чистого неба и щедро льющего жгучие лучи солнца – по серой дорожной пыли «густо, медленно и шумно», как большая волна, валит толпа. Это сообщество деревенских мужиков, баб и мальчишек образовало нечто огромное, весёлое, улюлюкающее, свистящее, воющее – дьявольское чудовище с глазами, сверкающими от удовольствия при виде страданий беззащитного человека. Но пока приговорённая держится на ногах, толпа никому не позволит помешать хлестать кнутом прижатую к телеге женщину, – затопчут, устроят самосуд уже всей толпой. И жалкая лошадь, пишет Горький, точно хочет сказать: «Вот как подло быть скотом! Во всякой мерзости люди заставляют принять участие..!»

Толпу может остановить только страх перед большей силой, но у Пешкова не было оружия, кроме отважного, полного любви и сострадания сердца. Спасая Горпину, он бесстрашно отдавал его людям. Это был подвиг жертвенной любви против ненависти, злобы и дикости. Как видим, образ Данко и образ автора-повествователя в «Выводе» весьма близки. Когда на уроках в школе или классных часах речь идёт о богоподобном образе человека, близкие и понятные ребятам образы горьковских героев, от бабушки из повести «Мои университеты» до «Буревестника», легко, радостно и с любовью иллюстрируют библейские истины, очищают детские души, помогают формировать их характеры.

Память о пребывании Горького в нашем крае сохраняют улицы, посёлки, названные его именем, архивные документы, путеводители. В бывшей Кандыбовке, современном селе Кандыбино Ново-одесского р-на Николаевской области, действует горьковская экспозиция, поставлены два памятника – скульптурных бюста писателя. Памятники Горькому существуют во всех городах Украины, где он побывал, – его нет только в Николаеве.

В одной притче нанесённые другом обиды человек записывал на песке, зная, что море смоеет их, а подвиг своего спасения другом высек на камне. Подвиг, совершённый А.М. Горьким на николаевской земле, достоин быть высеченным в камне, чтобы помнили...

*Зоя Шаталова,
учитель-методист СОШ №22, председатель РНО «Русич-Николаев»*

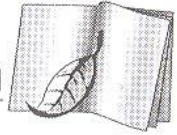
Назад в будущее

В середине XX в. на изучение творчества А.М. Горького в старших классах отводилось 24 часа классного времени. Сейчас в нашей учебной программе напротив имени великого писателя указано всего два произведения. Гуманитарный контент образования сокращается и заменяется информационным. И вот результат – средний подросток читает в год не более 4–5 книг, а то и вообще не читает. Во все времена «реформ и преобразований» особенно незащитной оказывалась школа, которая в первую очередь подвергалась воздействию меняющихся государственных идеологий.

Горький изображал самые тёмные стороны жизни, и одновременно он – один из самых больших оптимистов в русской литературе. С нынешней властью он не сошёлся бы точно в одном: в абсолютном равнодушии к культуре. А ведь раньше гуманитарный уровень дореволюционной школы был иным. Окончившие гимназию прилично владели 1–2-мя иностранными языками, были знакомы с латынью, в иных случаях и с древнегреческим, не говоря уже о церковнославянском, к которому приобщались с детства, посещая храм. Они имели общее представление об истории славянской литературы от древности до конца XIX века. Прошедшие курс могли рассказать и о рождении письменности на Руси, и о летописях, были способны размышлять о фольклоре. Всем этим ныне не владеют даже многие студенты филологических факультетов. Увы, сокращение обязательных для изучения в школе художественных произведений, в том числе и произведений А.М. Горького, давно уже перешло границы, за которыми начинается профанация и невежество.

*Ольга Керлан,
учитель русского языка и литературы ОШ №61 г. Николаева*

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Михаил КОВАЛЕВСКИЙ

Родился в с. Николаевка Дзержинского района Красноярского края, Россия. Окончил Ленинградский институт иностранных языков (1956) и филологический факультет Омского педагогического института (1962). Кандидат филологических наук, мастер народного творчества (графика, живопись). Поэт. Автор более 20 поэтических книг. Лауреат московской литературной премии «Золотое перо» (1985). Член Союза писателей России.

ОБЛАКО

Небо – купол шёлка.
Облако – накидка.
Самолёт – иголка,
за иголкой – нитка.

Солнце потускнело,
облаком прикрыто.
К небу ниткой белой
облако пришито.

УТРО НА КИНБУРНСКОЙ КОСЕ

Спит коса...
Встал стеной
камышей частокол.
Из тумана
на нём покрывало.

Вдруг, как шилом,
кулик тишину проколол
острым криком –
и ночи не стало.

ЗИМА

Прядёт зима кудель позёмки,
мотает пряжу на пеньки,
сменяют долгие потёмки
коротко-кrotкие деньки.

Приют от ветра дали ёлки
берёзке зябкой и нагой.
От снега небо чистит полки
и сыплет колкою пургой.

Пётр ТАРАСОВЕЦ

Родился в Чернигове. Военный инженер-строитель. Окончил Ленинградское высшее военное инженерно-строительное училище (1980). Участник боевых действий в Афганистане (1981-1983). Поэт, прозаик. Автор поэтических книг: «На эшафоте эпохи» (2003), «В ожидании часа «Че» (2007), сборника рассказов «Четыре гротеска» (2007). Член Союза писателей России.

МИРОТВОРЕЦ

Отец мой в двадцать первом брал Кронштадт,
дед за царя в окопах гнил на Висле,
и с тех времён идейная вражда
у нас в избе на много лет повисла.
Иль друг – иль враг. И к стенке поскорей.
Какая страшная, безумная картина!
И стынет мир, когда у дикарей
идёт отец с топориком на сына.
А я теорий мудрых не ищу,
я чту отца и чту, конечно, деда,
и грудь с советским орденом крещу
в Пасхальный день и в светлый День Победы.
Но иногда сверкает мысль-алмаз:
а хорошо объединить бы, право,
Руси духовную основу – враз! –
с могуществом СССР-державы...

...Могила деда мокнет под крестом,
могила бати стынет под звездой.
Подобно ветром сорванным листам –
их душам нет ни сна и ни покоя.
И всё же деда, верного царю,
и всё же бату, верного Советам,
однажды я навеки примирю,
когда меж ними лягу в землю эту.

* * *

Мать моя, птичка-голубка,
век небогато жила,
в хате лишь печка да грубка,
лавки вдоль стен у стола.
Старая курточка, боты,
чистое в скрине бельё, –
не поколеблют дефолты
светлую душу её.
Модные нынче словечки
гонит, продажные, с глаз –
как агитаторов с гречкой
в суетный выборный час.
Тычется нищенство мордой
в скромные створки ворот...
Все же советская гордость
взятку ей взять не даёт.

Лариса РАТИЧ

Родилась в г. Порхов Псковской области, Россия. Окончила филфак Николаевского пединститута (1981). Поэт, прозаик. Автор книг: «Трава по пояс» (2008), «Мы пришли из Ниоткуда» (2010). Лауреат Международного Пушкинского конкурса стран СНГ и Балтии (2006). Член Конгресса литераторов Украины и Союза писателей России.

НЕ ДЛЯ МЕНЯ

«Не для меня придёт весна!» –
пел молодой красавец гордо,
и хор подхватывал аккордом:
– Не для меня! Не для меня!

«Не для меня! – он ликовал. –
Не для меня Дон разольётся!»
И хор игриво повторял,
что сердце девы не забудётся.

Согласно заданным ролям
звенели яростные струны,
и был рефрен певца упряма:
«Не для меня!» – пел голос юный.

Какие странные слова!..
Прощанье! – а они смеются...
Но их сердца в любви забудутся,
ведь их весна ещё жива!..

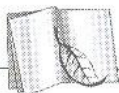
Не верилось, ну хоть кричи,
Хотя прекрасны были звуки...
Поддельны и слова, и муки.
Хотелось крикнуть: «Замолчи!»

Но вышел старенький актёр
(наверно, так задуман вечер),
сказал с тоскою бесконечной:
– Позвольте мне!.. Не надо хор...

И он запел. Нетвёрдый голос
сбивался с ритма и дрожал.
Но всем перехватило горло,
и замер потрясённый зал.

«Не для меня!» – тоска такая,
что продохнуть не стало сил.
И песня сделалась иная:
ведь он не пел, а голосил.

Страдал о том, что в прошлом – грёзы,
и что для счастья нет ни дня.
И капали слова, как слёзы:
– Не для меня... Не для меня...

Евгения ПЕВЗНЕР

Родилась в Белоруссии. Окончила физмат Николаевского пединститута. Работала на кафедре физики НКИ. Публиковалась в николаевских газетах. Автор поэтических сборников: «О хлебе насущном» (1986), «Возвращение» (1993), «Мгновения» (2000).

ПИСЬМО ДРУГУ

Я не чувствую старости.
Есть ли она,
Если светом и солнцем,
Как в мае, полна,
Если вновь ожиданьем
Весёлым живу –
Вдруг исполнится
Радостный сон наяву?

Если снова,
Как в детстве далёком своём,
Я готова с тобой
Пробежаться вдвоём
По холодной земле,
За мелькнувшим лучом,
Если кажется снова,
Что всё нипочём.

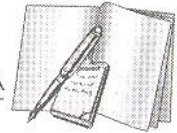
Если снова кружит всё,
Взрывает и гнёт
Долгожданный
Лихой голубой ледоход.
Если жизнь, как и прежде,
Ясна и красна.
Может, это
Вернулась весна?

ФЛОТСКИЙ БУЛЬВАР

Здесь, в Николаеве, очень давно
Я место заветное знаю одно:
Стоит на плиты бульвара ступить –
Строфа прорастает, готовится жить.

Где же таится, в чём спрятан секрет?
Ответа, наверное, ясного нет.
Обычный здесь день и людей голоса,
Обычно на ветви ложится роса,

Обычный крик чаек, дымок вдалеке,
Да ход теплохода по тихой реке...
Может быть, здесь, у слияния рек,
Явственней видно, чем жив человек.

Александр КАРМАНОВ

ПОСЛОВИЦЫ СЛУЖБЫ БОЯРСКОЙ, или СЛОВО В ЗАЩИТУ КОРРУПЦИИ

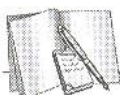
*– Дороги у вас в околотке!
Ухабы, озёра, бугры!
– Пожалуйста, рюмочку водки,
Пожалуйста, свежей икры.
– Пословица службы боярской:
Бери, да по чину бери...*

(Василий Курочкин «Идеальная ревизия»)

Сегодня, если верить просвещённому мнению прогрессивной общественности по обе стороны Атлантики, в Украине, да и на всём постсоветском пространстве, нет более животрепещущей проблемы и одновременно более позорного явления, чем коррупция. Обличению этой язвы нашей общественной жизни посвящены уже терриконы публикаций и годы эфирного времени. Не было ни одного правительства, ни самого захудалого политика, который не представил бы «граду и миру» своих программ или хотя бы соображений по окончательному искоренению коррупции. Достижения, однако, в этой праведной борьбе никак не соответствуют количеству произнесённых и написанных слов. Напротив, с каждым годом Украина по мере мобилизации на борьбу с лихоимством своих слабеющих сил откатывается в рейтингах экспертных сообществ всё дальше и дальше. Говорят, что мы сейчас застряли в этих оценках где-то в районе Ботсваны. Бог с ними! Их рейтинги, кому хотят тому и дают. А нам-то что греха таить. В нашей стране, я думаю, каждый был участником или свидетелем действий, которые можно расценить как коррупционные. При этом мы все, как один, полны негодования. Очень часто, особенно от наших демократических друзей, можно слышать, что именно коррупция препятствует вхождению Украины в счастливую семью европейских народов. Германская газета «Франкфуртер Альгемайне» дала такую характеристику «нэньки»: «Украина – огромная страна с устаревшей инфраструктурой, свирепствующей коррупцией и опереточным политическим классом». Насчёт отечественных политиков трудно выразиться удачнее, но вот со свирепой коррупцией далеко не всё так понятно.

С чем её едят

Сам термин «коррупция», как известно, происходит от латинского «*corruptio*» – порча, или «*corruptio*» – растлевать. Уже из названия предполагается нечто вредоносное и, возможно, заразное. О деяниях, которым в большинстве уголовных кодексов мира сейчас соответствует вполне себе коррупционная статья, писали ещё Платон с Плутархом, не говоря уже о Макиавелли и прочих Карлах Марксах. Первым подробно разработанным антикоррупционным законодательством, по-видимому, располагал Древний Рим. Хотя ещё царь Хаммурапи в своих знаменитых законах предписывал подвергать казни судей, изменяющих приговор за деньги. Итак, коррупция – явление древнее и, пожалуй, повсеместное. Кроме того, сложное, многоплановое и постоянно изменяющееся. Оно появляется везде, где между людьми возникают отношения собственности и власти. Потому что коррупция – обобщённое название самых разных действий, имеющих одну цель: незаконное получение дохода должностным лицом от ему лично не принадлежащего ресурса. Это может быть

собственность, или некая общественная функция, или информация – не важно. Важно, что коррупция, в отличие от хищения, никогда не существует изолированно, без вовлечения в коррупционную деятельность других лиц. В коррупции всегда есть несколько постоянных персонажей. Их условно можно назвать: дающий, берущий и помогающий. Их «деятельность» невозможна без определённых неписаных правил – «кому, когда и сколько». В современном представлении коррупционером является не только тот, кто нарушает закон, но и тот, кто наплевал на общественную мораль. Ведь должностные лица вроде как должны действовать, исходя из целей, не только установленных правом, но и из одобряемых обществом моральных норм. Тем более, что всех возможных коллизий ни один закон предусмотреть не может. Однако существование в обществе двойной морали – явление очень и очень не новое. Коррупция устанавливает свою собственную мораль, традиции и даже как бы культуру. Это мир, параллельный официальному. Но вот что характерно: эффективность его решений в краткосрочной перспективе всегда выше. Иначе кто бы связывался с делами, легальность которых сомнительна.

Нет смысла описывать все возможные случаи, виды и способы коррупции. Это гигантский, неподъёмный и поистине неблагодарный труд. Отметим лишь, что нет таких областей человеческой деятельности, куда бы не ступала нога коррупционера. По душераздирающим свидетельствам, коррупция была даже в гетто и концлагерях. Разумеется, причину неискоренимости коррупции следует искать не в таинственных глубинах человеческой психики (а были и такие попытки), а в том факте, что человек – существо общественное. Взаимоотношения людей, начиная от «альянса» жильца и слесаря-водопроводчика и заканчивая кулуарами парламента, не могут быть идеальными. Это несовершенство, накладываясь на денежные отношения, и создаёт коррупцию. И чем больше это несовершенство, тем больше коррупция. А поскольку совершенство – недостижимый идеал, то и общество без коррупции невозможно. Поэтому гневные призывы искоренить раз и навсегда зло коррупции, обличительные жесты прокуроров от политики, мягко говоря, неискренни. Значит, не стоит с ней и бороться?..

Коррупция в основных своих ипостасях вредоносна. «Верхушечная» коррупция правящего класса направляет общественные средства не на пользу всех, а на удовлетворение запросов немногих. Политическая коррупция лишает избирателя его единственного ресурса – права влиять на власть посредством голосования. «Низовая» коррупция чиновничества растлевает общество, так как человек, попадая в коллектив, неизбежно принимает правила поведения, принятые в этом коллективе. Если эти правила терпимы к коррупции, а то и прямо коррупционные, то со временем другие будут расцениваться как «неправильные». По большому счёту коррупция – разновидность воровства.

А как «там у них»?

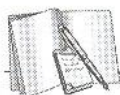
Традиционно считается, что примерами наибольшей коррумпированности были восточные империи: Османская, Китайская и Российская. Слов нет, турецкий «бакшиш» приобрёл международную известность, китайское иерархическое мздоимство – тоже. Давно стал хрестоматийным ответ историка Карамзина на вопрос: как бы он одним словом описал происходящее в России. «Крадут» – вздохнул Николай Михайлович. Однако следует учитывать условия, в которых создавались и существовали эти государственные образования. Для обеспечения своей повседневной жизнедеятельности огромной империи требовалась не менее огромная армия чиновников. Средств на их прокорм хронически не хватало. «Ты думаешь, это я управляю Россией?» – спрашивал император Николай Первый своего сына Александра. И сам же ответил: «Россией управляют столоничальники». Основная масса российских чиновников по всем без исключения ведомств принадлежала к низшим по Табелю о рангах классам. Чиновнику тринадцатого класса – коллежскому секретарю – например, полагалось жалование в 16 рублей в месяц. Прожить на эти деньги можно было только впроголодь. Остальные также не имели шансов составить себе состояние честной службой. Поэтому со всех государственных расходов империи как бы снимался налог в пользу чиновников – десять процентов.

Это считалось любезностью тому, кто эти средства получал, будь он хоть командиром полка действующей армии. Разумеется, изъятые таким образом деньги распределялись весьма неравномерно – «по чину». Правительство о таких порядках было прекрасно осведомлено и, по сути, закрывало глаза. Карающий меч опускался на шею лишь тем, кто совсем уж терял совесть и брал не по чину. У турок обстоятельства складывались похожим образом – без «бакшиша» ни одно дело не трогалось с места. Но турецкое правительство пошло гораздо дальше российского – обложило «бакшиш» налогом, положив тем самым замечательный пример борьбы с коррупцией. Ведь если взятка – это законный налогооблагаемый доход, то и коррупции никакой нет. Этот подход будет в дальнейшем много раз использоваться в самых разных странах. Китайские традиции управления уходят в глубь веков. Из них выросла даже целая философская система – Конфуцианство. В законах средневекового Китая, которые благополучно дожили почти до наших дней, подробнейшим образом расписывалось, что нужно сделать с нерадивым чиновником за то или иное должностное преступление. Наибольшей популярностью пользовались удары бамбуковой палкой по пяткам. Но были и куда более строгие и даже экзотические меры. Китай до сих пор впереди планеты всей по числу казнимых за коррупцию. Только если раньше осужденного сажали на росток бамбука, то теперь просто расстреливают. А так как количество казнённых год от года остаётся стабильным, то, надо думать, и коррупция стабильна.

В странах, именуемых обычно цивилизованными, коррупция в прошлом знавала и лучшие времена. В особенности она усиливалась в годы перемен и социальных катаклизмов. Каждый революционный всплеск в европейских странах сопровождался бурным ростом коррупции всех сортов и видов. С воцарением стабильности мздоимство и казнокрадство входили в определённые рамки, никогда, впрочем, не исчезая. Ярчайшей, бесстыднейшей коррупцией прославилась французская Директория в период, когда одряхлевшая буржуазная революция готовилась упасть в объятия Бонапарта. Замечательна своим грабежом общественных средств гражданская война в Соединённых Штатах. Да что там война за якобы свободу рабов! Уже в новое время становление организованной преступности Нью-Йорка и Чикаго было бы немыслимо без масштабной коррупции до уровня центральных федеральных институтов включительно. Не отставала и политика. Рассказывают, что отец президента Кеннеди направил сыну такую телеграмму, когда он только баллотировался в Конгресс: «Не покупай ни одного лишнего голоса. Будь я проклят, если заплачу за сокрушительную победу!» Впрочем, возможно, это была лишь шутка... с долей шутки.

Сейчас в это трудно поверить, но почти до конца XIX века очень высоким уровнем коррупции отличались скандинавские страны. И хваленая протестантская этика не помогала. Ситуация стала изменяться к лучшему, только когда за проблему взялись основательно и с разных сторон. Армию чиновников сократили, но в несколько раз подняли жалование. Количество всевозможных запретов постарались свести до минимума, основное внимание уделяя стимулам и целевым дотациям. Уличённых в коррупции и даже в простой нечестности увольняли без всякой жалости. Желающих занять место уволенных было так много, что приходилось назначать конкурс. Всего за одно десятилетие коррупция в Швеции уменьшилась до почти неразличимой. Расплатой стал рост налогового бремени. В начале XX века под его тяжестью экономика Швеции едва дышала. Но... выручила Первая мировая война и шведский нейтралитет. Потом были Великая депрессия и Вторая мировая война. Однако и поныне уровень государственных расходов и налоговая нагрузка в странах Скандинавии одни из самых высоких в мире.

В других странах Запада картина была не такой яркой, но в чём-то схожей. Были территории, более или менее подверженные коррупции. Италия – более, Британия – менее. Но везде с коррупцией боролись. В конце концов, выяснилось, что до конца искоренить этот социальный порок невозможно, а на борьбу с ним необходимы немалые средства. Таким образом, проще, легче, а главное – дешевле, держать коррупцию на определённом приемлемом уровне. Так сказать, оптимизировать расходы. Для этого, кстати, пригодился не только скандинавский, но и турецкий опыт. Ведь одним из главных источников опаснейшей коррупции является стремление различных бизнес-структур обеспечить себе преференции через влияние органов законодательной и исполнительной власти. Поскольку не-

возможно искоренить корпорации, то не проще ли узаконить такого рода посягательства, введя их в правовое поле, обложив налогом и, главное, сделав их доступными для внимания общественности? Так возник «лоббизм», от английского слова «лобби» – коридор. А кое-кто над турками смеялся...

Всё же практика оптимального уровня коррупции была характерна только для стран-метрополий. В колониях и в полузависимых странах с коррупционными проявлениями не только не боролись, а, напротив, их поощряли. Ведь это был ещё один источник доходов и для чиновников колониальной администрации, и для метрополий в целом. Куда утекали денежки самой масштабной верхушечной коррупции, где они находили тихую гавань от возможных социальных бурь? В банки Лондона, Парижа, Амстердама. В послеколониальный период ситуация почти не изменилась. Статус колоний изменился, но не повадки их элиты. Здесь были и свои чемпионы. Например, конголезский диктатор Мобуту умудрился разместить на личных счетах в западных банках средств больше, чем ВВП его небогатой страны. Теперь в общем радостном строю стоят и бывшие советские республики. При этом у всех перед глазами пример бывшего украинского премьера Павла Ивановича Лазаренко, отсиживающего в американской тюрьме, – случай не совсем типичный, но весьма показательный. Сколько таких павлов ивановичей держат свои денежки, нажитые непосильным трудом, на Кипре, Багамах, в благословенном Лондоне и опасаются их полиции гораздо меньше, чем собственных сограждан. А вот если кто-нибудь из них ведёт себя не так, как угодно Западу, или просто мешает нужному человечку, то соорудить ему уголовное дело на самых законных основаниях не составляет никакого труда. Или просто можно намекнуть строптивцу при встрече на то, что может ожидать его денежки в случае неповиновения. Согласитесь, такое средство контроля дорогого стоит, а обходится неприлично дёшево. А если учесть, что за период до 2008 года из бывших советских республик было вывезено денежных средств и материальных богатств на сумму около 2,4 триллиона долларов, и представить, куда они были вывезены, то исчезает всякое сомнение в прямом соучастии их «получателя» в делах несправедливых. Поэтому, когда Запад, встав в позу ментора, обличает нашу коррупцию, невольно напрашивается сравнение с пламенным выступлением в защиту целомудрия, произнесённым на ступеньках борделя самой хозяйкой заведения.

Коррупция – мать порядка

Итак, коррупция присутствует всегда и везде, где есть власть и деньги. Полностью искоренить её можно, лишь ликвидировав и то, и другое сразу. Ликвидация только денег ничего не даёт. Даже в лагерях казарменного коммунизма «красных кхмеров» за определённые подношения руководству можно было сделать «революционную карьеру». А вот там, где между людьми нет отношений власти, там никакой коррупции быть не может. Если нет людей, наделённых властью, то кого же подкупать?

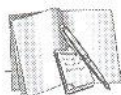
Борцы с коррупцией из стана либералов утверждают, что корень зла – в государстве, и «чем меньше государства, тем лучше». Конечно, государственные расходы – один из главнейших источников коррупции. Наравне с налоговыми льготами, приватизацией, распределением земельных участков и прибыльных постов. Однако в обществе, в котором вполне сформировался рынок коррупционных услуг, элементы коррупционной деятельности быстро становятся достоянием и частного сектора. В особенности это касается огромных корпораций, сравнимых по финансовой мощи с некоторыми государствами. В них всегда находятся желающие использовать эту мощь в собственных целях. Например, оформить фиктивный кредит, за вознаграждение слить «инсайдовскую» информацию, «помочь» нужному решению в обход установленных правил. Всё это неотличимо от коррупции государственной, разве что масштабы поменьше. Поэтому обрушиваться с антикоррупционной дубиной только на государственные структуры – дело заведомо неэффективное. А если объявить коррупции тотальную войну? Сразу по всем фронтам и на всех уровнях. Тогда антикоррупционные меры потребуют создания соответствующего обширного контрольного аппарата, нормативной базы, привлечения дополнительных организационных, правовых и даже пенитенциарных ресурсов

(тюремные нары тоже денег стоят). В недрах этих структур будут обращаться немалые средства, между субъектами неизбежно возникнут отношения власти, что послужит основой для создания нового очага коррупции. Для его ликвидации потребуется ещё одна структура, контролирующая первую. Потом ещё и ещё, и так до бесконечности. Стоп. Мы уже говорили, что гораздо проще и дешевле просто держать под контролем коррупционные процессы, не давая им становиться слишком вредоносными. Можно ли этого добиться в современных условиях? Ответ однозначен: «Да». Коррупцию там и тогда удавалось свести к оптимальному уровню, где твёрдо решили добиться результата и набрались терпения работать в требуемом направлении долгие годы. Там, где была обществу представлена глубоко продуманная система мер, направленная, прежде всего, на то, чтобы сделать коррупционные отношения невыгодными. И ещё нужны немалые деньги, причём сразу. Так, в упоминаемых ранее скандинавских странах жалование чиновников долгое время превышало средний доход в 12–15 раз. Высокая зарплата чиновничьего сословия не только заставляет конкретного чиновника бояться её потерять. Она создаёт высокую привлекательность чиновничьей карьеры, а значит, конкуренцию и так называемую «положительную селекцию», когда в конечном итоге наверх пробиваются самые сильные. В конкретных случаях деньги могут быть заменены социальной защищённостью. Например, в Соединённых Штатах полицейские не могут похвастаться своим окладом жалования. Зато на пенсию полисмены выходят раньше других, и пенсия у них существенно выше средней. А главное, тот, кто попадает на противоправных деяниях, гарантированно лишается пенсионных прав. Поэтому неудивительно, что «сунуть в лапу» американскому копу гораздо труднее и несравненно дороже, чем отечественным стражам правопорядка. Страны, добившиеся прогресса в борьбе с коррупцией, вначале несли немалые финансовые затраты. Откуда на это брались средства – другой вопрос. И всё же главное, что им пришлось предпринять, – кардинально изменить законодательство, заменяя систему запретов на систему стимулов. Основная цель, которая преследовалась при этом, – уменьшение власти чиновничества над бизнесом и обществом. Так что в идеале самое свободное от коррупции общество – анархия, где власти как таковой нет вовсе. Но это, разумеется, утопия. В реальном же обществе гражданин или предприниматель уменьшает власть чиновника, покупая её.

Государство против общества

Вот мы и добрались, наконец, до родных осин. Вернее, до вопроса: почему, несмотря на постоянно декларируемую борьбу с коррупцией, наличие антикоррупционного законодательства и соответствующих силовых структур, коррупция в нашей стране пребывает в цветущем состоянии? Почему у нас не получается то, что получилось, скажем, в Грузии? Опустим сейчас вопрос: а что, собственно, у грузин получилось? Примем как данность известный факт, что в Грузии полиция не берёт взятки. А также такой факт, что вся эта страна по площади и населению приблизительно равна Киевской области. К тому же около 20% их государственного бюджета – это прямая иностранная помощь. При таких масштабах и при горячем желании, наверное, можно было выделить средства, чтобы в несколько раз поднять зарплату полицейским. А затем увольнять их за малейшее проявление нелояльности. Очевидно, такой путь для Украины закрыт. Никто в мире не даст денег на наше МВД, которое уже давно превзошло по численности Вооружённые Силы. Не говоря уже про другие ведомства. Само государство, имея половину экономики вне налогообложения, не в состоянии осилить «начальный капитал» антикоррупционной борьбы. При этом не следует забывать, что Украина – страна немаленькая, поэтому нуждается в нехилом корпусе управленцев. Из этого следует, что наш удел – многочисленное и официально нищее чиновничество, от милости которого зависит благополучие людей, в том числе и весьма обеспеченных. С которых всегда найдётся что взять.

Кстати, о государстве. Считается, что коррупция ещё и потому вредоносна, что она искажает управляющие импульсы, которые генерируют государственные институты. В результате возникает неадекватное, а значит – неэффективное управление. Наверное, так оно и есть, но только если по-

лагать, что государство всегда заинтересовано в общественном благе и все меры государства направлены к этому благу. На этом месте любой взрослый человек, немного покопавшись в памяти, найдёт пример, прямо опровергающий этот постулат. Конечно, прав был Черчилль, заявляя, что государство существует не для того, чтобы построить рай на Земле, а для того, чтобы помешать её окончательному превращению в ад. Но государство, как и всякая структура, имеет собственные внутренние интересы. Кроме того, государственная надстройка не может существовать иначе, чем претворяя в жизнь представления правящей элиты. В таком контексте отношения между государством и гражданами с неизбежностью выливаются в различные варианты взаимной агрессии. Государство пытается различными видами насилия принудить обычных людей к приемлемому для себя поведению. При этом управляющая часть госаппарата имеет массу законных способов навязывания обществу выгодных для себя решений. В свою очередь, миллионы обычных граждан через подкуп пытаются защитить себя и своих близких от государственной агрессии. Такие действия, представляя, вроде бы, сугубо личные интересы, на самом деле несут общественную функцию по парализации чужеродной активности государства. В этом случае коррупция, как ни странно, становится своего рода амортизатором столкновения интересов общества и государства, «смазкой» в деятельности всего общественного механизма. Не следует также забывать, что наша теперешняя жизнь протекает в условиях всепроникающего рынка. На этом рынке государство выступает поставщиком услуг управления. В случае недопоставки или низкого качества таких услуг закономерно возникает чисто рыночный ответ – всё та же коррупция. Думается, любой имеет собственное мнение о качестве услуг управления нашего государства.

Что же, подведём итоги. Коррупция – явление неоднозначное, многоплановое, затрагивающее интересы множества людей. Причём не только в отрицательном, но и в положительном аспекте. Одним кавалерийским наскоком её не обуздать. Контроль над коррупцией достигим лишь ценой дорогостоящих и, главное, постоянных системных усилий в течение длительного времени – как в органах государственного управления и общественного сектора, так и в частных компаниях. Коррупция активно эксплуатируется политикой для манипулирования общественным сознанием. Такого рода деятельность достойна отдельного обстоятельного разговора. Но здесь заметим лишь, что по степени заражённости коррупцией сама политическая среда – в числе передовиков. Уже одно это обстоятельство профанирует антикоррупционную борьбу, исходящую по закону как раз из политических кругов. Современный мировой порядок, основанный на контроле одних государств над другими, прямо способствует негласному поощрению политической и криминальной коррупции в контролируемых странах. А то, что Украина в международных делах скорее «объект», чем «субъект», ни для кого не является тайной. Наконец, полное искоренение коррупции невозможно, а поддержание её на приемлемом уровне требует немалых государственных расходов и, по сути, доступно только процветающим странам.

Из сказанного вовсе не следует, что с коррупцией нужно смириться. Напротив, предельно ясно, что без преодоления бремени коррупции Украине будет очень сложно рассчитывать не только на устойчивое, но и вообще какое-нибудь развитие. Вот только общая картина экономической, политической жизни страны и её международное положение вызывают сильнейшие сомнения в осуществимости этого нужнейшего дела. Разумеется, если всё оставить без изменений.

Карманов Александр Александрович. Кораблестроитель, ведущий конструктор вертолётноосца пр. 10200 (шифр «Халзан»). Журналист, заместитель главного редактора николаевского журнала «Новый ВекЪ» (1998–2003).

Агнесса ВИНОГРАДОВА

КТО ВЫ, ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ?

(еще раз о книге В. Шигина «Лжегерой русского флота»)

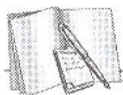
Прошло более 100 лет с тех пор, когда на острове Березань были расстреляны лейтенант Пётр Петрович Шмидт, кондуктор Сергей Петрович Частник, машинист Александр Иванович Гладков, комендор Никита Григорьевич Антоненко, волею судьбы ставшие во главе восстания на крейсере «Очаков» в ноябре 1905 года, а этот вопрос и по сей день не сходит со страниц газет и журналов, звучит по телевидению, является предметом дискуссий учёных и споров читателей разных социальных категорий. Одни, рассказывая о мятежном лейтенанте, расточают елей, другие клеймят его позором, не жалеют чёрной краски. Обе крайности не способствуют пониманию личности «красного лейтенанта», как нарекла П.П. Шмидта советская историография.

В 2010 году в московском издательстве «Вече» вышла книга «Лжегерои русского флота». Её автор – писатель-маринист, капитан I ранга Владимир Шигин. В «Лжегероях...» – самостоятельное произведение «Этот странный лейтенант Шмидт». Определить чётко его литературный жанр трудно. Это не повесть, не рассказ, скорее всего – памфлет, обличение, претендующее на историческую достоверность. Все ли обличения В. Шигина в адрес мятежного лейтенанта объективны и достоверны? Об этом и пойдёт речь.

Но сначала кратко для совсем не посвящённых в тему о самом прецеденте. 14–15 ноября 1905 года на крейсере «Очаков» в Севастополе матросы восстали против порядков, насаждаемых командиром. Все офицеры с корабля съехали. На Черноморском флоте, как и во всей России, назревала революционная ситуация. Восстание на «Очакове» нашло отклик на некоторых судах и в казармах Черноморской эскадры. Матросы «Очакова» обратились к лейтенанту Шмидту, имевшему среди матросов авторитет справедливого офицера, принять командование на крейсере, дабы предотвратить большую беду. Шмидт согласился, надеясь не допустить кровопролития. Восстание было жестоко подавлено. Возглавившие его расстреляны.

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты

С первых страниц повествования «Этот странный лейтенант Шмидт» Владимир Шигин представляет предводителя восставших матросов как одиозную личность. Якобы Пётр Шмидт, мягко выражаясь, не лучшим образом проявил себя ещё во время учёбы в Морском училище в Петербурге. Цитирую Шигина: «...у Шмидта во время всех лет учёбы не было друзей... он подозревался

сокурсниками в воровстве мелких денег из висящих в гардеробе шинелей...» (?) и т.д. в этом духе. Автор указывает, что «сведения» он почерпнул из фондов Центрального военно-морского музея, из рукописных воспоминаний однокашников Шмидта – офицеров. Фамилии их господин Шигин не называет, номера дел, единиц хранения документов – тоже.

Передо мной рукописные «Воспоминания о П.П. Шмидте» его сокурсника по 5-й роте Морского училища Владимира Лесли. (Подлинник в Музее революции, г. Москва, ОММШ, дело 161, 38 стр. – *А.В.*). Цитирую В.П. Лесли: «...Петя увлекался «Историей цивилизации» Бокля. Мог цитировать отсюда целые страницы. В это время у него пробуждаются сомнения в ненормальности положения рабочего класса». Лесли приводит выдержки из дневника Петра Шмидта, который хранил много лет и сдал в Музей революции. Рассуждая о смысле жизни, о счастье, Шмидт пишет в дневнике: «Отношения сложились так, что нужно пользоваться услугами закабалённого труда или самому закабалиться в этот же труд... Окружающая жизнь напоминает верёвку, на одном конце которой пляшут сытые, а другой – петлёю накинута на шеи голодных. Каждое твоё весёлое выплясывание удушает человека на другом конце верёвки... Уничтожить нужно петлю».

В.П. Лесли рассказывает в воспоминаниях, как курсанты-первогодки противостояли издевательствам над ними старшекурсников. Петя Шмидт был один из тех, кто не хотел мириться с их произволом, сказал проникновенную речь. «Это, вероятно, была первая революционная речь, сказанная Шмидтом», – замечает Лесли. Николай Шелгунов (сын знаменитого в то время писателя-народовольца Н. Шелгунова), Константин Толстой, Пётр Шмидт и Владимир Лесли издавали в Морском училище нелегальный журнал «Ундина», в котором Пётр Шмидт полемизировал с модным в те времена публицистом Михайловским. Шмидта, за его увлечённость общественными науками и эрудицию, сокурсники называли «магистром». В завершение своих воспоминаний Лесли пишет: «Шмидт не любил похабщины, которая так процветает в закрытых заведениях. Не любил неприличных анекдотов и циничного отношения к женщинам. Он был девственником, и первая женщина, которую он узнал, была его жена». Владимир Петрович Лесли, потомственный дворянин, сын адмирала, почтенный боевой офицер русского флота, не мог написать то, чего не было, тем более – дружить с «карманником».

Автор «Лжегероев...» утверждает обратное: «Второе увлечение кадета, а потом гардемарина Петра Шмидта заключалось в регулярном посещении им публичных домов». И снова – никаких фактов, только грязные слова. Мазнул дёгтем, благо мёртвые не могут возразить.

Возразить обязаны живые. Лесли не единственный друг Петра Шмидта периода его учёбы в Морском училище. С Константином Толстым Шмидт дружил до конца своих дней. Сохранилась фотография, на которой Шмидт вместе с двумя очаровательными девочками – дочерьми Константина Георгиевича и Софьи Дмитриевны Толстых, Лизой и Марусей. «...Меня беспокоит здоровье Маруси, как она себя чувствует в вашем чудовищном климате?.. Господи! Чего бы я не дал, чтобы перелететь к Вам, на Костину оттоманку», – пишет Шмидт в письме к Толстым 21.10.1904 г. А 8 июля 1905 г. Пётр Петрович сообщает: «Мы с Женей на днях уходим на миноносце на Дунай. И пробуем там, вероятно, месяца 2-3. Женя (сын П.П. Шмидта. – *А.В.*) получил письмо от Маруси». (Дружили родители и их дети). Это было последнее письмо супругам Толстым от П.П. Шмидта. Самые сокровенные мысли поверял П.П. Шмидт друзьям Толстым. «Наша семья сверяла свою жизнь по П.П. Шмидту», – скажет потом Софья Дмитриевна Толстая, тяжело переживая гибель друга семьи. В ту пору К.Г. Толстой был начальником Одесского порта.

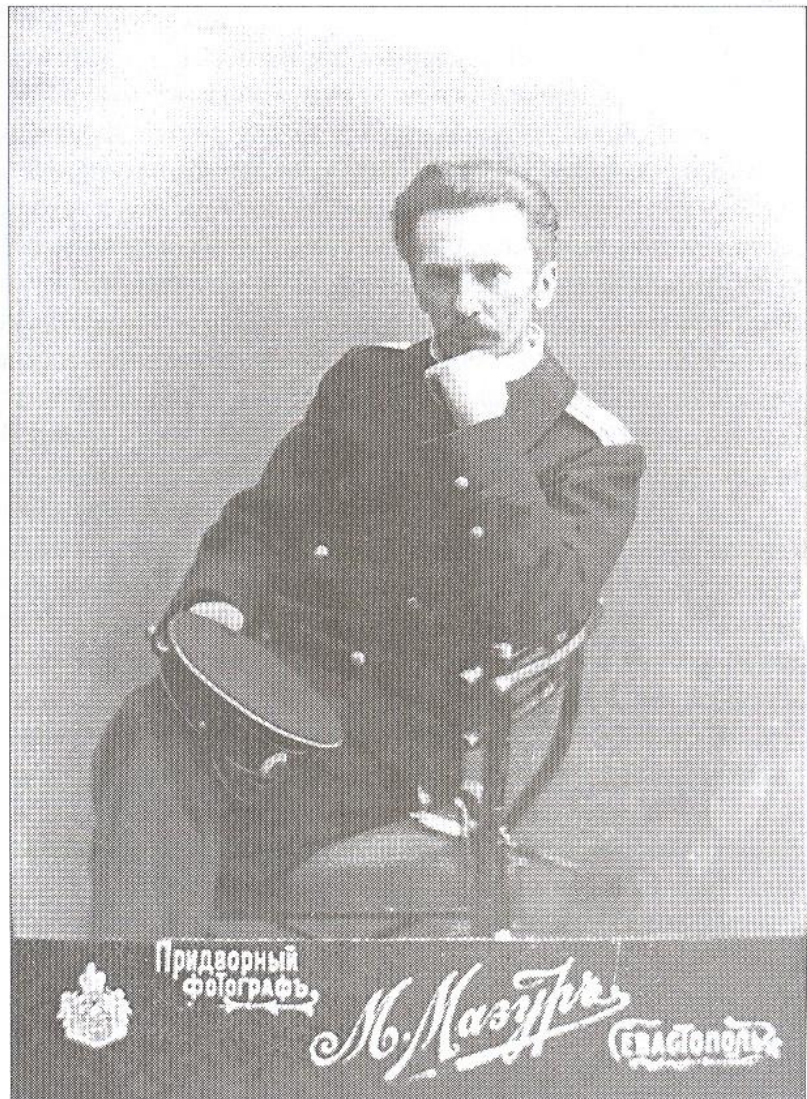
Господин Шигин продолжает живописать портрет Шмидта в тех же грязных тонах: «Служба у Шмидта сразу же не задалась. Амбициозность и завышенное самомнение молодого мичмана вызвало резкое отторжение окружающих его офицеров». Привожу факт, свидетельствующий об обратном. Мичман Шмидт с берегов Невы ехал к новому месту службы на Тихоокеанский флот, в Сибирский флотский экипаж. В музее П.П. Шмидта в Очакове хранится оригинал телеграммы за №1715, отправленной 4 марта 1894 года из Санкт-Петербурга. (У меня полная ксерокопия. – *А.В.*). Читаю: «Станция Тверь скорый поезд Пассажиру второго класса Мичману Шмидту Задержаны смотром сожалеем не могли лично проводить желаем счастливого пути и всего наилучшего Просим не за-

бывать искренно любящих Вас и Вашу семью сослуживцев целуем Белявский, Форсель, Степанов, Макалинский, Коргуев, Головин, Беклемишев, Лазарев, Шемякин, Скорупо, Лосев».

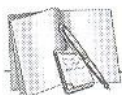
О друзьях лейтенанта Шмидта можно было бы написать самостоятельную книгу. В Севастополе единомышленниками П.П. Шмидта были поручик 29-го флотского экипажа Максимилиан Гармсен, флотский артиллерист Вердеревский. Из экономии журнальной площади привожу лишь некоторые факты из первоисточников. Дружба П.П. Шмидта с Виктором Володзько – инженером-механиком военного транспорта «Дунай» Черноморского флота – вызывает восхищение. Цитирую отрывок из второй главы книги «Лейтенант Шмидт. «Красный адмирал». Воспоминания сына», которую написал и издал в Праге в 1926 году сын мятежного лейтенанта Евгений Шмидт-Очаковский.

«Витя», иначе Виктор Генрихович Володзько-Костич, капитан корпуса инженер-механиков флота, был старинным другом моего отца и сослуживцем его по Тихоокеанскому флоту в середине 1890-х годов. Что называется, «рубаха парень», великолепный товарищ. Не дурак выпить и закутить, плодовитый импровизатор «охотничьих» рассказов, отчаянный волокита, общий любимец и большой добряк... Я не задумывался над причинами их искренней и глубокой дружбы, привыкнув с малых лет видеть их вместе. По всей вероятности, здесь оправдывалась старая истина – «крайности сходятся». Отца трогала безграничная привязанность Вити, поддерживающая его в тяжёлые минуты. Витя же благоговел перед отцом, бесконечно гордился его дружбой и готов был перегрызть всякому горло, кто осмелился бы кинуть на отца косой взгляд... Витя женился на милой девушке, дочери орловского помещика...»

О том, как поддержал Володзько арестованного после поражения восстания на «Очакове» Шмидта и его сына, когда обоих после издевательского плена на броненосце «Ростислав» поместили на военный транспорт «Дунай», Евгений Шмидт тоже пишет в книге воспоминаний. Цитирую с сокращениями, глава XIII: «Наше полуторасуточное пребывание на «Дунае» ничем не напоминало мытарства на «Ростиславе». Нам отвели большую роскошную каюту... Нам подали кофе со сливками и сдобными булками, а в 2 часа – изысканный и обильный обед из четырёх блюд. Ко всем благам – полбутылки превосходного белого вина, а после обеда принесли, в коробках, 2 сотни отличных папирос и четыре пачки месаксудиевского табаку. Мы с отцом недоумевали и невольно стали подозревать какую-то каверзу со стороны начальства. Но каверзы не было никакой. Просто-напросто на борту находился наш друг и единомышленник В.Г. Володзько. Каким образом ему, занимавшему на

Лейтенант Пётр Петрович Шмидт

«Дунае» скромную, сравнительно, должность, удалось обставить наш переезд с таким небывалым для государственных преступников комфортом – составляет его тайну».

Добавлю: В.Г. Володзько и во время следствия по делу П.П. Шмидта старался изо всех сил помочь арестованному другу. Дал добровольно обстоятельные, направленные на облегчение участи Шмидта, показания прокурору. Заявил, что «выступление лейтенанта Шмидта поразило и потрясло его, было для него неожиданным». В.Г. Володзько жестоко поплатился за верность Шмидту. Был уволен с флота, лишён пенсии, воинского звания, права носить мундир. В книге А.П. Избаш «Лейтенант Шмидт. Воспоминания сестры», 3-е издание, 1925 г., есть такие строки: «Это была первая семья в Севастополе, которая оказала сочувствие моему страшному горю. За дружбу с лейтенантом Шмидтом Володзько было приказано немедленно подать в отставку, а жена его вскоре после этого умерла в психиатрической больнице, оставив троих сироток-детей. Позже Виктор Генрихович рассказывал мне, что в минуты просветления больная говорила о Пете: «Где Петя, что с ним? Много ли времени прошло после восстания?» – и начинала плакать».

Следующее по ходу повествования возражение автору «Лжегероев...» – касательно его утверждения об «отторжении» Шмидта офицерским сообществом. Г.К. Граф, служивший вместе со Шмидтом в 1904 г. на транспорте «Иртыш», пишет в воспоминаниях «Моряки. Очерки из жизни морских офицеров», 1930 г., Париж (Из фондов музея П.П. Шмидта в Очакове): «Шмидт был хорошим моряком, любил море и морскую службу... Шмидт был незаменимым членом кают-компании: весёлым собеседником, хорошим товарищем и приятным компаньоном при съездах на берегах, и мы, молодёжь, за это его очень любили... Что мы особенно в нём ценили, это игру на виолончели. Когда он по вечерам имел настроение, то садился у дверей своей каюты и начинал играть... Много приятных вечеров он доставил нам... Он, несомненно, был поэтической натурой, сам себя не понимал. И, во всяком случае, меньше всего походил на революционера-фанатика. Ни холодного расчёта, ни честолюбия и цинизма в нём не было. Увлекаясь сделать России что-то хорошее, он попал на ложный путь и заблудился». (К.Г. Граф не принял большевистской революции, эмигрировал. Воспоминания написал во Франции. – А.В.). Не получается «отторжения» П.П. Шмидта офицерским сообществом, господин Шигин.

Как в печальном детективе

Не мной сказано: «Главная опасность, стоящая перед историком, – высказываться, если не имеется факта. Именно здесь начинается антинаучный произвол». Ещё более опасный произвол – пользоваться полуправдой, которая, давно известно, самая страшная ложь. Надо признать, В. Шигин знает материал, но ещё лучше он им манипулирует. Для того, чтобы представить П.П. Шмидта вопиющим монстром, автор книги «Лжегерои русского флота» приводит наиболее пикантные, уязвимые места из его биографии, передёргивает факты, не брезгуя их подтасовкой, пишет: «...Шмидт похищает денежную кассу вверенного ему миноносного отряда, а это без малого две с половиной тысячи золотых рублей!»

Послушаем на этот счёт самого Шмидта. Ведь даже закоренелым преступникам дают слово. В сентябре 1905 года в письме к своей знакомой Зинаиде Ивановне Ризберг (ЗИР), которой Шмидт написал более 100 сокровенных писем, Пётр Петрович пишет: «...Получаю телеграмму от сестры Ани, по которой узнаю, что моя жена написала нечто невозможное мужу моей сестры, после чего сестра... (у неё 4 детей) вынуждена была выехать из дому... Единственный выход, это мне ехать немедленно в Керчь и объясниться с её мужем... Решил ехать самовольно. Деньги миноносца, две с половиной тысячи, я беру с собой, т.к. отъезд мой был решён тогда, когда казначейство было уже закрыто... Я был тогда болен мучительным припадком прохождения в почке камня. Болезнь и теснота в вагоне не дали мне спать трое суток. Я прибыл в Керчь, пробыл там только один день, совершенно уладил Анино дело... На второй день по выезде из Керчи освободился против меня целый диван и я, наконец, лёг спать после полного физического и нравственного переутомления. Деньги у меня были

в кармане в газете (В. Шигин пишет: «в золотых рублях»). А, кроме того, около 100 руб. было в портмоне в другом кармане, не казённые, а мои деньги. Как мёртвый проспал 11 часов, проснувшись, убедился, что мой пакет с деньгами у меня украли».

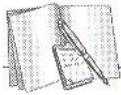
Самовольное оставление миноносца командиром, да ещё с казёнными деньгами, безусловно, оправдывать трудно. Возникает вопрос: вернул или не вернул Шмидт взятые казённые деньги в кассу миноносца? Автор «Лжегероев...» отвечает на этот вопрос так: «Всесильный дядя-сенатор вмешался в дело племянника Петра Шмидта... быстро погашает растраченную сумму за счёт своих личных средств». Откуда почерпнуто это утверждение, В. Шигин не сообщает. В письме к ЗИР от 27 сентября 1905 г. Шмидт пишет: «Я считал себя вправе обратиться только к мачехе и не за участием, а за деньгами». (В своё время по просьбе умирающего отца Пётр Шмидт отказался в пользу второй жены отца, мачехи О.Н. Бутенюк, от родового наследного дома в Одессе, принадлежащего умершей матери лейтенанта Шмидта, Екатерине Яковлевне Шмидт. – *А.В.*) Ольга Николаевна просьбе пасынка не вняла. В. Шигин постоянно, но без ссылки на документы, утверждает, что всесильный дядя В.П. Шмидт много раз выручал своего «непутёвого» племянника.

Выручил же неудачливого лейтенанта Шмидта не дядя. И не мачеха. В письме от 11 октября 1905 г. П.П. Шмидт сообщает ЗИР: «Международный коммерческий банк открыл кредит на 1000, теперь то же самое продельывает Общество взаимного кредита. Я, право, не ожидал, чтобы мне, не купцу, удалось бы достать в банках 2000». 15 октября 1905 г. Шмидт посылает ЗИР телеграмму: «Достал все деньги сегодня и сегодня получил ваш большой портрет. Шмидт». (Институт истории Академии наук СССР. Главное архивное управление МВД СССР. «Севастопольское вооружённое восстание в ноябре 1905 года. Документы и материалы». Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. Москва, 1957 г., стр. 471–475). В полном послужном списке, составленном в штабе Черноморского флота и портов Чёрного моря по Судной части, дело 89/56 об утере командующим миноносцем №253 лейт. Шмидтом 2500 руб. казённых денег. 2.IX.1905г. – 12.V.1906 г., читаю: «В службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы, или отдаляющих срок выслуги к сему знаку». В графе XIII послужного списка – «Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединённым с ограничениями в преимуществах по службе; по судебным приговорам, или в дисциплинарном порядке, не был ли оставлен в подозрении по преступлениям, влекущим за собой ограничения...» – чёрным по белому значится – «Не подвергался». (ЦГА ВМФ, Л-д. Ф.402, д. 91, стр. 16–19).

Казнь после казни

Если бы лейтенант Пётр Шмидт и писатель-маринист капитан I ранга Владимир Шигин жили в одно время, соприкасались по службе, прочитав «Этот странный лейтенант Шмидт», можно было бы подумать, что мятежный лейтенант чем-то очень «насоллил» правильному капитану I ранга. Или что В. Шигин столь усердно выполнил чей-то заказ развенчать лейтенанта «в пух и прах». Так предвзято, а нередко откровенно злобно, писатель пишет о своём «лжегерое». Выражения писателя, тем более почтенного капитана I ранга, в адрес Шмидта – далеки от интеллигентности, мягко говоря, удивляют: «Сбежавший от Цусимы перестарок, неудачник», «Полез на трибуну», «Нацепил погоны», «Принялся колесить», «Захлебнулся пеной» и т.д. и т.п. – перечень можно продолжить. Он очень напоминает сленг не контролирующего свои эмоции обиженного склочника, и уж никак не флотского офицера, да ещё и маститого литератора. Похоже, Владимир Шигин понимает категорию «свобода слова», как разрешение этим словом произвольно манипулировать, подтасовывать. Доказательств тому много, приведу лишь некоторые.

Автор «Лжегероев...», повествуя о том, как П.П. Шмидт попал на восставший крейсер «Очаков», пишет ехидно: «Матросы, мол, пришли к нему толпой и умоляли командовать ими, потому что только он, лейтенант Шмидт, мог их спасти! В ответ он якобы кричал своему сыну: «Их надо спасти!» Эта версия известна нам только из рассказа самого Шмидта». Обратимся к первоисточнику, кни-

ге воспоминаний Евгения Шмидта «Лейтенант Шмидт. («Красный адмирал»)». Евгений был единственным свидетелем визита матросов «Очакова» ноябрьской ночью накануне восстания в квартиру Шмидтов на ул. Соборной, 14 в Севастополе. Писал сын мятежного лейтенанта воспоминания не для того, чтобы обороняться от господина Шигина через 100 с лишним лет. Цитирую с сокращениями отрывок из книги Евгения Шмидта-Очаковского «Лейтенант Шмидт».

«...Задребезжал робкий звонок, я увидел кучку матросов, нерешительно переминавшихся с ноги на ногу. «Вы совсем спятили, – грубо оборвал их я. – Вламываетеесь в час ночи. Папа спит...» – и сделал движение, чтобы захлопнуть дверь.

– Никак невозможно, барин. Такое дело, что помирать впору. Не от себя мы, а от команды «Очакова», всей, как есть... Будьте великодушны, доложите его благородию.

– Пусти их, Женя, – услышал я сзади голос отца.

– Такое дело, ваше благородие, – заговорил, наконец, высокий матрос. – На вас, как на Бога, одна надежда. Погибаем. С «Очакова» мы, ваше благородие.

Отец нахмурился. После недолгого раздумья пригласил их в кабинет. Сколько времени я простоял у окна, пока длилось это совещание, – не помню. Когда матросы ушли, из кабинета раздалось:

– Женя, иди сюда. – Отец сидел на диване и подзывал меня к себе любящей, бесконечно доброй улыбкой.

– Садись рядом, голубчик.

Я сел, зная всё, что он скажет, но молясь чуду.

Отец погладил меня по голове и сказал коротко и просто: «Их надо спасти, сынишка». (Пропись в первоисточнике. – *А.В.*)

Подчёркиваю: это цитата из первоисточника – воспоминаний Евгения Шмидта (глава VIII, стр. 116–118), а не «версия самого Шмидта», как бесцеремонно утверждает писатель-маринист В. Шигин. Да и не кричал Шмидт. Для несведущего читателя поясню: Шмидт тогда уже получил приказ об увольнении с воинской службы, кстати, по его собственному прошению. Утром П.П. Шмидт должен был уехать в Одессу. У него уже был билет. Но отставной лейтенант Шмидт откликнулся на просьбу матросов мятежного «Очакова». Как потом он скажет на суде: «Команда знала от меня, что первым условием моего участия в деле было – не пролить ни капли крови, и команда сама не хотела крови». («Севастопольское вооружённое восстание в ноябре 1905 года. Документы и материалы», документ №134, стр. 282).

Не могу не возразить В. Шигину по поводу его сообщения о людских потерях и расстреле «Очакова». В. Шигин пишет: «Скорее всего, потери были весьма небольшими (!) ... Всего же за время ноябрьского мятежа в Севастополе погибло 150 человек. Обычно, лукавя, эту цифру приводят как количество погибших восставших. На самом же деле это общая цифра погибших с двух сторон. Что касается мятежников, то на самом деле их погибло 95 человек, из которых, как мы знаем, всего лишь 15 – на «Очакове» (!) Сие значится на стр. 385 «Лжегероев ...». На страницах 381–382 того же шедевра писателя-мариниста читаю: «Как явствует из документов, «Очаков» ответного огня почти не вёл, с него ответили всего несколькими выстрелами и не добились ни одного попадания». А на стр. 393 того же произведения В. Шигина читаю обратное: «Среди солдат, штурмовавших казармы, очень много убитых и раненых. В основном – от снарядов с «Очакова», стрелявшего по ним перекидным огнём через город...» Как говорится, правая рука не знает, что делает левая. Что-то с памятью у вас стало, господин капитан I ранга.

Привожу данные на этот счёт более памятьвого и ответственного писателя, историка, исследователя отечественного судостроения Р.М. Мельникова. В книге «Крейсер «Очаков» (Ленинград, «Судостроение», 1986 г.) Мельников пишет: «Очаков», оставаясь на рейде неподвижной мишенью, сразу утрачивал все достоинства лёгкого быстроходного крейсера... На кораблях правительственной эскадры не зарегистрировано ни одного попадания. В корпусе же два дня горевшего «Очакова» насчитали 63 пробоины... С «Ростислава» всего было выпущено по мятежникам два 254-мм и шестнадцать 152-мм боевых снарядов. Один броненосец «Ростислав» отчитался в расходовании 3600 ружейных патронов. Боевой счёт в войне с собственным народом открыли brave сухопутные артил-

леристы генерала Меллера-Закомельского» (Р.М. Мельников. «Крейсер «Очаков», стр. 163–172). Что касается числа погибших, то в книге Р.М. Мельникова значится – более 300. В предсмертном письме черноморским матросам кондуктор С.П. Частник пишет: «убили 400 жизней чистых и бескорыстных».

Кондуктор крейсера «Очаков» Д.П. Вдовиченко (младший офицерский чин на флоте), сразу после пожара побывавший на крейсере, описал страшную картину. Привожу кратко отрывки из его воспоминаний: «Снаряды всё кругом разнесли вдребезги... На полу, исковерканном и закоптелом, скрученные куски железа и местами возвышаются какие-то чёрные, как смоль с жирным блеском, кучки... Чёрный маслянистый пепел разъехался, из-под него забелелись человеческие кости... Разорванный человек, залитый чёрной кровью... Тело человека огромного роста, но без головы... Связка кишок... Из морского госпиталя вытребовали 18 гробов. В 3 из них уложили уцелевшие трупы, а остальные 15 заполнили доверху разорванным мясом...». Д.П. Вдовиченко называет 300 погибших.

И все врут, только один Шигин говорит правду?

В произведении В. Шигина прочитывается явный обвинительный уклон, многое не соответствует истине, удивляет и возмущает. Например, одряхлевшая от многообразного употребления, дремучая спекулятивная тенденция обвинять во всех смертных грехах евреев. Дабы угодить антиеврейски настроенной категории общественности, господин Шигин искусственно пристёгивает к еврейским националистам Шмидта. Налицо – разжигание национальной розни в прямом и переносном смысле. Смакование капитаном 1-го ранга Шигиным «вопроса о проституции», возжелание, с каким писатель-маринист неестественно много раз произносит само слово – проститутка – наводит на грустные мысли о заикленности на этом вопросе самого писателя. Любопытна и философия праведника Шигина: «Для мужчины не позор зайти к проститутке, для мужчины позор у неё остаться» (!?). Уж больно энергично изобличает жриц любви господин Шигин. З.И. Ризберг Шигин «величает» «проституткой классом намного выше, чем полуграмотная Доменика Павлова» (Доменикия Гавриловна Павлова – жена П.П. Шмидта. Набившую оскомину тему о трагической женитьбе П.П. Шмидта сознательно не развиваю. Она требует самостоятельного рассказа. – А.В.). Побойтесь Бога, господин Шигин! З.И. Ризберг была замужем. Работала переплётчицей. После гибели П.П. Шмидта написала воспоминания о нём. Домыслы автора «Лжегероев...» о том, что ЗИР по совместительству была ещё и связанной еврейской террористической организации, – вообще больной бред!

По Шигину, «Шмидт не пользовался расположением барышень». Пользовался, и даже очень! Отсылаю выдумщика к переписке П.П. Шмидта с гимназисткой из Бердянска Евгенией Тилло. К мемуарам Екатерины Васильевны Ростковской, урождённой княжны Дабижа, которая питала к Шмидту особые чувства. Во время его заключения в каземате Очаковской крепости ходатайствовала о Шмидте перед высоким жандармским начальством, посылала узнику богатые передачи, приютила в своём доме сына П.П. Шмидта Евгения после заключения в каземате Очаковской крепости. Переписка П.П. Шмидта с Евгенией Рахт, М.Н. Базилевской, отношение к мятежному лейтенанту Марии Володзько и других достойных, уважаемых в обществе женщин, действительно прекрасных представительниц человеческого рода, говорит об обратном.

В. Шигин утверждает: «О талантности Шмидта вопрос спорный, так как творений Шмидта до нас не дошло». Дошло. Это, прежде всего, письма П.П. Шмидта к З.И. Ризберг, которые общепризнаны шедевром эпистолярного жанра. Две картины (масло), написанные П.П. Шмидтом, одна из них – зимний пейзаж – имеется в музее Шмидта в Очакове. Обе – профессиональны. Репродукции с этих картин опубликованы в журнале «Огонёк» №7 за 1967 год.

Повествование «Этот странный лейтенант Шмидт», как молью, изъедено предположениями самого автора. Бесконечные: «думается», «возможно», «можно предположить», «вполне можно предположить», «что-то», «скорее всего», «вне всяких сомнений», «полностью утверждать не можем, но...», «может быть», «видимо», «весьма возможно» и т.д. (хотела их подсчитать, но сбилась со счёта. – А.В.), фразы со знаком вопроса, но без ответа, не позволяют отнести это произведение к исторической документальной литературе, даже с самой большой натяжкой. Может быть, это рождение нового литературного жанра – «безответственное предположение»? Книга написана небрежно. Много

фактических ошибок. Сводного брата П.П. Шмидта Льва Шмидта, погибшего на броненосце «Петропавловск» в русско-японской войне 1905 г., Шигин нарёк Леонидом. Отца лейтенанта Шмидта, тоже П.П. Шмидта, оставил «вдовцом с двумя маленькими детьми». В действительности детей было у Шмидта-отца – трое: Мария, Анна и Пётр – будущий мятежный лейтенант. Этот нелюбимый перечень тоже можно продолжить.

Вместо эпилога

Изучая много лет тему лейтенанта П.П. Шмидта и его роль в Севастопольском вооружённом восстании в ноябре 1905 года, я убедилась в том, что трактовка трагической личности лейтенанта Шмидта зависит от личностных качеств того, кто о нём пишет или высказывается. Это, как в каламбуре об оптимистах и пессимистах. Одни говорят: «стакан наполовину полон», другие – «стакан наполовину пуст». Одни видят только лужу, другие – и звёзды, отражающиеся в ней. Бывший профессор Харьковского университета, эмигрант В. Доватц без малого сто лет назад сказал о происшедшем восстании в Севастополе в ноябре 1905 г.: «... Два понимания долга столкнулись на кораблях Черноморского флота». Долг перед Отечеством, царём и воинской присягой, и другой – долг перед конкретными людьми, попавшими в катастрофическую ситуацию. По этому поводу привожу мнение нашего современника Б.С. Романова, автора книги «История императорского Черноморского флота России», капитана 1-го ранга, в 1969–1971 гг. – командира противолодочного крейсера «Москва». На мой взгляд, это наиболее объективное понимание личности лейтенанта П.П. Шмидта и его роли в восстании на крейсере «Очаков». Цитирую:

«Героем Севастопольского вооружённого восстания остаётся лейтенант Пётр Петрович Шмидт. Его имя осталось в веках. В Петербурге набережная и мост носят имя лейтенанта Шмидта. Его имя носили 9 кораблей и судов советского флота. В Севастополе имеется улица Шмидта, в школе №49 создан музей П.П. Шмидта. Его чтят, независимо от совершённых ошибок, от не совсем последовательных и грамотных поступков, сомнений и колебаний, веры в хорошего царя и недостаточной политической зрелости. Чтят за то, что он одним из первых офицеров, стоящих по службе выше нижних чинов, не смотрел с высоты своего положения на матросов, как на мужичьё, которое можно обругать самыми грязными словами и ткнуть кулаком в рожу, а считал их равными себе и выступил в защиту против их бесправия, и пострадал за это. Он понял их чаяния и стремления к лучшей доле,

Крейсер «Очаков»

к лучшей жизни, к равенству и свободе. Поэтому он и стал легендой, поддержанный не одними матросами, но и народом.

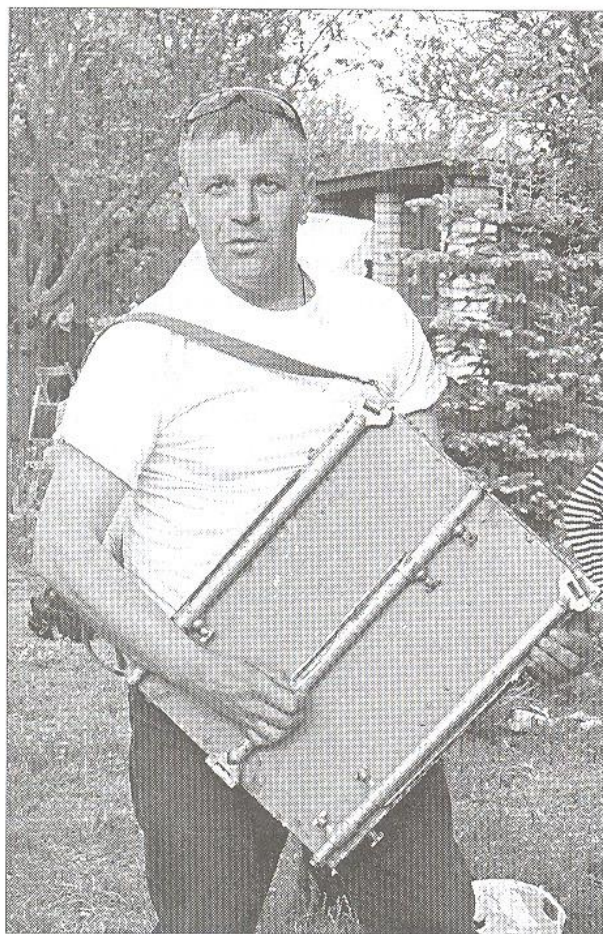
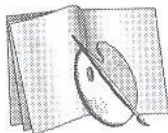
Шмидт был исключительно честным и справедливым человеком. И матросы поняли всё это и доверяли ему, не считая чужим, как других офицеров. К нему они обратились в трудную минуту, и Шмидт не отказался от них, как многие могли бы сделать на его месте. Он сознательно пошёл вместе с ними, хотя представлял, чем это для него может кончиться. Ему не послужило препятствием то, что он оставляет сиротой сына, к которому относился с большой нежностью, что теряет любимую женщину, что теряет самое дорогое – свою жизнь. Недовольство некоторых влиятельных лиц СССР возникло позднее, когда его сын Евгений Шмидт-Очаковский написал в книге, что его отец не принял бы такую Советскую власть. Почему книгу его в Советском Союзе запретили и она не издавалась.

«Шмидт был больным, возбудимым человеком. С ним периодически случались припадки, но пришёл он на «Очаков» в здравом уме. За последнее время у него развилось чувство самомнения. Он считал, что его имя известно всем и за ним пойдут массы, но к руководству ими он подготовлен не был. Поэтому он и не знал, что делать. Поступки и приказания его были непоследовательны. Он кидался из одной крайности в другую, угрожал, но ни одной угрозы не выполнил. После ареста Шмидт вёл себя достойно, не унижался, не пытался свалить свою вину на других и на казнь пошёл с гордо поднятой головой. Поэтому он и стал легендой – противоречивой, непоследовательной, но легендой» (Б.С. Романов. История императорского Черноморского флота России, том 2, стр. 191).

...Суд по делу отставного лейтенанта П.П. Шмидта проходил с 7 по 18 февраля 1906 года в Очакове. Когда прокурор, произнося обвинительную речь, сказал, что Шмидт и его сын якобы первыми бросились спасаться с пылающего «Очакова», адвокат Ф.Е. Врублевский не выдержал и прервал ажурную речь обвинителя репликой: «Господин прокурор, саван должен быть чист!»

Виноградова Агнесса Викторовна. Николаевский публицист. Родилась 5 октября 1928 года в г. Орехово-Зуево Московской области. Закончила исторический факультет Орехово-Зуевского пединститута (1949). Полвека проработала в редакциях местных газет – «Южная правда» и «Вечерний Николаев». Автор книги «Расстрелянная мечта» о лейтенанте П.П. Шмидте (Николаев, 2004), сборника очерков о выдающихся людях Николаевщины «Человеческий фактор» (Николаев, 2010). «Горожанин года – 1998» в номинации «Средства массовой информации». Заслуженный журналист Украины.

Ипатьев Александр Яковлевич. Родился в 1966 году в Николаеве. Окончил среднюю школу №22 (1983). В этом же году поступил в Уральский политехнический институт в Свердловске. Окончил химико-технологический факультет Киевского политехнического института (1989). Инженер, химик-технолог. Брал частные уроки у художника Михаила Микоры. По возвращении в 1990 году в Николаев занимался в изостудии Зои Александровны Бородинной (в Доме офицеров флота). С 1990 года участвует в выставках. Выставлялся: на Андреевском спуске (г. Киев, 1992), в музыкальной гостиной музея В. Верещагина (г. Николаев, 2001, 2012); в «Доме Фраполи» г. Одесса (2008); в муниципальных выставочных залах Одессы (2009) и Николаева (2013). Пишет акварелью, гуашью, темперой, маслом, работает в смешанной технике. Иллюстрирует книги современных николаевских поэтов и писателей.

ЖИЗНЬ В ВЕТРЕНУЮ ПОГОДУ

Как известно, легендарный Амедео Модильяни свои бесчисленные знаменитые «ню» рисовал на бумажных салфетках, коими расплачивался с парижскими рестораторами. Большинство графических работ Александра Ипатьева написаны на обрывках обычных старых обоев.

Похоже, чем и на чём запечатлена картина мира – для настоящего художника дело второстепенное и принципиального значения не имеющее, а главное для него – чтобы все эти подручные средства могли наиболее адекватно выразить то, что видит его глаз. Убеждён, что физиология зрения художника устроена каким-то особым образом, разумеется, не в смысле анатомическом, а метафизическом, духовном, то есть я имею в виду кратчайшую, непосредственную связь между глазом и сердцем, глазом и интеллектом.

Как известно, женщины любят ушами, а мужчины глазами. В этом смысле художники как бы вдвойне мужчины, или, если хотите, мужчины в квадрате. И дело не в том, что они способны изобразить увиденное (хотя, разумеется, и в этом тоже), но в том, что они способны увидеть. Ибо, как сказано в Библии, «имеете уши – а не слышите, имеете глаза – а не видите». Вот художник и есть человек, способный увидеть – женщину, мужчину ли, ребёнка, снег, дождь, свет или, наконец, просто тривиальное яблоко. Увидеть заново, по-своему, а это, собственно, и есть заново. Вот этой драгоценной способностью Александр Ипатьев обладает, как мне кажется, более чем.

Технику, в которой Александр воссоздаёт им увиденное, он называет «смешанной». Наверно, так оно и есть, но он не столько смешивает краски, сколько использует в своих работах одновременно самые разные по фактуре и консистенции краски – от нежнейшей акварели до жёсткого, агрессивного акрила. А в итоге

получается яркий, полифоничный мир, полный внутреннего движения, энергии. Его линии, мазки кажутся порой случайными, хаотичными, но, как известно, «чем случайней, тем верней слагаются стихи навзрыд». Думаю, что эта поэтическая пастернаковская формула вполне применима и к живописи Александра Ипатьева.

Некоторые его картины напоминают мне мозаики, но не статичные, а динамичные, мерцающие, где вместо смальты проглядывают вдруг банальные декоративные блёстки «дефицитных» обоев советского времени. Одну из своих графических серий художник иронично назвал «наскальными рисунками». Учитывая используемый им «обойный» материал, можно в продолжение этой метафоры назвать его графическую живопись «настенной».

Одна из книг известного писателя Андрея Битова называется «Жизнь в ветреную погоду». Именно так бы я назвал большинство пейзажных работ Александра Ипатьева, ибо в них гуляет безнаказанно наш неизменный, изворотливый лиманский ветер, поднимает подолы, кружит головы, хлопает парусами яхт, обещает дальние странствия. А когда ветер стихает, то художник берёт акварель и обрушивает на нас немислимую тишину. Он это тоже умеет.

Мне нравятся его женские портреты, они напоминают мне знаменитые «фаюмские», с огромными, выразительно смотрящими на нас глазами, но у Ипатьева женские взгляды обращены не на соглядатель, а на себя, они немного «не от мира сего», эдакие витающие в своём мире, неопознанные нами объекты. Терпеливо ждущие нашего, как писал поэт Андрей Вознесенский, «сосердцания». Дождутся ли?

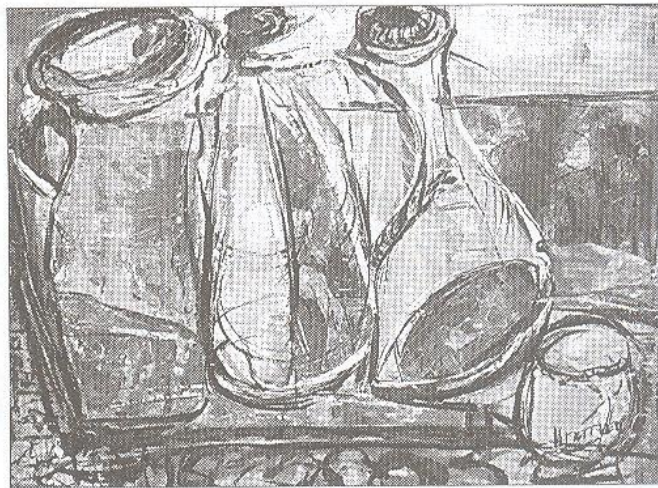
И ещё: художник Александр Ипатьев не чужд литературе, он недавно написал и издал книгу, которую назвал «От Я до А». Книга необычная, своеобразная, не провинциальная. О ней тоже есть что сказать, но это совсем другая история.

Олег Духовный

«Экспрессивность работ Ипатьева говорит о внезапном потоке настигнувшего художника вдохновения, мощном спонтанном порыве. Художник словно захвачен творческой стихией, неким вихрем, пронёсшимся на «космической скорости» и исчезнувшим в мгновение ока. И только «следы» на бумаге, газетах, чертежах, обоях – на всём том, что было под рукой в момент творческого порыва, говорят о мощном эмоциональном переживании. Формы даны лишь намёком, цвета как будто бы уходят из предметов, влекомые всё тем же вихрем, перемещаются, смешиваются, расплываются. Эти работы напоминают ускользящие ночные видения с их многослойностью и неоднозначностью». (Александра Филоненко, искусствовед)

«Ожидание». 2007 г.

«Хрусталь из синих гор». 2008 г.

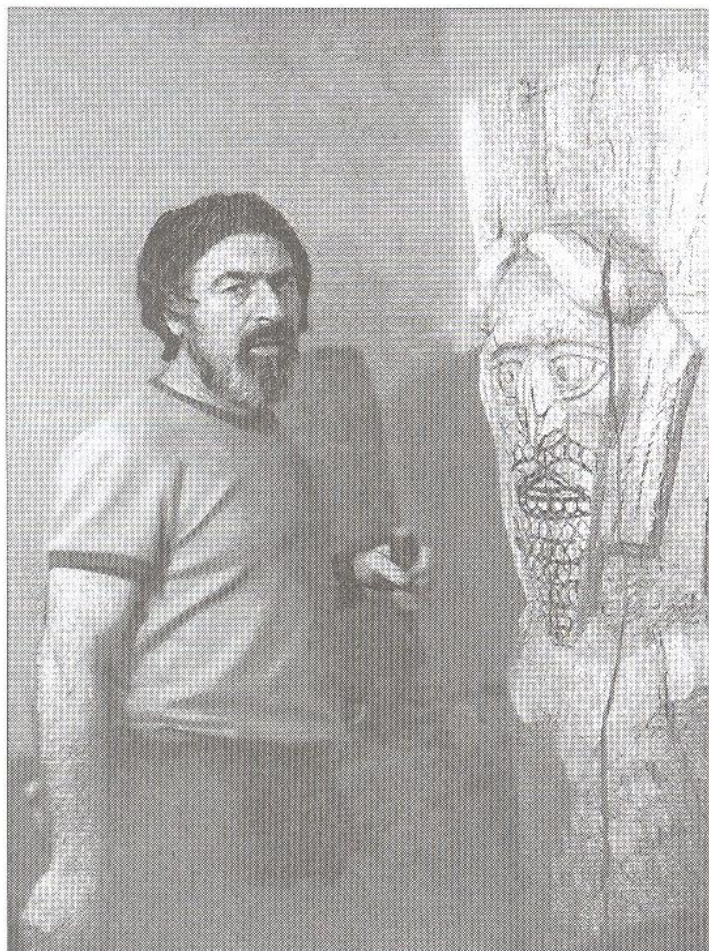

Ольга МЕЛЬНИКОВА

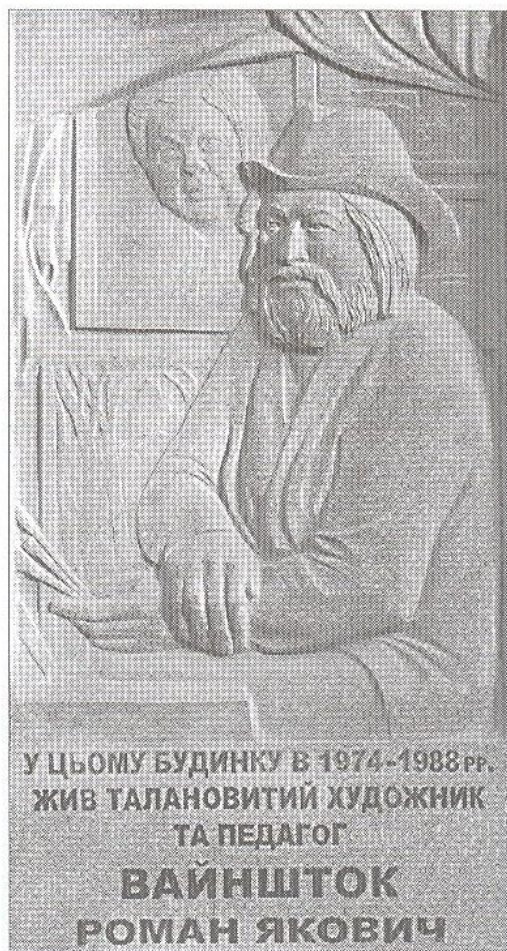
ТОТ, КТО СОЗДАЛ СЕБЯ

Роман Яковлевич Вайншток (1932–1988) родился в Николаеве в большой многодетной семье. Он пережил военные годы, эвакуацию и тяжёлое послевоенное время. Почти всю жизнь прожил в родном городе. С детства любил рисовать, но переломным и решающим моментом в его судьбе стала встреча со скульптором К.С. Рыжовым, который дал юноше первые уроки изобразительного творчества. Роман поступил в Академию художеств (г. Ленинград) вольнослушателем, однако проучился там лишь около двух лет, а затем, из-за отсутствия средств, вернулся в Николаев. Всю свою жизнь он самосовершенствовался, искал свою манеру письма, освоил все основные виды и приёмы изобразительного искусства, писал маслом, темперой, тушью и акварелью, очень любил работать в смешанной технике. Работал над круглой пластикой и рельефами из гипса и дерева. В итоге стал живописцем, графиком, скульптором и педагогом.

Вся дальнейшая жизнь Романа Яковлевича была связана с изостудией при Доме культуры медработников, в которой он не только преподавал, но и был учителем «жизни», другом для своих учеников. За почти 30-летний период работы ему удалось воспитать несколько поколений художников, которые хранят светлые воспоминания от общения со своим наставником.

Роман Яковлевич Вайншток в мастерской

Мемориальная доска на доме №66 по улице Пушкинской в Николаеве

Манера письма Вайнштока основана на его личностном мировосприятии, и именно это стало залогом абсолютной индивидуальности передаваемых им образов. Главными изобразительными средствами для него становятся сочетания реальности и условности изображения, символичность и колорит. В зрелых работах мастера проявляются черты, характерные для национального еврейского искусства. Это произведения, которые гармонично объединяют в себе фантастические и сказочные сюжеты, переданные с помощью вполне реальных персонажей и предметов. Большое внимание Вайншток уделяет различным жанрам искусства, однако особое место в его творчестве занимает портрет и автопортрет. Интересно и то, что написанные им в разное время портреты варьируются от реалистичных до наивных в своей манере исполнения.

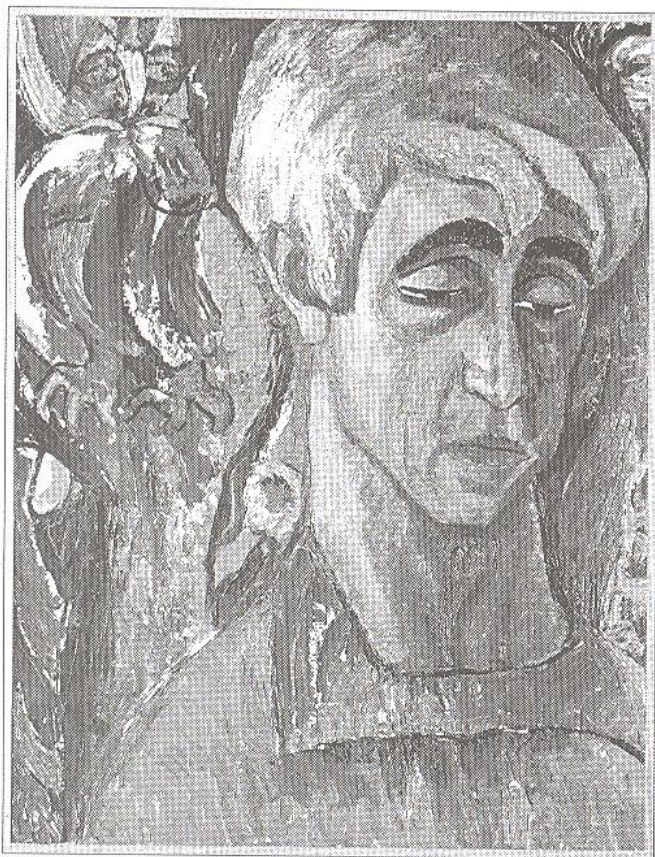
Примитивное и наивное искусства очень похожи в своей направленности и прекрасно выражают отношение Романа Яковлевича к жизни. Желание очистить эмоцию, впечатление, некая схематизация образов приводят его к упрощению формы. Наивный взгляд на вещи помогает убрать отвлекающие детали и привести в творчество искренний порыв и некую простонародность. Его работам присущи орнаментальность, яркость и насыщенность колорита. Фигуры людей часто изображаются монументально, статично, но при этом остаётся ощущение движения, в них выражены философские размышления художника о месте человека в жизни. Простота творчества мастера иллюзорна, за ней скрывается глубокий смысл и осознание сущего. Ясность и формальная непосредственность изобразительного языка выдают особое, не обремененное условностями видение мира.

Индивидуальная стилистика, отсутствие перспективы, плоскостность изображения, упрощённая ритмичность, использование локального цвета – вот что характерно для Вайнштока. Цвет для него является одним из главных выразительных средств, он доминирует над рисунком. Цветовая гамма варьируется от ярких цветов до приглушённых, тёмных, насыщенных оттенков. Он легко сочетает тёплые и холодные цвета, в его палитре часто преобладает синий или фиолетовый.

Ещё одна явная любовь мастера – изображение сказочных и мифологических персонажей, что также подчёркивает принадлежность к наивному направлению в живописи. В его работах присутствуют фантастические аллегории, библейские мотивы и легенды, мифическое и реальное. Сюжеты заимствованы из жизни или фольклора, собственной фантазии и даже снов. Перед нами – оригинальные и чистые миры, в них торжествует наивная гармония между природой и человеком.

Роман Яковлевич Вайншток оставил большое творческое наследие, которое находится на территории Украины и за границей. Многие из его работ представлены в частных собраниях в США, Израиле, Канаде, Франции и других странах. Однако крупнейшим хранителем произведений мастера стал Николаевский областной художественный музей имени В.В. Верещагина, благодаря поддержке творческой семьи Макушиных. Коллектив музея с благодарностью принял в дар от Макушиных около 1000 произведений Вайнштока – живописи, графики, скульптуры. Это жанровые работы, пейзажи, натюрморты и портреты. Большое количество небольших набросков, этюдов и эскизов прекрасно иллюстрируют «кухню» художника.

Одной из ярких и характерных для Романа Яковлевича работ является «Портрет поэта Эмиля Январёва», написанный в 1976 году и переданный в музей в 1998-м. Портрет написан маслом по бумаге и прекрасно раскрывает творческий метод художника, его философское настроение. Колорит работы выполнен в коричнево-охристых тонах, достаточно тёплых, но при этом передающих тревожное ощущение. На переднем плане портрет поэта, который не смотрит на зрителя, его взгляд направлен вниз. А на втором плане изображена сова, сидящая на дереве с широко открытыми глазами. Художник прибегает к приёму дублирования, он связывает два изображения некоей символической нитью, придавая ей вполне читаемую форму – изображение глаз совы и поэта очень похожи. Сова символизирует мудрость, эрудицию, тайные знания, двойственность отношения к этой птице характерна для многих народов мира. Её взгляд, созерцательный и смотрящий вдаль, как будто видит то неизвестное, что не подвластно пониманию людей. Таким взглядом художник наделяет и поэта. Даже в самом изображении Эмиля Январёва чувствуется монументальность, складывается впечатление, что он смотрит не просто вниз, а на землю с её мирскими потребностями, взглядом человека, обладающего скрытым знанием о жизни. Тревожность весьма характерна для произведе-

*Роман Вайншток. «Портрет поэта Эмиля Январёва».
Бумага, масло. 1976 г.*

с местным обществом еврейской культуры и издательством Национального университета кораблестроения им. Макарова при поддержке и содействии семьи Макушиных презентовал персональный альбом работ Р.Я. Вайнштока, изданный в 2011 году. Этот альбом стал ещё одним памятником художнику. Его творчество многогранно и символично, часто в гротескной форме он передавал свои впечатления от увиденного, свои душевные переживания, окружающий его мир. Он написал ещё одну страницу в истории культуры нашего края.

Мельникова Ольга Сергеевна. Искусствовед, заведующая экспозиционно-техническим отделом Николаевского областного художественного музея им. В.В. Верещагина.

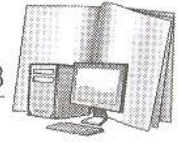

ний художника. Она связана, прежде всего, с трагической историей еврейского народа, тысячелетиями находившегося в рассеянии.

Одна из самых значительных философских работ Р.Я. Вайнштока – «XX век. Реакция в действии», в некотором роде она сродни «Гернике» Пикассо. Во всяком случае, также посвящается трагедиям XX века – войнам, страданиям, людским горестям. Эта картина николаевского автора может считаться знаковой для истории нашей страны.

Память о талантливом художнике навсегда останется среди людей, которые знали его лично или знакомы с его творчеством. Мало выставляясь ранее, он получил широкое признание среди зрителей, уже уйдя из жизни в 1988 году. К 20-летию Николаевского общества еврейской культуры состоялось открытие мемориальной доски, установленной на доме, где жил художник (по адресу: ул. Пушкинская, 66). Мемориальная доска была установлена за счёт благотворительных средств, а над её проектом работали Виктор Макушин и заслуженный художник Украины Юрий Макушин.

Николаевский областной художественный музей им. В.В. Верещагина совместно

Адриан ТОПОРОВ

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

В череде памятных дат нельзя забывать и о годовщине нашей общенациональной трагедии: 75 лет тому назад, в 1937 году, Советский Союз охватила вакханалия массовых политических репрессий. Большой террор пронёсся огненным смерчем через судьбы миллионов людей. Именно в этом году спецколлегия Свердловского областного суда вынесла несправедливый приговор по печально известной 58-й статье УК РСФСР нашему знаменитому земляку – писателю и просветителю А.М. Топорову. Его дальнейшая жизнь в 30-е и 40-е годы прошлого века, конечно же, эпопея: шесть тюрем, два лагеря ГУЛАГа. Ничего не сказано об этом в изданной в 1980 году автобиографической книге А.М. Топорова «Я – УЧИТЕЛЬ». И понятно – писать об этом при его жизни, почти всё время, было противопоказано. Зато сколько было рассказов в кругу семьи и близких друзей!

Внимание читателей предлагается небольшой отрывок из воспоминаний самого А.М. Топорова, речь в котором идёт о сложностях его пребывания в режимном городе Николаеве – уже после освобождения из ГУЛАГа. Ранее он не издавался.

Игорь Топоров

17 мая 1937 года я подбивал итоги учебного года. Слышу стук в дверь комнаты. Вошёл сотрудник райотдела НКВД района Новиков в сопровождении понятого – предъявил мне ордер на обыск и арест. Перерыв всё в чемоданах, библиотеке и архиве, страж госбезопасности изъял «Азбуку коммунизма» Н.И. Бухарина (по ней я сдавал экзамен в ВУЗе), сборник литературно-критических статей А.В. Луначарского и письма Л.С. Сосновского. Составили протокол обыска и ареста. И повели меня в Раменскую тюрьму, откуда и пролёг мой длинный крестный путь по сталинским узилищам.

Судила меня спецколлегия по статье 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР, т.е. за всю мою советскую культурно-просветительскую деятельность, облыжно названную «антисоветской агитацией». Вновь и вновь была пущена в ход вся гнуснейшая сибирская и очёрская клевета, много раз опровергнутая и высокими органами власти, и печатью.

На фарс-суде спецколлегии в чёрном 1937 году обвиняемому не полагалась защита. А свидетелями выступали только мои зядлые личные враги. Все ходатайства о других свидетелях и документах отменялись. Таково было «правосудие».

Меня приговорили к 5 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в избирательных правах на 2 года...

Если иногда спрашивают меня о самом счастливом дне моей жизни, я отвечаю: это был день 29 октября 1937 года, когда спецколлегия пожаловала мне «пятёрку». Я не шучу. Дело вот в чём. Возвратившегося из суда зека (заклученного) товарищи по тюремной камере допрашивали:

– Сколько тебе приварили?

Тот называл срок.

– А сколько было брехунов на тебя?

Ответ.

И чаще случалось так: два, три, четыре лжесвидетеля набрехивали на 12, 15, 18, 25 лет и на «вышку» (расстрел)! А на меня брехали девятеро!! Я не сомневался, что получу вышку или, по меньшей мере, «четвертную» (25 лет). Но, услышав приговор 5 лет, я действительно почувствовал себя счастливым...

От рассказа о пережитом и виденном в шести тюрьмах и двух лагерях и архангельских дебрях я намеренно воздерживаюсь, следуя благоразумному наставлению А.К. Толстого:

*Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим...*

* * *

Впервые в жизни рискнул я проплыть по воздушному океану¹. И не мало, а 5300 километров! В кассе немудрящего Талды-Курганского аэровокзала я выкинул за билет до Киева более 1100 рублей. Изучил правила о весе ручного багажа, который пассажир может взять с собой в самолёт. А у меня этого багажа-то всего-навсего кот наплакал: скрипка, баульчик с парой белья, куском хлеба и кружкой...

С грустью оставил я на вокзале свою вишнёвую палочку, которой оборонялся от собачьих свор, возвращаясь ночами из ресторана в глиняную халупу.

«Обнарядка» моя в пути-дороге была на удивление: замусленная солдатская шинель, обвислая клоунская кепка и бурые трофейные боты. Всё – надёжное, как раз подходящее для дальнего путешествия. И для жуликов не зазывное. К тому же, в последние месяцы проживания в Талды-Кургане я голодал, а потому шибко усох.

Из города, «окружённого тополями», до Алма-Аты я летел на «кукурузнике». А в нём – тесно, неудобно и тряско. Впрочем, тряска для меня – трин-трава.

Хотя было уже 16 октября, – в столице Казахстана стояла жара.

До отлёта в Москву оставалось часа три. Я отправился поглазеть на привокзальные улицы. И меня ошибло обилие яблок высокоценного сорта «апорт». Куда ни глянь – везде яблоки, яблоки, яблоки! Лежали они навалом в лавках, под навесами и просто под открытым небом. Большие кучи уже гнилых и полугнилых яблок дышали горячим зловонием. Видимо, никому до них не было дела. Чёрт возьми! Сколько же добра пропадало от дикой бесхозяйственности!!!

От Алма-Аты до Москвы летели в шикарном самолёте. Рядом со мною сидел очень разговорчивый молодой казах, учёный биолог. Он во всеулышание хвастался:

– Я вызван в Москву на сессию ВАСХНИЛ. Там мы, советские биологи, под командованием Лысенко будем громить всех этих «генетиков», «мухознатцев» и «муховедев» – Вавилова, Кольцова, Жебрака, Дубинина. Словом, всех заплесневелых менделистов, морганистов и вейсманистов... Мы им всем устроим торжественные похороны...

Никто из пассажиров не дерзал вступать в прю с ярым левозагибщиком. Если он ныне здравствует, то, вероятно, ведёт себя ниже травы, тише воды после всесветного скандала разоблачения теоретических и практических авантюр Лысенко и его последователей, затормозивших развитие советской биологии на тридцать с лишком лет!

Под бахвальство «учёного» в моей памяти всплыл эпизод из «каторжной» эпопеи. В марте 1938 года большую партию осужденных по 58-й статье УК РСФСР липовых «врагов народа» (а в ней был и я) из Пермской тюрьмы повезли в академию социального перевоспитания, т.е. в исправительно-трудовые лагеря в архангельских дебрях.

В Вологодской тюрьме наш этап задержали на две недели. Мой сосед на нарах оказался одним из ближайших научных сотрудников гениального биолога Николая Ивановича Вавилова, возглавлявшего Всесоюзный Институт Растениеводства (ВИР). Сосед любил поэзию. На почве этой любви мы и сблизились с ним. Он тихо, но с артистической выразительностью декламировал стихи многих поэтов. Но особенно часто повторял выражавшее его душевное состояние стихотворение А.Н. Апухтина:

¹ Речь идёт о решении А.М. Топорова перебраться из казахского города Талды-Курган, в котором он спасался от голодной смерти после освобождения из ГУЛАГа, в г. Житомир – по месту службы его старшего сына Юрия. – И. Топоров.

МУХИ

*Мухи, как чёрные мысли, весь день не дают мне покою:
 Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!
 Сгонись одну со щеки, а на глаз уж уселась другая;
 Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,
 Валится книга из рук, разговор упадет бледнее...
 Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!
 Чёрные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:
 Жалят, явят и кружатся над бедной моей головою!
 Только прогонишь одну, а уж в сердце впиалась другая, –
 Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!
 Хочешь забыть, разлюбить, а любишь сильнее и больше.
 Эх, кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!*

Однажды коллега по несчастью доверительно прошептал мне на ушко:

– Я причислен к крамольникам потому, что заступился в ВИРе за учение Николая Ивановича Вавилова, этого неповторимого гения. Но обманутый авантюристом Лысенко – Сталин дал ему дубину в руки, чтобы глушить крупнейших наших биологов. Он истребит и Николая Ивановича Вавилова. И наша биология на много лет умрёт... Но поверьте: если, паче чаянья, нам суждено будет остаться живыми после каторги, мы будем свидетелями краха всех афер Лысенко и его подпевал...

Эти пророчества полностью сбылись. Н.И. Вавилов уничтожен. Лысенко опозорен, а советская биология воскресла после её тридцатилетней смерти и ныне идёт вперед гигантскими шагами, навёрстывая потерянное. Учение Н.И. Вавилова вновь торжествует победу.

На Внуковском аэровокзале я трое суток ожидал лётной погоды. В зале против меня на диване расположился по-домашнему некий высокопоставленный гражданин, следовавший на юг лечить ноги. Он охотно завязал со мною разговор и вёл его в покровительственно-сочувственном тоне. Думаю, что это внушал ему мой жалкий вид.

Раз на ужин мой богатый спутник достал из чемодана банку с консервами, дорожную колбасу, красную икру, сливочное масло и каравай из муки высшего сорта, такой пышный, румяный и ароматный! А в разрезе он – как куриный желток!

Чувствую, что у меня полон рот слюны, а в животе заверещало. Дабы не испытывать мук тантала, я вышел в другой зал. А когда вернулся на своё место, сосед ко мне:

– Товарищ, не хотите ли скушать вот это?.. Я его не люблю.

И он указал на каравай, от которого была отъедена только корочка. Я принял предложение, которое изумило меня... Вскоре мой добряк заснул, а я, налив полную кружку кипячёной воды, жадно и быстро «освоил» неожиданный подарок весом с полкилограмма. При этом я и не подумал, что обжорство вслед за длительной голодовкой могло кончиться заворотом кишок.

Жуя и глотая невыразимо вкусное кондизделие, я, признаваясь, невольно размышлял о страшных социальных контрастах, которыми полна ещё наша жизнь...

И пал мне на ум 1920-й год. Я был охоч до науки и не туп. Меня тянули в Институт красных профессоров. Но я решительно отмёл соблазн. Остался учительствовать в селе. Хотел на самом деле строить социализм. Непоколебимо верил: самое-самое большее – через 15 лет воцарятся на Земле подлинная свобода, равенство и братство. Какая наивная, младенческая вера! Но тогда не я один страдал такой «святой простотой»!

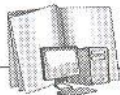
Да, плохо мы учились, как мало знали о сложности жизни, о борьбе многочисленных сил, движущих историю человечества! Да что и говорить о подобной нам мелкоте! Многие великие умы садились в лужу со всеми прогнозами развития хода мировых событий...

От Москвы до Киева я нёсся в лайнере, ещё более роскошном, чем алма-атинский.

Вот я и в столице края, «где всё обильем дышит, где реки льются чище серебра».

Из Киева до Житомира воздушной линии ещё не было. На автобусной станции я купил билет «на завтра». А где же ночевать? Посоветовали: в Доме колхозника. Разыскал я его, устроился. Комната большая, светлая, постель чистая, народу мало. Одно слово – благодать!

Вечерело, но спать не хотелось. Я пошёл посмотреть Киев. Иду медленно по широкому бульвару Шевченко, пялю глаза на разные диковины, которых в городе не счесть.

Внезапно передо мной вырос величественный храм. Смотрю: как будто он знаком мне. Спрашиваю встречного:

- Это какой храм?
- Владимирский собор.

Ага, это тот самый Владимирский собор, изображение которого я видел в раннем детстве на картине «Киевские святыни». Только на той картине Владимирский собор был красный, а теперь я видел его белым.

Я робко вступил в знаменитый храм, загромождённый сетью строительных лесов: реставрировали внутренние украшения. Во мраке огромного собора тускло мерцали немногие свечки перед иконами, из далёкого клироса доносился слабый голос псаломщика. Молящихся – не более десятка. Шла будничная вечеря.

Впервые я обозревал Владимирский собор в августе 1929 года. Цекпрос созвал со всего Советского Союза 29 учителей-журналистов и повёз их на экскурсию в образцовую МТС при совхозе им. Шевченко Одесской области. Я в этой экскурсии представлял всю Сибирь. В Киеве была остановка часов на пять. Экскурсанты воспользовались ею для посещения исторических мест. Между прочим, мы осматривали и Владимирский собор. Объяснения давал монах. Он сокрушённо жаловался на то, что храм не берегли как святыню и памятник искусства. Собор не отапливался в холодное время. От сырости живописные шедевры Васнецова, Нестерова, Котарбинского, Врубеля и других – покоробились, свернулись в трубки. На стенах хулиганствующие атеисты гвоздями понацарапали похабные рисунки и выражения.

Скорбь и возмущение монаха были законны и понятны.

Я через 19 лет опять во Владимирском соборе! И мне радостно было видеть, что славный архитектурный памятник восстанавливался во всём его первоизданном величии...

Горячие, увесистые, да oprичь того, и дешёвые пирожки с печёнкой тоже оставили от Киева сильное впечатление у человека, не раз бывшего при смерти от голода.

Автобус мчал пассажиров на Житомир по ровному бетонированному шоссе. По обе стороны дороги расстилались неоглядные дали, облитые мягким светом осеннего солнца. Кругом виднелась левитановская «золотая осень», а в уме звучали пушкинские строки:

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса...*

В Житомире я, прежде всего, зашёл на Центральный телеграф, где инженером работал мой старший сын. Произошла сцена – и смешная, и грустная. В операционном зале я спросил телеграфистку:

- У вас работает инженер Топоров Юрий Адрианович?
- Работает.
- А можно его видеть?
- Пожалуйста.

И она мотнулась в другую комнату. Через минуту оттуда вышел с телеграфисткой и сын. Официальным тоном он спросил меня:

- Что вы хотите?

Я нарочно долго молчу, ожидая, что сын узнает меня. Но... не узнал! Полная метаморфоза произошла со мной за двенадцать лет каторги!

- Так... так, – наконец прервал я неловкое молчанье. – Так... Родного отца сынок не узнал!
- Батюка! Да ты ли это?!
- Как видишь, сынок...

Объятия, поцелуи, восклицания.

Сын привёл меня на квартиру моей жены – на Новокрошенскую улицу. Жена была во дворе, когда я появился в отворённой калитке. Увидев меня в затрапезном облачении, она на мгновение опешила, а потом узнала пришельца.

Жила жена в частном доме, в комнатке-«пенале». Ей не дали даже коммунхозовского пристанища, хотя она добровольно с Советской Армией дошла до самого рейхстага!

В Житомире я не успел ознакомиться с достопримечательностями. В самом начале 1949 года сына назначили инженером Центрального телеграфа в городе Николаеве, куда перекочевали на жительство я и жена.

* * *

В Николаеве сыну дали мизерное обиталище – прилепок в доме Центрального телеграфа, на улице Розы Люксембург (ныне ул. Никольская. – *И. Топоров*), против греческой церкви. В нашей квартире было две комнатки, выходившие во двор. Из глубокого подвала под ними сквозило в полу зимой и летом пёр холод. К западной стене квартиры примыкало крыльцо, через которое служащие телеграфа круглые сутки бегали в надворные туалеты, оглушительно грохая дверьми. От этого грохота сотрясались тонкие стены наших комнат и мозги их жильцов.

Выйдя из исправительно-трудового лагеря, я первый паспорт получил в Камско-Устинском РО милиции Тат. АССР. Второй – в Старооскольском РО Курской (ныне Белгородской) области. Третий – в ГОМ города Талды-Кургана Казахской ССР. Как и подобало, в первом паспорте значилось: «Выдан на основании справки Каргопольлага НКВД и статьи 39-й Положения о паспортах». Во втором и третьем паспортах основанием для выдачи их служили предыдущие паспорта и таинственная 39-я статья.

В Старом Осколе, Талды-Кургане и Житомире эта статья не чинила мне препятствий при прописке. Не то в Николаеве. Здесь я из-за неё пережил изнурительную канитель. Жену и сына прописали, а меня – нет.

– Почему не прописали? – спросил я паспортиста.

– У вас 39-я! – ответил он, ухмыляясь.

Ядовитая статья уже брала меня в тиски. Много раз до того я допытывался, что она означает. Сотрудники паспортных столов уклончиво отвечали:

– Это для служебного пользования.

– Но, может быть, я ненароком нарушу её, не зная, что она требует от меня, и опять попаду в тюрьму?

Загадочные улыбки и молчанье...

В милиции города Николаева я понял, что паспорт, «украшенный» 39-й статьей, – это нечто вроде дореволюционного «волчьего билета», запрещавшего политически неблагонадёжным лицам проживание в режимных местах. Это – «хвост» статьи 58-й УК РСФСР. Мне неведомо было, кто и когда мог отрубить его. Давила мрачная мысль: вероятно, с этим «хвостом» придётся лечь в гроб.

И пошёл я по мукам в хлопотах о разрешении прописки в Николаеве. Подал петицию в паспортный стол областного управления МВД. И потерял счёт моим явкам к толстоносому, провонявшему табаком майору Антонову и хромому капитану Бебешко. Дёргали они и моего сына. Заставляли его давать морально-политическую характеристику отцу. Но длиннейшая волынка всё же подошла к концу. Майор Антонов объявил мне:

– Идите во 2-е отделение милиции, там получите результат.

Я пошёл. Смуглявый, прыщеватый писарёк-паспортист завёл меня в особую комнату.

И он подсунил мне печатную формочку:

– Вот... Прочтите и подпишите.

Я прочёл и дал подписку о выезде из города корабелов. А прыщеватый писарёк посоветовал мне:

– Ну, а теперь пишите, товарищ Топоров, заявление начальнику областного управления МВД майору Свиридову.

– О чём?! – удивился я.

– Как о чём?! О разрешении вам проживать с семьёй в Николаеве.

– Так сам же этот начальник предписал мне убраться отсюда. И я только что дал подписку о выезде.

– А я вам говорю: пишите заявление. Он разрешит.

Хоть и нелогичным было предложение писарька, но я видел, что оно от чистого сердца. Я послушался моего доброхота. К моему изумлению он оказался прав: майор Свиридов разрешил мне полугодовую прописку – до 1-го октября 1949 года. По истечении этого срока я снова просил майора

Свиридова о продлении прописки. Так я перебивался в режимном городе корабелов до смерти Сталина и последовавшей амнистии от 27 марта 1953 года. И я ещё раз убедился в том, что даже при самом драконовском режиме любой начальник может оставаться Человеком, если того пожелает.

Теперь великодушный майор Свиридов в отставке и на пенсии. Я иногда встречаю его – спокойно шагающего по тротуарам Николаева или сидящего с удочкой на берегу Южного Буга. Всё порываюсь поговорить с ним и благодарно пожать ему руку за его доброе сердце...

На мою учительскую пенсию в 210 рублей старыми деньгами существовали двое: я и жена-иждивенка. Этой пенсии едва хватало, как говорится, на хлеб насущный... без масла! А про культурные потребности пришлось забыть. Я, отдавший всю жизнь, все лучшие годы и силы народному просвещению, не мог теперь позволить себе хотя бы раз в месяц пойти в театр, кино, выписать литературный журнал, поставить радиоточку, послушать концерт какого-нибудь лауреата.

Об учительской работе уж и не помышлял: кто же осужденного по 58-й статье пустил бы на идеологический фронт?! Мои корреспонденции печатали крайне редко, и только те редакции, которые не знали о том, что я был одной из многих жертв лихолетья.

Областное управление связи как-то провело, что я – педагог-словесник и литератор. Оно предложило мне работу на кратковременных курсах русского языка для почтальонов и телеграфистов. Там я и подрабатывал некую монету...

Но недолго мне довелось искоренять жуткую безграмотность связистов. Опять меня прижучила треклятая 39-я. Ко мне на уроки зачастил начальник отдела кадров областного управления связи А.Я. Ш-ский, обрюзглый чинуша, старавшийся казаться «шибко вумным», «недрёманным оком». Он с миной знатока дела сверлил меня выпученными, «рачьими» глазами. Его визиты предвещали очередную мерзость. Так и вышло. Вскоре меня с курсов убрали. И тут каверза от 39-й!

Я пожаловался Министру связи УССР.

Через три недели меня вызвал начальник областного управления связи и попенял:

– Ну зачем вы жаловались Министру? Мы на месте решили бы ваш вопрос.

Какое детское лукавство! Как будто не он санкционировал моё изгнание с курсов. Я отпарировал:

– Верю в мудрость высшего начальства и потому апеллирую к нему во всех трудных случаях жизни... Научили.

Я снова на курсах. Продолжаю искоренять безграмотность. Неожиданно мне оказали честь: пригласили преподавать русский язык связистам высших рангов – сотрудникам управления. Для обозначения широты и глубины моих новых уроков их назвали громко лекциями по стилистике!

На первый раз я предложил почтенной аудитории небольшой диктант на простейшие правила орфографии и пунктуации. И что же? Если бы к этому диктанту применить нормы оценок, рекомендуемые Министерством просвещения для общеобразовательных школ, то ни одному из моих высокопоставленных связистов (а в их числе был и А.Я. Ш-ский) нельзя было бы поставить тройку!!!

Но вот что удивительно. Несмотря на их вопиющую языковую безграмотность, связисты Николаевской области не раз занимали первые места на республиканских и всесоюзных конкурсах, получали премии, почётные грамоты, ордена!

Среди моих знакомых много врачей, агрономов, инженеров, техников, архитекторов, экономистов, художников, композиторов, которые всю «взрослую» жизнь находятся в разладе с обыкновенной грамматикой. Но все они отлично знают свои специальности, безупречно работают, получают чины, звания, премии и награды. И я думаю: во многих областях человеческой деятельности можно добиваться великолепных результатов и без «приличного» знания своего языка. У нас целые армии людей умных, талантливых, изобретательных, даже гениальных, но грамотных в языке так же мало, как белых ворон! Впрочем, абсолютно грамотного в русском языке человека на свете нет. Это потому, что в орфографии и пунктуации нашего языка царит вавилонское столпотворение: субъективизм, путаница, разнобой и явные бессмыслицы. Не зря академик А.И. Соболевский ежегодно начинал чтение курса синтаксиса заявлением: *«Вряд ли найдутся два преподавателя русского языка, которые, сделавши друг другу синтаксический разбор, оценили бы его удовлетворительной оценкой».*

Впрочем, это тема уже совсем другого рассказа...

Попытался я восстановить свой профсоюзный стаж, но Цекпрос отрубил: нельзя! И в этот раз я почувствовал тиски 39-й. Лишь амнистия 1953 года вырвала меня из них. Из моего нового паспорта

был навсегда изгнан этот тиран. Однако амнистия – только помилование, а не оправдание. Клеймото «враг народа» она не смыла с моей репутации. Жгучее чувство обиды за незаслуженный позор, лишения и страдания – было столь сильно, что в течение пяти лет рука моя не поднималась просить о реабилитации. Я отдавал всю душу советской массовой культурно-просветительной работе, партизанил против колчаковщины, а мне приклеили страшный ярлык и долго терзали в тюрьмах и лагерях.

Материальная нужда в моей семье дошла до предела. Жена пилила меня:

– Подавай же на реабилитацию! Доколе же будем сидеть на корке хлеба да на воде?!

И начальство в управлении связи настаивало:

– Подавайте! Необоснованно обвинённые по 58-й статье теперь подают заявления. Их оправдывают. Они получают двухмесячную зарплату, квартиры и даже компенсацию за арестованное при аресте имущество. Не забывайте и то, что ваша судимость по политической статье дурно отражается на служебной карьере вашего сына... Подавайте!

Моё горделивое упрямство было сломлено. Я обратился к Верховному Суду РСФСР. Последовал немедленный ответ:

«РСФСР ВЕРХОВНЫЙ СУД

16 декабря 1958 г. № 45-8ис-51. Москва, К-12, ул. Куйбышева, д. 3/7

СПРАВКА

Выдана в том, что приговор Свердловского областного суда от 29 октября 1937 года, которым Топоров Адриан Митрофанович, 1891 года рождения, работавший учителем школы № 5 в гор. Раменское, Московской области, был осужден по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 9 декабря 1958 года отменен с прекращением дела производством за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

В. КРЮКОВ»

Надо было узнать точно о порядке получения двухмесячной зарплаты. Об этом ничего не было в печати. Я смекнул, что необходимое разъяснение получу в Николаевском областном суде. Явился туда. Попал к угрюмому судье. Спросил его:

– Есть ли закон о выплате двухмесячной зарплаты необоснованно репрессированным и затем реабилитированным Верховным Судом?

– Такого закона нет, – буркнул судья, не глядя на меня.

В компании приятелей я рассказал об этом ответе. А один педагог и говорит мне:

– Судья вам соврал. Закон такой есть. Я знаю, что по нему реабилитированные получили всё то, что им положено. Идите-ка к юрисконсульту облпрофсовета товарищу Ярусу. Он покажет вам этот закон.

И верно: тов. Ярус дал мне сборник Постановлений Совета Министров СССР. Я из него скопировал Постановление от 8 сентября 1955 года за № 1655 – «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлечённых к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных».

Жалею, что не записал фамилию областного судьи-мизантропа, беспардонно обманувшего меня. Кто он был? Сознательный вредитель или невежда, позоривший советские законы?..

Постановление № 1655, заверенную нотариусом копию Справки Верховного Суда РСФСР о реабилитации меня я направил Раменской школе № 2 на предмет получения от неё двухмесячной зарплаты. Просил и документ об этом. На основании этого документа собес должен был установить мне новый размер пенсии.

24 февраля 1959 года, вооружившись неотразимыми документами, я, подобно песенному Мальбруку, двинулся в поход в органы собеса. Но там-то и «тайлась погибель моя»! Николаевские собесовские крючкотворы признали неправильной справку Раменской школы потому только, что в ней не стояло слово «реабилитированному» («...выплачено реабилитированному А.М. Топорову»).

Возражаю:

– Но ведь у вас в руках важнейший документ – справка самого Верховного Суда РСФСР о реабилитации меня.

– Нет, этого мало. Надо, чтобы в бумажке из Раменской школы было написано: выплачено реабилитированному...

Так-таки и не назначили мне пенсию с 24 февраля 1959 года. Я вынужден был направить дирекции Раменской школы сущий вопль: пришлите, пожалуйста, вторую справку со словом «реабилитированному»! Но, видно, правда, что на бедного Макара все шишки валятся. Пришла вторая бумажка из Раменского:

«Дана учителю-пенсионеру Адриану Митрофановичу в том, что Раменская школа № 2 (бывш. № 5) выплатила ему 13 февраля, как реабилитированному Верховным Судом РСФСР, двухмесячную зарплату из расчёта 757 рублей 35 копеек в месяц, а всего 1514 рублей 70 копеек, согласно Постановлению Совета Министров СССР № 1655 от 8 сентября 1955 года.

*Директор – ЯКОВЛЕВ
Бухгалтер – ГУСЕВА».*

Принёс я эту грамоту в собес, показываю инспектору.

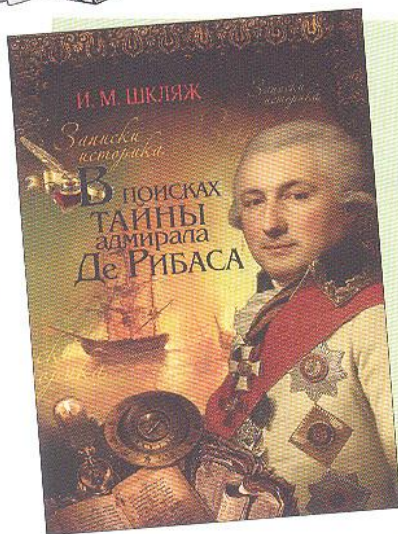
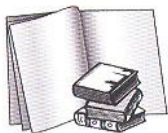
– Это другое дело! Теперь всё правильно.

– Как правильно?! – кричу я, смеясь сквозь слёзы. – А где же в справке моя фамилия?! Посмотрите!

– Ах, да-да-да! – спохватился он, перечитывая цидулку. – Фамилии-то вашей нет! Значит, и эта справка неправильная. Не можем по ней назначить вам пенсию.

Послал я в Раменское мольбу о третьей справке. Так каменные души николаевских собесовских самодуров и разгильдяйство раменских растяп отняли у меня почти месячную пенсию. И смех, и горе!

И. М. Шкляж**В поисках тайны адмирала де Рибаса**

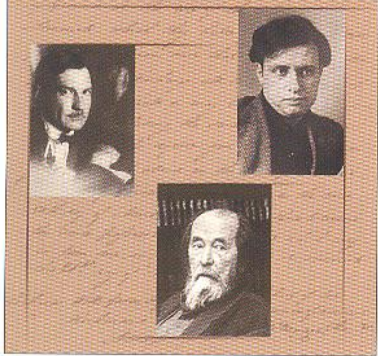
События, которые описываются в этой книге, переносят нас то в начало 90-х годов XX столетия (в города Стамбул, Париж, Иерусалим), то мы оказываемся в круговороте страстей последней трети XVIII века...

Читатель познакомится с малоизвестными фактами из истории Европы и стран Ближнего Востока; особый интерес представляет прошлое еврейского народа, нередко становившегося жертвой религиозной нетерпимости и укorenившихся средневековых предрассудков.

Страницы из бурной жизни основателя Одессы могут показаться почти неправдоподобными, хотя эта работа не может считаться биографией де Рибаса...

Основная идея книги – неприятие любого проявления национальной, религиозной нетерпимости и антисемитизма.

Владимир Гладышев

Город «на стыке моря и лимана» и Мир**В. В. Гладышев**
Город «на стыке моря и лимана» и Мир

Книга профессора ННУ имени В. А. Сухомлинского В. В. Гладышева рассказывает о Николаеве и николаевцах, об истории города и людях, которые стали его историей; автор также рассматривает широкий круг актуальных проблем современной культуры. Второе издание книги доработано и дополнено статьёй о Марке Лисянском.

Ирина Грунская
Сказки летнего сада

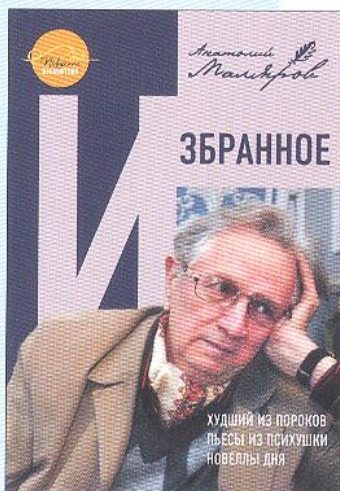
«Сказки летнего сада» – вторая книга нашей детской писательницы Ирины Грунской, автора сказки «Тимоня», которую уже успели полюбить маленькие и взрослые читатели.

Это поучительные истории для детей, в них много трудностей и преград, которые с достоинством преодолевают положительные герои сказок. Персонажи книги разные: забавные и серьезные, веселые и грустные, добрые и злые, чуткие и черствые. Но ни один из них не оставит равнодушным юного читателя.

А. А. Маляров
Избранное

За свои восемьдесят лет Маляров пешком прошел десять тысяч верст, выслушал десять мудрецов и тысячу глупцов Украины, России и Закавказья, прочел и перечел три-четыре сотни лучших книг... поставил две дюжины спектаклей на телевидении и дюжину – на подмостках театра... написал три тома прозы и том пьес... посадил не дерево – рощу, родил сына, получил от убогой державы «хрущевку» о две комнаты. «Худший из пороков» – останется в литературе; «Новеллы дня» – маленькие шедевры; «Пьесы из психушки» – находка для лицедеев.

Тарас Кремль

Анна РУМЯНЦЕВА:

«ЗОЛОТОЙ ФОНД – ЭТО КНИГИ, ЗА КОТОРЫЕ НЕ СТЫДНО»

– Анна Валериевна, давайте вспомним раннее детство. Жила-была девочка Аня, которая любила... читать или рвать книжки?

– Ой, нет! Рвать – не рвала. До такого не доходило. Конечно же, читала. Самая любимая книжка – «Дядя Фёдор, пёс и кот»... Когда мы издавали книгу Ирины Грунковой «Тимоня», она мне так напомнила детство! Я её прочитала от корки до корки, с большим удовольствием. Для меня вообще детские книги – это сказки. Я их до сих пор люблю.

– Кто-то хотел в детстве стать космонавтом, кто-то продавцом мороженого. А маленькая Аня хотела быть книгоиздателем?

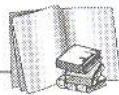
– Вообще не было такой мысли! У меня мама зубной врач. Вот я с трёх лет и сидела возле мамы, заглядывала пациентам в открытые рты. Смотрела, как это всё устроено. Медицина меня привлекала, но стать врачом явного желания не было. Уезжать из города тоже не хотелось. Вот так и возник Николаевский пединститут. Профессия педагога меня привлекала.

– А потом отношение к книгам менялось? Как возникла идея издавать книги?

– Книга во взрослой жизни, да ещё и как собственное дело, возникла совершенно случайно. Муж встретил своего одногруппника – Вадима Евгеньевича Кобзаря, который уже в то время профессионально занимался редактированием и вёрсткой книг. И говорит: а не заняться ли нам издательским делом? Это был 2003 год. Позади были «тяжёлые девяностые», и мы, как все с сумками в руках зарабатывали деньги челночным способом. Всё, что заработали, – и вложили в покупку начального оборудования, в издательство, т.е. в наши рабочие места. А если я за что-то берусь и это мне нравится – буду работать день и ночь, готова не спать и не есть. Вот как тогда включилась – так и по сей день.

Румянцова Анна Валериевна. Директор николаевского издательства «Илион». Родилась 3 августа 1970 года в Николаеве. Окончила СШ № 31 и физико-математический факультет Николаевского государственного педагогического института им. В. А. Сухомлинского (1991). Замужем, воспитывает двоих детей. Издательской деятельностью занимается с 2003 года. Издаёт научно-популярную, художественную, детскую литературу и учебники для вузов.

– На одной из презентаций вы произнесли: «Золотой фонд нашего издательства». Что это за фонд?

– Я так скажу – это не какая-то официально закреплённая серия. Это книги, за которые не стыдно. Мы ведь можем в месяц и по 30 книг издавать. Но, сами понимаете, какой это поток, какой уровень. Бывает, и целый год проработаешь, а достойных книг – раз-два и обчёлся...

Золотой фонд, в первую очередь, – это ощущение качества явленного текста, уровня автора. Ну и, понятно, качество нашей работы. Внутреннее ощущение, гордость за то, что ты эту книгу издаёшь. Это вроде, знаете как, – сплошь бижутерия, а тут – хлоп! – бриллиант появился.

– Расскажите о вашей команде. Это действительно команда или же часто меняющийся коллектив?

– Наш коллектив – это именно небольшая команда. Поскольку я серьезно отношусь к качеству, то длительное время формировала трудоспособный, творческий коллектив, ведь от этого напрямую зависят результаты работы. Создала атмосферу доброжелательности, взаимопомощи, открытости, сердечности. Ориентируясь на эти качества, подбираю людей – скромных, порядочных, преданных. Убеждена, что именно при таком подходе можно избежать текучки, создать команду творческую, ответственную, надежную, где царят согласие, единение, духовное родство.

– Что для вас вообще связано с понятием «Родина», что откликается на это слово?

– Родина для меня – это родной язык. Вы даже себе не представляете, насколько для меня важен язык. Это возможность максимального выражения своих мыслей.

– А что такое счастье?

– Счастье – это внутренняя гармония. Я для себя уяснила – это абсолютно не связано с финансовым состоянием. Совсем никак. Даже, знаете, на разных полюсах находится. Счастье – это когда в жизни есть повод для радости.

– **Что Вы не любите?**

– Не люблю людей тупых, лицемерных и жадных, которые всё подчиняют собственной выгоде. Мне претит безответственность, недисциплинированность, фальшь.

– **А что любите?**

– Люблю жизнь... Люблю жизнь во всех ее проявлениях – и в счастливых, радостных, и в тревожных, трудных. Приходится бороться с хамством и грубостью, убеждать в простых истинах. Зато приходит ощущение радости от преодоления проблем. Люблю свою работу – трудную, сложную, которая порой требует и смирять себя. Люблю что-то новое, неожиданное, что преподносит наша работа ежедневно. А ещё – люблю свободу. Свободу выбора.

– **И в заключение, что можете сказать о журнале «Соборная улица»? Что пожелаете его читателям и редколлегии?**

– Скажу, что это нужное и профессионально сделанное издание. Такого журнала в Николаеве ещё не было. Он уже вошёл в историю города. Хочется пожелать, чтобы журнал выходил долгие годы. Чтобы получал постоянное надёжное финансирование и увеличил свой тираж – ведь он вдвое меньше, чем количество библиотек в нашей области.

Беседовала Оксана Евзикова

5 ВОПРОСОВ ИЗДАТЕЛЮ

1)

Анна Валериевна, какие книги никогда не издали бы даже за хорошие деньги?

Прежде чем взять книгу в работу, я сама знакомлюсь с её содержанием в электронном формате, консультируюсь со специалистами издательства и только после этого принимаю окончательное решение: заключать договор с заказчиком или корректно отказать ему. Издательское дело – это бизнес, но есть нравственные нормы, которыми я не могу поступиться «даже за хорошие деньги». Я не приемлю материалов, содержащих идеи национальной разобщённости, тексты с ненормативной лексикой, а также пропагандирующие ненависть, насилие, вызывающие у интеллигентного человека чувство неприятия.

2)

Ваше издательское кредо?

Нельзя работать с клиентом, исходя из одной финансовой выгоды. Каждый заказчик должен знать: наше издательство – та колыбель, в которой возрастает его только что рождённая рукопись, превращаясь в будущую книгу. Стараюсь создавать для клиента атмосферу доверия, уважения, теплоты, чтобы каждый у нас

чувствовал себя как дома. Продукция, выпущенная у нас, должна быть качественной. А для этого нужны профессионалы и попросту ответственные работники. Нужно тщательное соблюдение стандартов книгоиздания.

3) Что вас поддерживает как издателя и как человека?

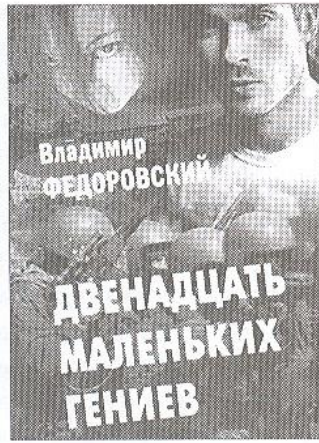
Сегодня книге трудно выдержать конкуренцию с Интернетом, видео, компьютером. Однако, вопреки этому, количество выпускаемых книг растёт. Трудно остаться на плаву, ещё труднее выйти на уровень успешного издательства. По-настоящему меня поддерживает группа очень талантливых писателей, учёных, исследователей, историков и краеведов. Они наши постоянные заказчики, наши преданные друзья. Многие из них предлагают печататься в других издательствах. И всё же, после некоторых колебаний они приходят к нам. Взаимопонимание клиента и исполнителей – залог успеха в нашей работе. А ещё очень поддерживает, по-человечески, моя команда – профессионалы и просто умные, ответственные, хорошие люди. И я люблю свой коллектив и друзей (иначе преданных тебе заказчиков не называют).

4) Как оцениваете местного читателя, ориентируетесь ли на его интересы?

Главным культурным событием нынешнего времени стал выход в Интернет. Именно глобальный мир Сети определяет портрет современного читателя, который значительную часть жизни проводит перед монитором. Но однозначно оценивать человека, сидящего за компьютером, нельзя. Кто-то «тупеет» от долгого электронного общения, а кто-то становится очень требовательным читателем. Сегодня молодёжь в своей массе предпочитает литературу развлекательного характера. Наиболее популярны детективы, триллеры, мистика, фантастика, в общем, чтение для них – способ проведения досуга. Однако и сегодня есть любители и ценители серьёзной научной, философской и художественной литературы. Поэтому нас радуют авторы, создающие яркие самобытные произведения, несущие нравственный заряд, способные положительно влиять на формирование моральных качеств читателя.

5) Будущее регионального книгоиздания: каким его видите?

Однозначно – не безоблачным. Свидетельство тому – массовое исчезновение книжных магазинов и даже киосков. В чём причина? Книжный мир перенасыщен низкопробной, преимущественно оплачиваемой рекламной продукцией. Художественные же произведения издаются чаще на средства автора, не самого обеспеченного человека, поэтому путь книги к своему читателю растягивается на годы. Ещё одна проблема – низкая платёжеспособность населения нашего региона, не имеющего возможности приобретать добротную продукцию. Книги издаются небольшими тиражами, что, приводит к высокой стоимости одного экземпляра. Требования к качеству также определяют значительные затраты на издание: современное оборудование, хорошая бумага, краски, а также персонал с высоким уровнем подготовки и ответственным отношением к делу. Тем не менее, с оптимизмом смотрю в будущее. Спрос на высокохудожественную и качественную издательскую продукцию не исчезнет. Ещё не одно поколение людей будет с трепетом брать в руки новенькую книгу, пахнущую свежей типографской краской!

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ – НАШИ ДНИ

Высшая мечта писателя: превратить читателя в зрителя.

В. Набоков «Отчаяние»

В канун 2013 года николаевское издательство «Илион» презентовало сразу три сборника пьес В.А. Федоровского: «Учитель русской литературы», «Шагнувшие в пропасть» и «Двенадцать маленьких гениев». Каждый из них отмечен авторской ремаркой – «Время действия – наши дни». Изящно изданные книжки одноактных пьес и оригинальных драм погружают читателя в стихию постсоветских общественных отношений. Вот 22-летняя выпускница университета, не найдя работы по специальности, проходит собеседование в кабинете директора строительной компании. Тот готов предоставить симпатичной девушке должность секретаря офиса, но при условии исполнения всех желаний иностранных гостей его компании («Учитель русской литературы»). В одноактной пьесе «Клятва Гиппократа» дочурка-студентка вместе с папой – директором двух рынков и супермаркета – пытаются купить у преподавателя положительную экзаменационную оценку. А вот сцена из жизни современного колледжа: 27-летней преподавательнице удалось хитростью обуздать наглость похотливого директора («Ультиматум»). Федоровский прекрасно знает современные реальности, его адреса конфликтов точны, а диалоги персонажей хорошо соответствуют намеченным сценическим характеристикам.

В пьесе «Шагнувшие в пропасть» автор по-прежнему обращается к своим привычным молодым героям – это Вика, Жора, Сергей, Элла, Игорь, учащиеся колледжа, средней школы. Они сумели приспособиться к новой социокультурной среде. Судьбы их трагичны, ибо школьники игнорируют общепринятые нормы нравственной жизни. Соблазны общества потребления и роскоши толкают юных на преступление. Оступившись однажды, они шагнули в бездну.

Обнаруживая зоны риска современной действительности, Федоровский создает ещё более драматическую картину в романтической истории «Двенадцать маленьких гениев». Он представляет читателям всего лишь двух действующих лиц, мужчину и женщину, которые в чрезвычайной жизненной ситуации обретают и одновременно теряют надежду. Думается, у последней пьесы могла быть успешная сценическая судьба, потому что автор соотносит характеры и поступки своих героев с общим состоянием мира. Контекст этого произведения наиболее близок чеховскому психологическому театру.

Пример творчества нашего автора даёт основание говорить о проблемах современного театра в Украине, который развивается весьма противоречиво. Внешне картина вполне благополучная: академические театры предлагают зрителю весь мировой репертуар, успешно действуют театральные коллективы с государственным финансированием, самодеятельные студии, проходят многочисленные театральные фестивали. На сценических площадках русского, украинского театров города Николаева – Шекспир, Чехов, Достоевский, Леся Украинка, И. Нечуй-Левицкий, Г. Ибсен, Г. Лессинг, Й. Штраус. Классика торжествует. А где альтернатива, современная тематика, драматургия наших дней?

Совершенно справедливо о создавшейся ситуации («критической») пишет украинская поэтесса и театральная критик Неда Неждана: «Сегодня театр не может полноценно развиваться без новейшей пьесы; классика и современность – это как два крыла... Вопрос современной отечественной драмы – это вопрос, насколько вообще интересен, оригинален и актуален наш театр, как он чувствует своё время, свою публику. Иначе это будет театр-музей или, по словам Ф.-Г. Лорки, «театр, где убивают время».

Во имя той же справедливости нужно сказать, что в Украине всё-таки современная драма существует и ставится, есть и авторы, которые пишут новейшие пьесы. В Николаевском русском театре трижды демонстрировал свои работы известный одесский прозаик и драматург Александр Мардань, зрители знакомы и с современными пьесами Анатолия Крыма; имеет опыт таких постановок и Николаевский украинский музыкальный театр. Достаточно вспомнить на его сцене персонажей Анатолия Малярова.

Недавно Центр театрального искусства им. Л. Курбаса (Киев) сформировал информационный сборник «Авансцена», куда включил 50 авторов – зрелых мастеров и дебютантов, успешно осваивающих современную драматургическую тематику. У всех них уже есть публикации, постановки, даже награды. К их числу вполне мог быть причислен и В.А. Федоровский.

Отсутствие его имени среди последователей жанров современной драмы можно объяснить различными обстоятельствами. Во-первых, мы не проявляем особый интерес к создателям новых современных пьес. Это замечание касается всех приверженцев современной тематики в театре, ибо не существует программы государственной поддержки и популяризации театральных проектов.

Скромное положение В. Федоровского среди авторов театра связано и с крутыми поворотами его биографии. Он родился в 1949 г. в Николаеве, свой первый рассказ опубликовал в многотиражке судостроительного завода им. 61 Коммунара. Были в его судьбе и шесть счастливых лет учёбы в Литературном институте им. А.М. Горького (1976–1982). Семинар драматургии, которыми руководили Владимир Пименов и Инна Вишневская – профессора, знатоки законов театрального искусства. Он жил в мире острых общественных и литературных проблем, в студенческое общежитие к заочникам, не понаслышке знающим о жизни и уже вкусившим первый опыт сценических постановок своих произведений, приходили Василий Белов и Виктор Астафьев, Булат Окуджава и Ярослав Смеляков. Их смелые, даже порой дерзкие суждения учили самостоятельности мировосприятия. Только такой откровенный разговор был достоин новой драмы. Дискуссии в семинаре, выступления сокурсников Марии Арбатовой, Владимира Малягина (ныне известные драматурги, прозаики) запомнились надолго. Творчество молодых литераторов всячески поддерживали вузовские наставники. Особенно выделяла пьесы Владимира И. Вишневская. В рекомендации к издателям она писала: «Многие годы я знаю Федоровского как человека серьёзного, дельного, озабоченного сложнейшими проблемами нравственной жизни современного поколения. Мне очень нравятся его пьесы, я бы хотела, чтобы с ними познакомилась и наши журналы и театры». А лауреат Государственной премии СССР, драматург Виктор Розов на предложение оппонировать при защите дипломной работы выпускника Литинститута отозвался так: «Я приветствую появление пьес Владимира Федоровского и очень рад быть оппонентом у талантливого человека».

У героя нашей публикации был ещё один этап жизни, не отмеченный особыми литературными достижениями, но всё-таки знаковый для его семьи и родных: нулевые годы, когда, выражаясь словами Л. Курбаса, «воля к жизни вытесняла волю к культуре». В. Федоровский был вынужден освоить новую профессию, работал в научно-внедренческом центре, стал создателем оригинальных научных трудов, был избран академиком Нью-Йоркской академии наук (1998).

Сегодня он автор 7 книг прозы, драматургии, цикла рассказов для детей. Его произведения публиковались в репертуарных сборниках московского издательства «Искусство», отмечались премиями на различных конкурсах, транслировались по радио, их ставили в театральных студиях.

С сожалением приходится говорить о том, что дорога на сцену для новой современной драмы чрезвычайно осложнена. Это проблема всей украинской театральной жизни. Руководители театров, режиссёры неохотно работают с незнакомыми авторами. Надёжнее ставить классику. Драматурги сегодня вынуждены писать литературные пьесы для чтения. Между тем отечественный театральный опыт знает множество форм тестирования конкурентоспособности оригинальных произведений: распространены фестивали читок пьес, мастер-классы для драматургов, презентации первочтений, семинары, творческие встречи, где происходит знакомство автора и режиссёра. Наконец, современная драма нуждается и в поддержке масс-медиа. Думаю, сотрудники литературных отделов городских театров, актёры, театральные критики не отказались бы послушать маленькие пьесы В. Федоровского.

За чем же дело стало?

Евгений Мирошниченко

СБЕРЕЖЁННАЯ ПАМ'ЯТЬ

Известный николаевский коллекционер В.А. Юрлов предложил для обозрения (экспозиция в Центральной городской библиотеке им. М.Л. Кропивницкого) всего лишь часть своей коллекции, которая насчитывает более 8000 редких изданий почтовых открыток и фотографий.

Коллекционировать он начал в детстве, когда все его сверстники увлекались собиранием почтовых марок, значков и этикеток. Позже пришла страсть к чтению, книгам, которые раньше были большим дефицитом. Чтобы иметь возможность читать хорошие книги, он помогал библиотекарям и получал доступ к книжным полкам. «Книги дают знания. А знания увеличивают желание видеть, слышать, познавать профессиональные принципы собирательства», – говорит коллекционер.

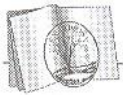
Филокартия зародилась в конце XIX в., когда был налажен массовый выпуск иллюстрированных почтовых открыток, получивших международное распространение как самый дешёвый вид почтового отправления. К началу XX века филокартия – уже популярное увлечение людей всех возрастов.

Почтовых открыток с изображением видов города Николаева в коллекции В.А. Юрлова более полутора тысяч. По его мнению, академическая серия видовых открыток, посвящённых старому Николаеву, составляет приблизительно 1800 экземпляров. Его коллекция тематически исчерпана, её уже невозможно пополнить, поэтому новым увлечением собирателя стала живопись. Ему удалось также собрать коллекцию русского модерна, она сейчас путешествует по выставочным залам Украины.

В экспозиции Центральной городской библиотеки были представлены почтовые открытки с видами Николаева и любительскими фотоснимками конца XIX – начала XX вв. Экспонировались также довольно редкие видовые открытки местечек Херсонской губернии – Голты (г. Первомайск), Вознесенска, Очакова. Неизгладимое впечатление оставляют фотоснимки с тематическим названием «Николаев сквозь объектив немецких оккупантов».

Николаєвъ. Городская Управа
Nikolaïew. L'Hotel de ville

Как известно, самым ранним из издателей почтовых карточек на юге России был И.М. Сад, кременчугский купец, который выпустил около 16 серий открыток. Николаевский издатель Я.В. Поповский наводнил киоски почтовых станций и железнодорожных вокзалов видами Николаева, Херсона, Одессы. В коллекции собирателя имеются и почтовые открытки А. Финкельштейна, Ш. Александровича, которые заказывали свою продукцию в Германии и Норвегии. Характерно, что на иллюстрированной стороне старой почтовой карточки, её ещё называли открытое письмо, полагалось писать текст сообщения, а на оборотной стороне размещался только адрес и почтовая марка.

На почтовых открытках из частной коллекции улицы старого Николаева с историческими названиями: Соборная, Спасская, Большая Морская, Адмиральская, Потёмкинская. В городе имелись две большие площади – Соборная и Базарная. Один из снимков запечатлел Бульвар и вид на реку, другие открытки изображают яхт-клуб, мосты через Ингул, Южный Буг. Эти места любимы и почитаемы николаевцами и сегодня. Флотский бульвар – утопающая в зелени пешеходная набережная вдоль реки. Это название он получил в 1976 году. Ранее бульвар назывался Морским, позже – Ингульским, ещё позже – адмирала С.О. Макарова. Памятник выдающемуся земляку и учёному украшает живописный уголок города.

Вот снимки учебных заведений – женской Мариинской гимназии, Александровского реального училища. В Николаеве было несколько театров, так называемые народные сады (сады трезвости), общественная библиотека, дворец губернатора, морское собрание, городская управа, обсерватория. Их названия хорошо читаются на почтовых карточках столетней давности.

В экспозиции В.А. Юрлова имеются и сюжетные снимки: «Возвращение рабочих с завода», «С вокзала в город», «Мещанская улица. Наводнение 1903 г.» и др. На изданиях рубежа двух веков появляется памятник А.С. Грейгу – адмиралу, командующему Черноморским флотом, военному губернатору Николаева. Монумент был торжественно открыт 21 мая 1837 года. Общий проект памятника был разработан М.О. Микешиним, фигура Грейга – работы скульптора А.М. Опекушина. Судьба памятника сложилась трагически. В 1922 году по решению губернского совета он был разрушен.

Об интенсивном экономическом развитии города свидетельствуют фотографии промышленных объектов – «Французский завод», «Судостроительные заводы», «Крейсер «Калуга», «Городская электрическая станция». Раритетные видовые открытки во многих ракурсах представляют Адмиралтейство, морской порт, элеватор. А вот популярные городские учреждения – «Морской госпиталь», «Водолечебница», «Гостиница Лондонская», «Государственный банк», «Военная гауптвахта». Следует заметить, что в Николаеве в начале XX в. насчитывалось более 20 гостиниц. Но именно «Лондонская» (здание не сохранилось) попала на почтовые открытки как самая большая и самая красивая. Она располагалась на углу улиц Соборной и Спасской под номером 40. Гостиница была построена в 1896 году в стиле ампира. В ней останавливались актриса В. Комиссаржевская, писатель Е. Замятин.

После Крымской войны, когда город лишился морских экипажей, в здании бывшей военной гауптвахты разместили первую экспозицию Николаевского музея изящных искусств им. В.В. Верещагина (1914). Поражает разнообразие культовых зданий. В старом Николаеве действовали Рождественская церковь (православная), Рождество-Богородичный собор, Старо-купеческий собор, католическая церковь, хоральная синагога, татарская мечеть, лютеранская церковь. Вот откуда исторически сложившаяся терпимость многонационального населения Николаева.

По данным библиотеки, выставку посетили более 600 николаевцев и гостей города. О популярности частного собрания свидетельствуют записи в книге отзывов: «Замечательная выставка! Большое спасибо Юрлову Вадиму Анатольевичу за сбережённую память о старом Николаеве!».

Лариса Жайворонок

КОНКА НА СОБОРНОЙ УЛИЦЕ

Первая конно-железная дорога была построена в 1852 г. французским инженером Луба в Нью-Йорке. Вскоре новый тип дорог широко распространился и в Европе. В 1890 г. общая протяжённость конки в разных странах насчитывала: Америка – 8956 км; Германия – 1286 км; Россия – 598 км; Голландия – 592 км; Франция – 508 км; Англия – 343 км; Италия – 223 км и т.д. В Российской империи конка была построена в большинстве крупных городов и губернских центров. Как правило, это делалось с участием иностранного капитала. В Николаеве для этих целей было создано «Бельгийское анонимное общество николаевских конно-железных дорог», построившее и эксплуатировавшее конку на концессионных основаниях с 1897 по 1914 годы.

26 июля (7 августа) 1897 г. началось движение на первом николаевском маршруте – от часовни Александра II (на углу Соборной и Херсонской) до Военного рынка на Слободке. В декабре того же года была проложена вторая линия конки – от центра города до железнодорожного вокзала. Следующий маршрут, пущенный в июне 1898 г., связал город со Спасском (Яхт-клуб). Маршрут действовал только в летнее время (с 15 октября по 15 марта движение приостанавливалось). На конечной остановке «Спасск» к конке подпрягали дополнительную третью лошадь для преодоления крутого подъёма. В августе 1898 г. окончилось строительство четвёртой линии, ведущей в порт. Собствен-

но, на Соборной улице, возле часовни, был узловой отправной пункт всех линий конки. Позднее эти четыре линии слились в два достаточно протяжённых маршрута: «Вокзал – Военный рынок» и «Спасск – Элеватор (порт)». Протяжённость пути составила более 14,5 километров.

Конка представляла собой открытый или чаще закрытый экипаж, иногда двухэтажный с открытым верхом (империал). Вагон по рельсовым путям тянула пара лошадей, управляемая кучером. Конная дорога была одноколейной со специальными разъездами для пропуска встречных конок. Подъехавшая первой к разъезду конка обязана была ждать встречную, пока та не пройдёт и не передаст специальный жезл. Работа конки была строго регламентирована постановлениями Городской думы. Например, предписывалось следующее: скорость движения в интервале 7–12 вёрст/час и только рысью; разъезды должны находиться на расстоянии 235 саженей друг от друга (некоторые из них сохранились как остановки городского трамвая до нашего времени). Городская конно-железная дорога имела два депо с конюшнями и стоянками для вагонов.

В 1902 г., после появления в городе электростанции, началась переписка между Городской думой и Бельгийским обществом о переводе конно-железной дороги на электрическую тягу. Но лишь в 1913 г. конка была выкуплена в собственность города для переустройства своими средствами. Первый трамвай был пущен 21 декабря 1914 г. А в 1917 г. на городские улицы вновь вышла конка, т.к. за время революции Николаев остался без электроснабжения. Только в 1925 г. трамвайное движение в городе было возобновлено.

Алексей Торхов

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.